

Керганд Артур

Рождение и гибель деревни Эстоно-
Семеновки

Трагедия сибирских эстонцев

Что там спит под кровом праха
Дремлет под густой травой?
Это под землей сырою,
Под зеленой муравой,
Наши спят воспоминанья
Клады древних поколений,
Счастья древнего цветенья,
Слова древнего рожденья,
Песни народной творенья.

Убажало их время,
Под полой забвенью скрыло,
Стаи черные коварно
От народа утаили.
Злая их чума скосила,
Задушили их мученья,
Меч бушующий сразил их,
Смерть на ложе положила,
Мгла ночная усыпила.

Фрагмент из древнего эстонского народного эпоса "Колевипозг"

ПРЕДИСЛОВИЕ

После длительной разлуки посчастливилось мне в июне 1981 года предпринять путешествие на родину, где в бескрайних сибирских просторах, среди березовых рощ и первозданных долин была запрятана малюсенькая эстонская деревня Эстоно - Семеновск. Я знал, что этой деревни более не существует, что ее жители разъехались по всей нашей великой Родине, но неудержимое желание еще раз походить по родному двору, рукой потрогать землю детства, вспомнить безмятежных друзей молодости, еще раз в мыслях пережить житейские хлопоты родителей в воспитании многодетной семьи привели меня сюда, на землю моих предков.

Большую часть своей жизни я прожил в Эстонии, здесь я создал свою семью, дети уже взрослые, и внуки начинают взрослеть, но тоска по родине, неудержимая тоска по родному очагу детства не покидала меня ни на минуту, где бы я ни жил и не находился. Тоска эта живет во мне, она пылает пламенем, она осталась там, среди сибирских берез и долин.

И другая цель поездки уже давно скребла мое сердце, не давала покоя ни днем ни ночью, заставляя восстанавливать хронику когда-то сюда переселившихся эстонцев, рождение деревни, годы ее развития, процветания, трагические тридцатые, тяжелые военные и послевоенные годы и, наконец, вымирание и исчезновение деревни с лица земли. Воспоминания о тех, кто в 1907-1908 годах переселился в Новониколаевскую губернию (теперь Новосибирская область) на

целинные земли, расчлененные четырьмя живописными долинами и украшенные березовыми рощами, все больше увлекали и возбуждали мое внимание.

Мечты и творенья, радости и печали этих простых людей были тесно связаны с событиями, которые переживала наша страна в поисках истины по неровным дорогам своих заблуждений. Удары по маленькой беззащитной деревне в годы коллективизации, в годы сталинского террора, в тяжелейшие годы войны и, наконец, послевоенная нищета и лишения были гораздо ощутимее, чем здесь в Эстонии люди могут представлять. Все эти события, оставившие в сердцах людей неизгладимую боль, беспощадно уходят в вечность под могильные камни кладбищ. Умершие безмолвны, про их жизнь и дела можем рассказывать лишь мы – живые. Трудно, порою даже невозможно восстановить то, что было, так как вылетевшие из гнезда ее дочери и сыновья разлетелись по всему свету и их разделяют друг от друга тысячи километров неизведанных дорог. И как далеко судьба не разбросала нас, мы связаны с этим милым местечком тысячами невидимых нитей. Хотя здесь и было много слез, страданий и трагедий, было здесь и много радостных минут, счастливых слез и удовлетворения удавшихся дел. Все это, что мы здесь пережили, будь оно увлажнено слезами счастья или горести, составляют наше прошлое, крошечку нашей истории. Нашим священным делом перед теми, которые жили до нас и перед теми, которые будут жить после нас, является повествование о событиях, которые пережили наши предки, наши родственники и односельчане в этом укромном уголке Сибири.

Здесь описываемые события записаны со слов и письменных воспоминаний многих людей, чья судьба была связана с эстонской деревней Эстоно-Семеновка в течении семидесяти лет, т.е. с возникновения ее в 1907 году и до ее исчезновения с исторической арены в семидесятые годы.

ОНИ БЫЛИ ПЕРВЫМИ

ГУСТАВ ИЛЬВЕС

В 1907 году, седьмого дня апреля по старому стилю, выехали со двора мыза Клопица две домашней утварью тяжело загруженные подводы. День выдался по-весеннему теплый и солнечный. Односельчане, одетые по легкому, стояли на ступеньках своих крылец и махали на прощание руками, провожая покидающую деревню семью. За передней подводой шагал коренастый, немного сутуловатый, пылающий здоровьем и загаром мужчина средних (49) лет, возле него спешила молодая красивая, лет двадцати, женщина. За задней подводой шли два парня, старшему можно было дать лет 15, меньшему 11. На возу среди домашней утвари сидела лет девяти девочка и плакала, лицо было залито слезами. Обои подводами управляли нанятые из деревни два подводчика, которые должны были доставить семью за семь верст до станции Кикерино. Глава семьи Густав Ильвес со своей молодой женой и тремя детьми от первого брака (Вольдемаром, Мартином и Лидией) предпринял далекий и нелегкий путь за несколько тысяч верст в Сибирь. Впереди ожидала его незнакомая, полная опасностей и риска жизнь.

Жизнь этого мужчины сложилась довольно своеобразно и сложно. Родился он в 1858 году в семье батрака в местечке Вяйке-Маарья в северной Эстонии. С трех лет вместе со старшим братом Яковом осиротел – обои родители умерли, оставив мальчиков на попечение мира. Господа мызы, вернее две барышни – старые девы, взяли сирот под свое попечение. Они чинили мальчикам штанишки, шили, по субботам водили в баню, учили читать и писать, кормили в общей столовой, спали они на кухне, куда была внесена их постель. Когда были еще маленькие, им дали для работы щипать гусиные перья, а также смотреть за гусями, чтобы далеко не ушли.

Позднее, когда подросли, пасли овечью отару (у помещика было 400 овец). Когда еще немного подросли, Густава отдали к садовнику в ученики, откуда его и взяли в солдаты.

Молодого парня отправили служить в штат в артиллерию. От гула мощных орудий у него заболели уши и, его перевели в пекарню печь хлеб для солдат. Здесь пришлось таскать тяжелые 150 килограммовые кули с мукой. Его сослуживцы таскали эти тяжелые кули вдвоем, он же один, как медведь, взваливая мешок себе на плечи и шагая по крутой лестнице наверх.

Через пять лет, когда демобилизовался, не было своего уголка куда идти, назад к помещику в батраки тоже не хотелось идти. Старшему брату Якову посчастливилось устроиться в Петрограде при царском дворе конюхом, туда первоначально и отправился Густав.

Далее рассказывает его дочь Лидия Керганд, которая в начале этого рассказа сидела на возу и горько плакала. «Даже не знаю, как отец познакомился с моей матерью» - повествует дочь, - «были ли они знакомы до солдатской службы или встретились в Петрограде. Родители моей матери жили в Таллинне и занимались портняжеством. Эпп и Иосиф Яягер звали мою бабушку и дедушку со стороны матери. У них было много детей и все городские ремесленники. Три брата моей матери - Юхан, Таавет и Александр занимались в Таллинне столярным делом, четвертый брат (имени не помню) был художником, писал красками большие картины. Дочерей было двое, мою маму звали Лизой и ее младшую сестру Тали. Лиза работала у господ горничной и поварихой, Тали вязала скатерти, шторы и шила горожанам одежду.

Отец съездил в Таллинн, к родителям моей мамы и привез себе в супруги Лизу. Местожителство и работу молодожены нашли на окраине Петрограда, где требовался садовник. Хозяин, немец по национальности, был очень плохого характера, постоянно брюзжал и придирался к работникам. Однажды, когда хозяин опять пришел в оранжерею брюзжать и учить, отец не выдержал, схватил с полу топор и угрожая сказал: "Если ты сию-же минуту не уберешься восвояси, то получишь вот этим топором", - и отец не двусмысленно покачал своим грозным оружием. В тот же день отец взял расчет и уехал из Петрограда за 80 верст в сторону Нарвы и остановился в имении (мызы) Клопица, которая находилась в семи верстах от железнодорожных станций Кикерино и Волосово. Мыза находилась в большой деревне, где были две церкви и две школы, больница и корчма. Здесь в мызе отец работал садовником семнадцать лет подряд, пока не уехал в Сибирь. Когда умер старый барин, сын его продал часть своих земель. Восемь эстонских семей (Линдер, Лохк, Васк, братья Яан и Юрий Лаур, Ламбакахар и Рехемярт). Лес купил предприимчивый эстонец Кекк, который построил лесопильный завод и стал торговать лесом.

Сердцевина мызы с господским домом, скотным двором, конюшней, домом для батраков и оранжереей остались не проданными. Наша семья жила в доме против оранжереи. За счет мызы проводился ремонт дома и один раз в год вели побелку комнат. Со двора можно было выехать через двое ворот, одни находились со стороны конюшни, другие напротив, со стороны дома для батраков. Посреди двора, меж двух столбов, висел колокол, звон которого звал батраков на обед. Из амбара выдавали провиант для батраков и для столовой.

Здесь в мызе Клопица, в нашей семье было уже шестеро детей (Аля, Лине, Волдемар, Франц, Мартин и я, Лидия), когда мать родила еще маленькую дочурку, которой дали имя Аврора. Роды были тяжелые, мать потеряла много крови, был даже вызван врач, но он задремал возле больной и проснулся лишь тогда, когда вся кровь почти вытекла. В последнюю минуту кровотечение остановили, но мать не поправилась. Сперва умер ребенок, а вскоре и мать. Это случилось летом 1903 года. Похороны матери я плохо помню. Во время панихиды было много народу, люди стояли даже на улице за открытым окном, женщины брали меня на руки (мне было лишь 5 лет) и со слезами говорили: "Теперь ты сирота". Все плакали, но у меня не

было слез, разве кто-нибудь больно щипнул бы или подергал бы за косичку. Брат Вольдемар, опрокинувшись на постель матери, горько плакал, ему тогда было 11 лет, и он уже понимал, какое горе постигло нашу семью. Францу было тогда 8 лет и Мартину 7 лет, сестрам Але и Лийне соответственно 15 и 13 лет.

В день похорон ожидали бабушку из Таллинна, так и не дождалась. Эстонское кладбище находилось в Пешкове, от Клопица в трех-четыре километрах. Только через час после отъезда похоронной процессии пришла бабушка. Она приехала на станцию Кикерино, но не владея русским языком не смогла нанять извозчика, так и плелась пешком все эти 7 верст. Когда дошла, Лийне сразу же побежала в деревню за извозчиком и отправила бабушку на кладбище, но все равно опоздала, могила была уже зарыта. Бабушка в моих глазах запечатлелась как по городскому одетая роскошная госпожа, с ридикюлем и красивой шляпой, из-под которой виднелись седоватые волосы. Она давала нам гостинцев и брала меня, как самую младшую, на руки. Когда она уехала, этого я совсем не помню.

Для нашей семьи 1903 год был чрезвычайно несчастным. Вскоре после похорон маленькой сестрички и матери умер в возрасте восьми лет Франц. По старшинству он был после Волдемара четвертым ребенком. Предполагаемой причиной его смерти был один очень острый случай. Однажды, когда Лийне и Волдемар пошли с ведрами к колодцу за водой, и Мартин побежал просто так за ними, Франц взял со стены отцовское охотничье ружье и стал с ним играть. Я как раз расплетала свои косички, когда брат заметил меня и направил дуло на меня. Я же стала пятиться к стенке и крикнула: "Франц, не балуй!" Раздался страшный выстрел, с испугу я упала и стала кричать. К счастью заряд миновал меня и попал в косяк двери. Франц же, остолбеневший и побелевший, стоял как вкопанный. Лийне и Вольдемар, услышав выстрел, бросили ведра, быстро вбежали в дом. Воды в доме не было и Лийне налила из чайника в кружку воды и заставила меня это выпить, как первая помощь от испуга. Францу же никто не догадался дать воды, его просто забыли. После этого случая он и заболел.

Отец был вдовцом три года. Управляющим мызы в то время был эстонец, старый холостяк Вольдемар Юхансон. Он нанял к себе в горничные двадцатилетнюю эстонку Маали Саар, дочь одинокой бедной женщины, которая жила в убогой бане богатого крестьянина и за это должна была летом отрабатывать на полевых работах, а зимой прясть пряжу. Между отцом и Маали возникла дружба. Как дочери бедной одинокой женщины, ей пришлось незаслуженно переживать много лишений и горьких дней. Стать женой садовника значило подняться с нижней ступени на более высокую. Их брак оформили в 1906 году. Отцу было тогда 46 лет, молодой 20.

Управляющий нанял себе новую горничную, опять же эстонскую девушку по имени Ленни Рейн. У нашего отца возникли мысли поехать в Сибирь именно через эту девушку. Вот как это случилось. Однажды к Ленне приехал в гости ее отец. Как-то в разгар беседы Рейн спросил у нашего отца: " Не хочешь ли ты поехать в Сибирь, там, говорят много свободной земли? " Расхвалил до небес тамошнюю жизнь и тамошние условия. " Сколько же можно батрачить у помещика, когда там на свободной земле ты можешь стать самосто-

ятельным хозяином"- подбадривал он отца. Отцу этот план понравился, он рассуждал: " Жена у меня молодая, привыкшая к крестьянской работе, сам тоже еще в полной силе, почему бы не попробовать счастья? " Не говоря ни слова, тайком оформил все нужные документы и лишь тогда выложил свои намерения. Управляющий очень обеспокоился от неожиданного решения, ведь был же отец во всех отношениях надежный и честный работник.

Переселение в Сибирь окончательно прервало мою учебу, я смогла ходить в школу лишь одну, а брат Мартин две зимы. Вольде-

мар и Лиине оба окончили по 5 классов, а Аля, кроме того, еще какие то курсы. Во время подготовки к выезду в Сибирь Лиине училась в Таллинне портняжному делу, в то же самое время Аля служила в Петрогаде у наших же господ горничной. Знали они или нет, что отец собирается в Сибирь, я не знаю, но в день отъезда я горько плакала, так как было жалко оставлять их здесь. Моя подруга одноклассница, русская девчонка, тоже плакала, крепко обнимала меня за шею и звала к себе жить.

Домашней утвари у нас с собой взять было не так уж много, как у крестьян, которые клали в багаж даже корыта для свиней. Наш багаж состоял из шкафа для верхней одежды, двух кроватей, стола, кухонной посуды, нескольких стульев, швейной машинки, большого чемодана с одеждой, брезентовой палатки и разных мелких предметов, связанных в узлы. Часть домашней утвари пришлось оставить, в том числе и красивый комод. На станции Кикерино тяжелые и громоздкие вещи положили в багаж, более легкие брали с собой в вагон. Для нашей семьи в вагоне было целое купе. В Москве была длительная остановка, нужно было пересест в поезд, направляющийся в Сибирь. Мне запомнился Московский вокзал - длинное кирпичное здание с керамическим полом, около стен длинные скамейки, с сидящими там пассажирами. В Москве, наверное, не было Московского вокзала, а Казанский.

Часть наших пожитков лежала в купе на полу, часть на скамейке возле мачехи. Отцу некогда было сидеть, все время колесил между многочисленными кассами, забегал на минутку и вновь исчезал куда-то. Наконец удалось оформить проездные билеты, и мы переселись в вагон. Для семей, направляющихся в Сибирь были поданы товарные вагоны (мы называли их телячьими вагонами), которые сильно грохотали и тряслись, подолгу стояли на станциях, при маневрировании делал внезапные торможения так, что люди, чертыхаясь, падали на карачки.

Когда наш поезд, загнанный куда-то в тупик, долго стоял, дети выходили из вагонов и играли напротив в канаве. Однажды, во время одной из длительных стоянок, играя с братом Мартином и еще с одной девочкой в канаве напротив вагона, вдруг заметил, что наш поезд уже тронулся. Быстро вылезли из канавы, но брат-баловень толкнул нас обеих девчонок обратно в канаву, а сам, мелькая голыми пятками быстро побегал в вагон. Пока мы выкарабкивались, наш вагон передвинулся, набирая скорость довольно далеко. С большим трудом догнала, схватила за дверные перила, но никак не могла ступить на ступеньку, так как за мной бежавшая девочка тянула меня за платье назад. Незнакомый мужчина, стоявший около дверей, схватил меня за руку и одним махом поднял в вагон. И другая девочка влетела в вагон этим же путем, так что у незнакомца самого слетел с ноги галош и остался лежать в канаве.

Наше путешествие по огромной Сибирской магистрали длилось более двух недель. К пасхальным праздникам прибыли в Новониколаевск (теперь Новосибирск). Тогдашний Новониколаевск с несколькими тысячами населения походил больше на большую русскую деревню, нежели на губернский город - сплошь одноэтажные деревянные дома. Напротив нашего вагона стоял длинный поезд с солдатами царской армии, которые как раз обедали и выбрасывали через окно скорлупу куриных яиц. Нам предстояло еще продолжать путь до станции Ижморск - это в сторону Мариинска. В Ижморске с нами вместе ехавшие эстонские семьи наняли извозчиков до большой реки, откуда надо было паромом перебраться на другой берег. Оттуда до эстонских деревень Казекюла и Лилленгофа было уже не так далеко. Наш отец решил дожидаться прибывшего по железной дороге багажа, а пока нанял в деревне квартиру.

Ожидая багаж, отец случайно встретил мужика-эстонца, который оттуда, из-за большой реки, куда поехали наши спутники. Мужик недоброжелательно отозвался о той деревне, говоря, что она находится слишком на севере, ранние заморозки не дают зерну как следует созреть, хлеб из нее получается плохой. Как бы в под-

тверждение своих слов он вынул из мешочка кусок хлеба: "Видишь, какой черный хлеб, как медвежье дерьмо"- говорил он, показывая черный комочек хлеба. Более убедительной характеристики будущему месту жительства было трудно придумать. Мужик стал агитировать отца поехать обратно в юго-западном направлении, где в деревне Ракита поселилось много эстонцев и хотят, чтобы их еще прибавилось, так как еще есть немного свободной земли. Вся наша семья села опять в вагон и поехала в обратном направлении до станции Чебула, где опять наняли квартиру. Отсюда до деревни Ракиты было близко и отец решил сразу же поехать в Новониколаевск оформлять документы. Но оформление документов затянулось, дни летели за днями, недели за неделями, и уже приближалась троица, которая считалась в то время очень большим праздником. В Ракиту мы не попали, ее успели заселить раньше, чем наши документы дошли до чиновников. Осталась еще одна деревня, вернее ее только-только начинали заселять. Предполагаемый поселок находился от Новониколаевска в 120-ти верстах к востоку и назывался Семеновск. В губернском городе, где отец все это время оформлял документы, встретил Яаана Ванника, родом из Эстонии, из деревни Лохква близ города Тарту. Его семья тоже не попала в Ракиту и теперь он искал новое место. У Ванника была в Раките выстроена уже землянка. Однажды мачеха Мааме позвала меня с собой, чтобы навестить в Раките Ванниковых. От этого посещения мне запомнилось лишь то, что перед землянкой на простыне сидел их полуторогодовалый сынишка Эдуард и ел из глиняной чашки кашу.

В то же самое время, когда отец оформлял документы, в губернское управление прибыли еще двое эстонцев-ходоков, которые приехали узнавать про условия жизни в Сибири, а одновременно и записаться в список желающих получить землю. Эти два мужика - Сирель и Кярстен, записали в список желающих кроме себя еще несколько семей - Керганд, Кепс, Беекман, Лепмансон и Пиирман.

На станции Чебула мы прожили несколько недель. Отец купил здесь у местных жителей две коровы, кобылу с жеребенком и с широкой платформой крестьянскую телегу. У эстонцев телега была немного другого устройства с боковыми лесенками. Коров пасли, сменяя друг друга, мы с Мартином. Пасли коров на поляне около железнодорожного полотна. Отец строго наказал следить, чтобы животные не попали на железную дорогу. Мачеха давала мне с собой вязать в свободное время кружево.

За несколько дней до троицы удалось все документы привести в порядок и начать подготовку к переезду на постоянное место жительства. Затянувшееся на два месяца изнурительное путешествие, наконец, стало подходить к концу. Все радовались скорой спокойной человеческой жизни. Главы обеих семей решили сперва поехать и разведать местность куда приземлится. Отец взял с собой 14-летнего Вольдемара, а Яан - своего 19-летнего сына Юхана. Выехали рано утром. По прибытию выяснилось, что здесь нет ни единого дома, ни единого жителя, деревня существовала лишь на губернских бумагах. Перед глазами восхищенных мужчин открылась панорама нетронутой целины с березовыми рощами, цветущими лугами и глубокими долинами, где во множестве щебетали певчие птицы. Первооткрывателям место понравилось и, что самое главное - земля обещала быть плодородной. Место для начальной остановки выбрали на берегу реки, где-то в районе расположения нынешней деревни Русско-Семеновка. Быстро распрягли лошадей и пустили на луг. На высоком берегу реки развели костер, над ним меж подпорок поставили котелок с водой. После небольшой разведки в ближайшую окрестность долго сидели у костра и строили планы будущей жизни. Рано утром, когда над рекой еще не рассеялся туман, родители запрягли лошадей, чтобы начать обратный путь. Сыновья оставались здесь, чтобы подготовить временное жилье для прибывающих семей. Густав выбрал на берегу реки огромную березу и велел Вольдемару построить под ней из молодых берез шалаш. Яан Ванник же приказал своему сыну Юхану вырыть в берег реки землянку.

Через пару дней, в ранний утренний час со станции Чебула двинулась в путь тяжело груженная домашней утварью подвода. К задней перекладине телеги были привязаны две коровы, около кобылы семенил на тоненьких неуклюжих ножках рыжий жеребенок, а возле подводы шагала с вожжами в руках отец. Мачеха Маали и Мартин подгоняли недоумевающих и сопротивляющихся коров, а я шагала просто так. Путешествие длилось два дня, делали лишь коротенькие остановки, чтобы покормить коров и лошадей. Вечером первого дня с наступлением сумерек остановились около одной речушки на ночевку. Коровы очень беспокоились, нюхали воздух, кобыла фыркала и все косились в сторону кустов – верный признак, что вблизи рыскают волки. Отец развел костер и взял с воза охотничье ружье, зарядил его и положил под руку. Всю ночь поддерживали костер и сжигали маленькими порциями порох, чтобы запахом отпугивать хищников. Мы все спали плохо, неисчислимые стаи мошкары и комаров атаковывали нас всю ночь, пробираясь под одежду, за воротник и рукава, обжигая наши тела как крапивой.

С восходом солнца тронулись снова в путь. Утренняя прохлада и обильная роса обещали превратиться в полуденную жару. Был первый день троицы. В Тогучин, в небольшую типичную русскую деревню, прибыли после обеда. Отец пошел в деревню, чтобы купить хлеба и яиц – как никак великий праздник надо было встретить как следует. До места назначения осталось около 5-ти верст. Переехав речушку, очутились на землях Семеновска. Вскоре навстречу к нам прибежал веселый краснощекий Вольдемар. Зеленый шалаш, сооруженный им из молодых берез ожидал своих первых жителей. Отец и Вольдемар быстро развязали воз, спустили с него шкаф, стол и кровать, втащили в шалаш, посреди поставили стол. Маали накрыла стол белой скатертью, полная молодого пыла побежала на лужайку, набрала целый букет оранживых купальниц и поставила посреди стола в вазу. Наш "зеленый" дворец был полон запахов полевых цветов, которые цвели в изобилии вокруг нашего шалаша. Нами овладело блаженное чувство торжества, что наконец-то окончились наши муки и бесконечная жизнь на колесах. Теперь можно забыть печаль и усталость и предаться мечтам новой незнакомой жизни. Радушно встретили прибытие в Сибирь путешественников. Было самое красивое время года, вокруг все благоухало, цвело и дышало новой жизнью.

Перед зеленым шалашом поставили брезентовую палатку, куда перетащили с телеги всю нашу домашнюю утварь. В ненастную погоду вся наша семья могла укрыться там. Окружающий ландшафт был неровный, немного волнистый с прорезями долин. В основном росли здесь березовые рощи, в низинах и заболоченных местах осины и кустарники черемухи, ивы, калины. Первозданная сибирская природа была человеком еще не тронута, только близ Сурковской границы виднелись одинокие клочки обработанной земли. Вода в реке была кристально чистой, ее можно было без каких-либо предрассудков употреблять в питье и пищу.

После праздника прибыла на место и семья Ванниковых. Вырытая в берегу реки землянка приняла своих первых переселенцев. Эта была настоящая крепость, где семья могла укрыться от ночной прохлады и дождя. С багажом они привезли все необходимые сельскохозяйственные орудия. Уже на второй день после приезда приступили к обработке земли. Время не ждало, самый разгар полевых работ был уже упущен. На третий день посадили картошку. Для посева использовали у Сурковской границы коренными жителями оставленное прошлогоднее жнивье. После весеннего сева сразу же стали пахать целину под пары. Веками нетронутый чернозем лег ровными лентами под острым лезвием плуга.

У нашей семьи своих сельскохозяйственных орудий не было, пришлось первоначально одолжить у Ванника. В последствии отец купил все необходимое в магазине. Денежные сбережения, которые у отца были годами накоплены, таяли как снег под весенними лучами солнца. Много денег израсходовали в дороге, много на приобретение скота, семенной картошки и зерна, много расходовали на покуп-

ку продуктов питания. К зиме надо было приобрести какое-нибудь жилье. Отец купил от местных крестьян небольшой амбар, сложил его в четырех верстах от первоначальной остановки на берегу небольшого ручейка, где в последствии стоял хутор Михкеля. Из амбарчика получился маленький однокомнатный домик с одним на юг открывающимся окном и в сторону ручейка открывающейся дверью. Из строганных досок настлали пол. Недалеко от избышки, вплотную к ручью отец построил еще маленькую баню. Бревна для бани вырезали здесь же, поблизости от леса. Ванниковы тоже перебрались сюда к ручью и снова вырыли землянку по счету уже третью. Яан не стал тратиться на покупку дома, хотя и был сравнительно богат. Мизерное отверстие в стенке землянки не могло как следует осветить внутренность помещения и рассеять полумрак. Пол землянки был глиняный. Их старшему сыну Юхану не нравился этот полумрак и в свободное от работы время всегда приходил к нам играть в шашки. Отец сам смастерил пешки и доску, выкрасил в соответствующие краски, было хорошее время проведение в длинные зимние вечера. Наша комната хотя и маленькая, но зато уютная и светлая, была несравненно лучше землянки. По субботам у нас мыли пол, ходили в баню, и в доме всегда была чистота и порядок. Семья Ванниковых тоже ходила в нашу баню.

В это же самое лето, когда приехали в Сибирь, стали при-бывать и русские семьи. Они останавливались сначала около нас у ручья, но вскоре перебрались к речке, где теперь находится Русско-Семеновка. Таким образом и образовались две деревни, одну назвали Русско-Семеновским, другую Эстоно-Семеновским.

Отец и Яан Ванник в свободное от работы время обошли на эстонскую землю отошедшие земли. Четыре глубокие долины в направлении с юга на север делили эту землю как-бы на полосы, которые придавали местности волнистый и немного холмистый вид. Земли же русской половины были более-менее ровные, через которые протекала небольшая речушка. Перед восхищенными глазами мужиков встала Сибирская земля во всей своей первозданной красоте. Нетронутую еще человеком вечную целину покрывал зеленый ковер сочной травы, цвело неисчислимое количество цветов, в низинах росли незнающие болезней кусты черной смородины с крупными сочными кисло-сладкими ягодами. Ветки черемухи гнулись под тяжестью крупных сочных гроздей. Ягоды сибирской черемухи крупные и довольно сладкие, не сравнить с растущими в Эстонии, которые не пригодны для еды. Черемуху собирали в огромном количестве, сушили на солнце, часть молотили на мельнице в муку, из чего пекли зимой пирожки. Сушеные ягоды давали детям при расстройстве желудка. Черную смородину и землянику тоже сушили, что в то время было основным видом консервации ягод. Осеннюю природу украшали тяжелые гроздья калины. Ягоды в сыром виде для еды были не пригодны, но в тушеном виде у них приятный специфический вкус, особенно, если добавить ложку меда. Калину собирали осенью много. Собранные гроздья связывали в пучки и подвешивали на чердаке к перекладинам перил. У мороженных ягод вкусовые качества немного улучшались. Немаловажную роль в рационе пищи играли грибы. Их во множестве можно было собирать по осенним сенокосам. Коренные жители приезжали в лес на телегах и собирали лесную дань целыми возами.

Первый год пребывания на земле сибирской прошел под знаком тяжелейшего повседневного труда. Надо было в короткое время провести весенний сев, построить временное жилье, заготовить на зиму дрова, для скота временный хлев и заготовить корм. Правда, успешному проведению всех этих работ благоприятствовала погода. Для переселенца из Прибалтики, где погода очень изменчива, здесь, в Сибири, далеко от морей и океанов, было непривычно много солнечных дней. Трава, скошенная вручную, сушилась быстро, перевернутые валки на второй день можно сложить в копны. Сена заготовили много, можно было косить сколько хватало силы и мощи в руках, так как луга всей деревни раскинулись перед ними. Косили там, где удобнее и где трава получше. Четырнадцатилетний Вольдемар был еще

совсем мальчишкой, но рядом с отцом споро справлялся с любой работой. Да и одиннадцатилетнему Мартину не давали пощады, и для него находили посильную работу. У Ванника старший девятнадцатилетний сын Юхан был для отца настоящим помощником. В его руках спорилась любая работа, будь это повал леса, сенокос или плотничье дело.

По вечерам после работы, когда садились отдыхать на скамейку у ручья, было приятно смотреть как на пастбище играют жеребята. У Ванника был черный, у нас рыжий жеребенок. Перегоняя друг друга они бегали взад и вперед. Их красивый грациозный бег принес нам радость в будни повседневной жизни.

Однажды ночью напали на лошадей волки. У нашего жеребенка с боковых ребер был отодран большой лоскуток кожи. Кобыла, оторвавшись с цепи, поспешила на помощь. Отец залечил рану, но через несколько дней погибла кобыла, нашли ее мертвой на пастбище. Позже, рассуждая о происшедшем, пришли к выводу, что кобылу поразил прострел, в те времена среди населения это было распространенное суеверие, так как иначе не могли никак объяснить внезапную смерть животного. На зиму новую лошадь не стали покупать. Зато Вольдемар стал с особой любовью и вниманием ухаживать за жеребенком. Кормил и поил его, соскребал и чистил щеткой отставшую шерсть, угощал лакомством. Жеребенок отвечал взаимной привязанностью, издали приветствовал своего хозяина дружеским ржанием.

Однажды зимним утром, идя в конюшню покормить жеребенка, Вольдемар прибежал сразу же обратно, схватил со стола нож и помчался обратно. Жеребенок лежал на земле с натянутым вокруг шеи поводком. Вольдемар без промедления перерезал поводок, но животное более не двигалось. Мужчины в разговоре между собой предположили, что мужчина, у которого купили кобылу с жеребенком был, наверняка, со злым глазом. Так трагически закончилась эта покупка. Труп жеребенка оттащили подальше от дома в сугроб. Ночью вдруг стали собаки сильно лаять и визжать. Вышли с ружьем посмотреть в чем дело. Наша большая пестрая собака взобралась на сани, лаяла в сторону леса, а Ванниковых маленькая дворняжка визжала из под саней. Около падали в темноте заметили движение. На выстрел отца темное пятно быстро скрылось в лесу. Когда утром пошли смотреть, увидели на снегу вокруг падали крупные волчьи следы. В первые годы жизни в Сибири этих хищников было много, про них передавали из уст в уста разные страшные рассказы и удивительные истории, но со временем, когда селения заполнились переселенцами, волки исчезли, видимо, их исконные места жительство занял человек.

Наступили солнечные мартовские дни, против южной стенки нашей хижины оттаял кусочек чернозема, зимние дороги потемнели, около хлева, распространяя по всему двору ароматный запах, стала дымиться куча выброшенного навоза, около построек появились лужи и струйки талого снега. Днем таял, ночью застывал. По утрам я с Мартином бегали по застывшей корке снега, как по асфальту далеко в таинственные рощи и долины любоваться окружающей природой. В кустарниках и березовых рощах и лугах находили множество заячьих троп и из-под снега оттаявших кругляков их испражнений. То тут, то там на верхушках берез сидели группами темные силуэты тетерев, которые внимательно следили за нашими движениями. По приближению нас, птицы взлетали и исчезали за опушками леса. Сухой и освежающий воздух, бездонное синее небо и из-за верхушек берез восходящее солнце вселяли в нас бодрость и радость, как-бы вливая в нас оживляющий бальзам. Днем снег опять смягчался, убавляясь все больше и больше.

Однажды в мартовское воскресенье, выходя на улицу почистить щеткой воротник своей куртки, заметила по дороге со стороны Сурково идущую большую группу людей. Я сразу же побежала обратно в комнату и почти крикнула: "Идите смотрите, к нам идет много людей!" Отец сказал спокойно: "Это эстонцы, которые недавно прибыли в Сурково и находятся там на квартире. Наверняка идут смотреть

нас и свое будущее местожительство. "Наша маленькая хибара набилась до отказа. Это были эстонцы, которых Кярстен Пэтер и старый Сирель прошлой весной в Новониколаевске записали переселиться в Сибирь. Часть записавшихся уже прибыли в Сурково, чтобы ранней весной, как только растает снег, начать здесь новую незнакомую жизнь. В нашу хибару вошли: Иосиф Керганд со своими взрослыми дочерьми Лиине и Рози и с сыновьями-подростками Эдуардом и Александром, старик Кепс со своим сыном Иосифом, старик Беекман со взрослыми сыном Михкелем и дочерью Идой, Лепмансон Даниель - средних лет мужчина. Сразу же завязался непринужденный шумный разговор, шутили, спрашивали как пережили зиму, какое было минувшее лето, какой вырос урожай. Людей интересовало все, что касалось из будущей жизни. Лиза Ванник тоже вышла из своей землянки и зашла к нам. Она шутливо спросила: "Много ли привезли дочерей, у меня целая орава сыновей?" Все смеялись Кто-то, заметив меня, сказал: "Как сюда шли, вышла из избушки маленькая белокурая девчурка, как только заметила нас, сразу же побежала кувырком обратно." Иосифа Керганда подростки Эдуард и Александр, прижавшись к стенке у дверей, стояли притихшие и слушали шумный разговор взрослых. Тогда я не могла предполагать, что один из них в будущем будет самым близким человеком.

В апреле, когда растаял снег, и из-под прошлогодней травы показались зеленые зачатки новой жизни, и березовые почки стали набухать, перебрались к нам на берег ручья и те эстонские семьи, которые жили в Сурково во временно нанятых квартирах. На берегу вырос целый городок соломенных шалашей. Солому доставали у Сурковской границы, где на жнивье брошенных полей стояли скирды старой соломы. Из жердей складывали пирамиды или конусы, снаружи прижимали толстый слой соломы и временное жилье было готово. В этих шалашах жили до осени, пока не построили капитальные дома. Летом прибыло еще четыре семьи - Вебор, Соотс, Бах, Тааль. Таким образом к осени 1908 года собралось сюда на берег ручья десять семей. Весной 1909 года прибыло еще десять семей - Муру, Вальтин, Куйк, Сарапу, Сирель, Кярстен, Клаас, Микит, Соосаар и Пиирман. В последующие годы прибыли еще - Пальм, Эрмель, Палав, Луйк, Саар, Пост, Кригуль, Харк, Лаев и Кяхрик. В конечном счете в нашей деревне жило около 30-ти семей.

В первые два года, когда земля была еще не разделена, люди обрабатывали ее где кому вздумается, захватывая лучшие земли друг перед другом. Мой отец Густав Ильвес был выбран старостой. Он бедняга был просто в отчаянии, разбирая ссоры между односельчанами. На деревенских сходках, где разбирались жалобы крестьян, люди ссорились, готовые вцепиться друг в друга. Бывшим малограмотным батракам и бобылям стало тесно около большого куска земли. В последствии, когда землю разделили на хутора, у всех на токах лежали огромные кучи обмолоченного зерна, никому не нужно было чужой земли, она везде была плодородна.

ЯАН ВАННИК

(По воспоминаниям внука Пауля Ванника)

Из прибывших в Эстоно-Семеновск переселенцев семья Яана Ванника была, по сравнению с другими односельчанами, довольно зажиточной. До прибытия в Сибирь жили они в небольшой деревушке Лохква под г. Тарту, где содержали небольшой бобыльский участок земли. В семье росли сыновья - Юхан (1888), Якуб (1902) и Эдуард (1905). Четвертый сын Антон родился уже в Сибири в 1910 году, когда матери было уже 45 лет. Сам глава семьи Яан родился в 1860 году. Близость города благоприятно воздействовала на бюджет семьи. Осенью, когда окончились полевые работы, отец пошел на двух подводах возить Тартуским купцам различный товар, горожанам топливо,

кирпичному заводу песок, глину, а так же готовую продукцию завода потребителю. И все-таки, несмотря на хороший доход, рискнули поехать в Сибирь искать счастья- очень уж заманчива была идея стать хозяином своей собственной земли. Яан продал скот, землю и с капиталом в две тысячи рублей поехали в далекие края. В багаж положили все сельскохозяйственные орудия и семена, вплоть до семенной картошки (малая синяя- популярная в то время картошка в Эстонии). Из этих семян впоследствии и образовалась основная продовольственная картошка Эстоно-Семеновки.

Две зимы жили в землянке. Когда в 1909 году землю разделили на участки, семья Ванника получила 50 с лишним гектаров. Через весь участок проходила пологая долина с березовыми рощами, с живописными сенокосами и ровными плодородными полями. Условия для успешного развития хозяйства были здесь более, чем благоприятные. Сразу же приступили к возведению построек - теперь уже капитально и навечно. С утренней зари до глубокой ночи в руках отца и сына стучали топоры и визжали пилы. Только- что из лесу вывезенные и еще пахнущие свежестью бревна ложились в стены ряд за рядом, как по волшебной палочке. Вся деревня строилась, она походила на огромную строительную площадку. Каждый на своем участке возводил здание своей вековой мечты. Труд радовал и вселял надежду будущей светлой жизни. Но, несмотря, на спешку в строительстве и другие безотлагательные дела по вечерам иногда были слышны мелодичные звуки гармошки и гуслей. Пели песни, танцевали, завязывались первоначальные узы дружбы. Юхану пригляделась старшая дочь Иосифа Керганда. Девушку звали Лиине. Молодые полюбили друг друга и весной 1910 года сыграли свадьбу. Молодуха пришла в дом в самый разгар работ, когда постройки были еще не совсем готовы, сенокос на очереди и с животными много возни. Как полноценный член семьи, двадцатилетняя молодуха взялась за общесемейный гуж, чтобы тянуть тяжелый воз по дороге нелегкой жизни. Юхан же, здоровый деревенский парень, мог без усталости шагать за плугом или, целый день без усталости валить для постройки бревна или, в кузнице выковывать лемех плуга. Он был, как говорится, мастер на все руки. Любая работа в его руках спорилась и подчинялась его воле.

Юхан и Лиине Ванник и их первенец Пауль рожд.1911 г.
Пауль умер в 1986 году 27 мая в возрасте 75 лет. По его рассказам и записано это воспоминание.

Отец и мать также трудились без усталости с раннего утра и до поздней ночи. Иначе и не могло быть, ведь человек был противопоставлен суровому сибирскому климату и в двоебории победителем мог выйти лишь самоотверженным трудом. Кроме своих мускулистых рук, разума и смекалки надеяться было не на кого. Да и молодой девушке никакой скидки не делали. Сразу же после свадьбы запрягли ее в общий семейный труд. Хотя в отчем доме ее и не баловали, все-таки она здесь не выдержала. В один прекрасный день собрала все свои вещи в узел и вернулась обратно в отчий дом. Учитывая дух того времени, экстремальное решение молодой девушки рассматривалось как чрезвычайный поступок. В ходе дипломатических переговоров между родителями нашли взаимоприемлемый выход. Старик Яан Ванник выде-

лил для молодых из своего хозяйства небольшой участок земли, необходимое количество скота и сельскохозяйственного инвентаря. Это решение обрадовало молодоженов, теперь и непосильный труд казался раем.

Сибирь оплачивала тяжелый труд щедро, с каждым годом закрома амбаров наполнялись все полнее и полнее, быстро росло поголовье домашних животных, так что дворы становились тесными. Младшие братья Юхана тоже подросли и могли уже кое-где подставлять свое плечо. В закромах скопленное зерно нуждалось в реализации. Царское правительство скупало зерно в неограниченном количестве. Вечером грузили мешки на три подводы по 33-35 пудов каждую. В полночь отец и сын тронулись в путь, чтобы к утру быть на станции Болотное, куда от нас было 53 версты. Государственный чиновник взвешивал привезенное зерно и тут же платил деньги. Поздно вечером мужики были уже дома. Следующий день отдыхали, а вечером опять грузили новые мешки на три подводы, чтобы в полночь продолжить свой прежний путь. Одним рейсом вывозили из дому в среднем сто пудов - это приблизительно 1,6 тонн зерна. За зиму отец и сын вывозили из хозяйства на станцию 1500-1600 пудов или 65-66 тонн зерна.

Другой зимней работой в хозяйстве была обработка льна. Осенью собирали лен с полей вручную. Вручную отделяли семенные коробочки, отмачивали в специальных ямах, после отмачивания расстилали сушиться на жнивье или сенокосе, вновь собирали в снопы и увозили на склад. Зимой пропускали стебли льна через фальцовальную машинку, деревянный теребилкой отбивали кострику, прочесывали сперва через редкую, а потом через частую стальную драчку и готовую продукцию свертывали в пучки. Долгими зимними вечерами в каждом доме при тусклом свете пятилинейных керосиновых ламп обязательно жужжала прялка или стучал занимающий добрую половину комнаты ткацкий станок. Пряли льняную или шерстяную пряжу, из чего ткали льняное или шерстяное полотно. После некоторой обработки из полотна шили верхнюю и нижнюю одежду для всей семьи. Из льняного полотна шили нательное и постельное белье, мужчинам рабочую одежду, портянки, мешки, полотенца и многое другое. Из льняного волокна готовили веревки, вожжи, постромки. Из крашенных шерстяных ниток ткали с разноцветными полосами одеяла, вязали рукавицы, носки, джемперы. Из черных или серых шерстяных ниток на ткацких станках ткали шерстяное полотно, из чего после некоторой предварительной обработки шили верхнюю одежду. Да и обувь готовили из материала домашнего производства. Из домашним способом дубленой кожи готовили очень удобные и легкие для полевых работ поршни, а иногда заказывали у сапожника из этой же кожи сапоги. Из дубленой овчинки шили шубы, тулупы, рукавицы, шапки, жилетки и даже мужчинам для зимы штаны.

Прибывшие в Сибирь бывшие батраки и бобыли быстро акклиматизировались и приспособились к суровым условиям местного климата. Люди зажили зажиточно. Поля давали обильный урожай, от продажи скота получали хороший доход, стали приобретать по тем временам передовую сельскохозяйственную технику. На четыре или пять хозяйств покупали молотилку, на два или три хозяйства самовязалку, в которую нужно было впрягать четыре или пять лошадей. Хозяйства переселенцев развивались значительно быстрее, чем у коренных жителей чалдонов. Приобретение по тем временам передовой сельскохозяйственной техники дало сильный стимул к развитию хуторского хозяйства. За труд и старания крестьянина земля платила богатым урожаем.

Старший сын Юхан решил заработанные в своем хозяйстве деньги поместить в еще более выгодное предприятие. Он оставил свой участок земли младшим братьям и купил в деревне Хилино в пятидесяти верстах от Томска водяную мельницу. Мельница была крайне ветхая, но зато ее местоположение очень выгодное - вблизи больших магистральных дорог. Юхан решил все заново капитально перестроить. В Калтайском сосновом бору, за 20 верст от мельницы

заготовили большое количество бревен, на лошадях привезли на место стройки. Бригада рабочих, нанятая из местных жителей, заново построила здание мельницы и большую просторную конюшню. Юхан сам руководил строительством, с утра до позднего вечера суетился на лесах, в наиболее ответственных местах сам с филигранной точностью вымерял и вырубал углы здания.

В этом же 1916 году пустили мельницу в ход. В помощниках недостатка не было. День и ночь слышался бесперебойный монотонный шум жерновов, день и ночь с шумом падала вода на лопасти турбины, день и ночь грузили побеленные мучной пылью мужики мешки на подводы. Сначала Юхан барахтался один, вешал мешки, брал гарцевый сбор и вывозил его в Томск. Кроме того, немало времени отнимало и свое подсобное хозяйство, надо было обрабатывать землю, заготовить корм для скота и множество других работ. Такая беспокойная жизнь долго продолжаться не могла. Надо было найти помощника, кому во время отлучки хозяина можно было бы доверить свое хозяйство. Случай разрешил и эту трудную проблему. В один прекрасный зимний день приехали их Эстоно-Семеновска мужики. Хозяин распорядился ввести распряженных лошадей в нововыстроенную конюшню, а гостей позвал в дом. Приехал тесть Иосиф Керганд со своими сыновьями Эдуардом и Александром и свояками Мартином Ильвес и Августом Муру. Больше всех обрадовалась гостям хозяйка дома Лиине, так как вместе с отцом приехали ее два брата, которых она уже давно не видела. Здесь в ближайшей округности не было эстонцев, и она соскучилась по родному языку. За праздничным столом Юхан и договорился со своим свояком Мартином, чтобы тот вступил в пайщики и приехал на мельницу в работники. После революции 1917 года в России и свержения буржуазии в Сибири хозяйничал некоторое время Колчак. Здесь жили по старинке, продавали и покупали дома, землю, магазины и мельницы. Жизнь протекала по проторенной веками дороге. Слухи о происходившей революции доходили сюда с большим опозданием, люди смутно представляли истинное положение дел. Только богатые фабриканты и помещики видели в новой власти для себя реальную гибель. Крестьяне, даже зажиточные, ожидали и приветствовали Советскую власть. Юхан тоже ничего не имел против новой власти, так как считал себя представителем трудового народа, чьи интересы и защищала эта власть. В это смутное время нашелся покупатель, который хотел купить эту мельницу. Купец предлагал 15.000 золотыми монетами. Чтобы соблазнить хозяина, насыпал на стол целую кучу золотых монет. Но тем не менее Юхан не согласился продать свое прибыльное предприятие.

В 1919 году под мощными ударами Красной Армии стали отступать белогвардейские отряды. В этом же 1919 году в Томской губернии установили советскую власть. Мельницу конфисковали. Оставалось лишь сожалеть, что вовремя не продали мельницу. Хорошо, что лошадей не отобрали. Юхан продал четыре лошади, две коровы и другую скотину и на вырученные деньги купил в г. Томске двухэтажный дом. Прежний хозяин, священник русской православной церкви, почувяв недоброе, решил избавиться от слишком громоздкого здания. Этой покупкой Юхан сделал повторную ошибку. По представлению властей тех времен двухэтажные дома подлежали конфискации. К счастью, планировка дома позволяла его разделить на четыре самостоятельные квартиры с отдельными подъездами. Как можно быстрее Юхан

продал три квартиры горожанам и лишь четвертую оставил себе. Так он спас себя от полного разорения. Позже он оставил и эту квартиру своему младшему брату Антону, а сам переехал в Тогучин.

После установления советской власти в Томске, там организовали курсы строительных десятников, Юхан поступил на эти курсы, чтобы приобрести специальность. По окончании курсов он возглавил районный отдел строительства при Тогучинском райисполкоме. Эта работа ему не понравилась, больно уж много бумажной волокиты для простого труженика, и он попросил освободить его от занимаемой должности. Новую работу он получил в Тогучинской средней школе.

Там он проработал учителем труда до июня 1938 года, когда его необоснованно арестовали сотрудники НКВД, обвинив его в измене родине. После четырех месяцев допроса его расстреляли 21 октября 1938 года. За отсутствием состава преступления его посмертно реабилитировали в 1956 году.

Возвратимся со своим повествованием обратно в Эстоно-Семеновск. Когда Юхан в 1916 году ушел из отчего дома и стал обладателем мельницы, на хуторе продолжали свой крестьянский труд отец и младшие братья Якуб и Эдуард, а вскоре и Антон подрос настолько, что стал пасти коров. Здоровье отца с каждым годом ухудшалось и, наконец, в 1919 году он умер. Все хозяйственные заботы легли теперь на плечи матери и сыновей.

Большая семья Ванниковых. В первом ряду в середине сидит хозяйка хутора Лиза. Начиная слева сидят сын Эдуард, сноха Лиине, сын Якуб и сноха Эмми. Во втором ряду стоят внучка Лида, сноха Вера, сноха (имя не знаю), сын Антон, внук Пауль и внук Эдуард. Фото приблизительно 1946-1947 гг.

Положение семьи осложнилось еще и тем, что накопленные до революции деньги новая власть не признавала, и они совсем обесценились. Но упорным трудом и со свойственным крестьянину упрямством удалось вывести хозяйство из критического положения. Только-только успели выправить дела, как нагрянула новая беда. В 1929 году, когда по всей стране началась невиданная компания коллективизации, хозяйство раскулачили. Причиной тому, по-видимому, послужил большой земельный участок, который достигал 50-ти гектаров. Согласно неожиданно приобретенному названию "кулак", хозяйство обложили соответственно непомерно высоким налогом, что привело его к разорению. Имущество подлежало конфискации. Догадываясь, что их впереди ожидает, братья стали потихоньку ликвидировать свое хозяйство и в одну зимнюю темную ночь запрягли лошадей, привязали скот за рога к дровням, овец на сено в сани и до первых петухов выехали из деревни. По дороге в попутных деревнях распродали все по дешевке. Жена Якуба Эмми, которая скрывалась у соседей несколько дней, тоже в одну ночь запрягла племенного жеребца в сани и исчезла бесследно. Когда актовики пришли конфисковать имущество и выселять хозяев из дома, то с изумлением увидели пустой с распахнутыми дверями скотный двор, а также пустующий жилой дом, где в одной комнате сидела хозяйка дома. Не оставалось ничего более, чем вытурить хозяйку из дома и заколотить досками окна и двери. Так печально закончилась жизнь батрака-переселенца из Эстонии после двадцати двух лет самоотверженного труда на зем-

ле Сибирской. Братья сначала приютились в Томске , потом их след затерялся в необъятных просторах великой нашей родины.

МИХКЕЛЬ БАХ

(по воспоминаниям Магдалены Соотс)

В 1975 году, когда моя крестная мать Магдалена Соотс (девичья фамилия Бах) еще была жива, я попросил ее написать свои воспоминания о жизни первых переселенцев в первые годы заселения поселка Эстоно-Семеновска. Она охотно ответила согласием и стала регулярно высылать по почте свои воспоминания. Магдалена была по критерию тех времен довольно образованная , и ее воспоминания имеют большую историческую ценность. Ей было всего лишь четыре года от роду, когда отец Михкель Бах из Веллавере (название местечка в южной Эстонии) со своей семьей в 1908 году переехал а Сибирь . В нижеизложенном я постараюсь как можно правдивее передать ее воспоминания в несколько сокращенном виде.

Мой отец Михкель Бах родился в 1863 году в местечке Вллавере Арусской волости четвертым ребенком в семье бобыля. Его отец умер рано, поэтому мать была вынуждена батрачить у того же хозяина, в бане которого приютилась семья. Когда старшие братья-сестры свои пастушьи обязанности в окружающих хуторах отработали, пришел черед и Михкелю. Жизнь была тяжелая, мальчишки стали обучаться ремеслу . Старшие братья Юхан и Карл выучились портняжному делу, мой отец Михкель стал строителем. Старшему брату Карлу осталось еще год учиться, когда ему выпал жребий идти на три года служить верой и правдой царю.

Михкель ит Эмилие Бах и их дочери Магдалена и Антоние. Фотография до выезда в Сибирь. Фото 1906 г.

Жаль было прерывать учебу, чтобы после службы начать все сначала. На семейном совете решили, что служить пойдет самый младший брат Михкель, тем самым даст возможность старшему брату закончить учебу . Михкель дал на это свое согласие.

После службы Михкель пошел опять на стройку. Случилось так, что хуторянам этой деревни выделили из запасного фонда небольшой участок земли для деревенского кузнеца (в те времена для крестьян очень нужный человек) Но кузнец почему-то так и не пришел, Михкель пошел в волостное управление спросить , может дадут этот участок ему. К счастью его просьбу удовлетворили. Через два года на этом участке был выстроен маленький красивый обшитый красными досками домик. Этот домик стоит там и по сей день. В 1898 году Михкель привел в свои "хоромы" молодуху - мою будущую маму. До замужества моя мама батрачила у местных крестьян, позже служила у помещика горничной. В первые три года совместной жизни у них детей не было. Летом она работала поденно у крестьян, зимой училась в городе Тарту ткацкому делу. Отец смастерил ткацкий

станок, на котором мама ткала из разноцветных ниток узорчатую ткань. Летом отец нанимался на стройку, зимой же дубил овчинку для местных крестьян. В 1902 году родилась у них дочь Антонина и в 1903 году 9 октября я, Магдалена.

Наш маленький участок земли не мог полностью обеспечить семью хлебом насущным, поэтому отец и мать зарабатывали еще со стороны столько, что могли немного отложить и на черный день. Но все-таки у них на сердце скребла мечта стать полноценным хозяином собственной земли. В те времена в Эстонии распространился слух, что в Новониколаевской губернии много свободной земли. Отец решил сначала поехать на место узнать так ли это. Приехав в 1907 году в Сибирь, он встретил там уже две семьи - Ильвеса и Ванника, которые только-только приехали сюда и начинали свою новую жизнь. Оказалось, что семья Ильвеса, приехавшая в Сибирь из имения Клопица близ Петербурга, была уже знакома с моим дядей Карлом Бахом. Дядя, переехав в Петроградскую губернию, жил около имения Клопица и занимался там портняжеством. Таким образом у нас в Сибири были уже знакомые, куда можно было смело приехать. Отец вернулся восхищенный огромными просторами и возможностями Сибири и принял окончательное решение поехать туда жить.

Потихоньку начали свертывать свое хозяйство и лишнее имущество продавать. Отец взял с собой все инструменты по дереву и металлу. В два деревянных сундука набили до отказа одежду, белье и несколько рулонов самотканной ткани. В багаж положили еще 10 ткацких берден, 2 челнока, безмен, 2 ведра, ведерный котел, чайник, кофейник, 5 чашек, 12 тарелок, 12 пар ножей-вилков, 10 деревянных ложек, целая коллекция деревянных бочков разной величины, 12 чайных чашек с блюдцами, 5 шерстяных одеял, 4 подушки, 2 пары сапог, по шубе отцу и матери, чулков-носок-рукавиц великое множество, двое ножниц, грифельная доска. Отец купил еще телегу, сбрую, культиватор, плуг, соху, патентный замок для амбара, которые все положил в багаж. Всего положили в багаж 70 пудов вещей и инвентаря.

Прибыли в Сибирь на станцию Болотное в субботний день в мае 1908 года. Отец сразу же пошел на базар и купил за 45 рублей вороную кобылу. К сожалению, весь багаж на одну телегу не поместился. Случайно нашелся подводчик, который ехал порожняком в нашу сторону. Таким образом смогли сразу взять весь свой багаж с собой. Остановились со всей семьей и утварью у Густава Ильвеса, который дал нам первоначальный приют. На следующий день после приезда отец пошел в Тогучин на базар и купил там пеструю корову, которой дали кличку "Лиллак". Была хорошая дойная корова. До нашего приезда Ильвес нанял местного жителя, который посеял для нас небольшое поле зерновых культур. Семена картошки привезли мы из Эстонии.

В хибаре Густава Ильвеса была лишь одна 13-14 м² комната, из которой добрую четвертую часть занимала большая русская печка с плитой. Совместно с семьей хозяина из пяти человек должна была поместиться и наша семья из четырех человек. Когда на улице тепло спали на чердаке, при плохой погоде в комнате на полу головами под стол. Отец и мать вставляли чуть свет, рано утром надо было напилить бревна для дома. Сосновый лес был от нас слишком далеко, поэтому пилили березовые и осиновые бревна на своем участке. У бревна один блок окантовывали, чтобы внутренняя сторона стенки выглядела ровной. Вместо фундамента под углы дома ставили большие глыбы камней. В условиях Эстонии эта задача была бы легко разрешима, но на Сибирской земле камней не валялось. Кто-то научил нас поехать к речке, там из обрывистого берега наломали четыре глыбины, под каждый угол один. Мох для уплотнения пазов, а также доски и планки купили на базаре. Отец был опытный, знающий свое дело строитель - все делал сам. Когда смолотили рожь, покрыли крышу соломой. В середине ноября вселились в дом. Окна были еще не застеклены, от ветра и сквозняка прикрыли их мешками и одеялами. К концу месяца окна застеклили. Как мы радовались светлomu и

просторному жилью. Печки и плиты в доме еще не было, всю зиму топили временную железную печь. Хлеб пекли у Ильвеса. Весной привезли кирпич и летом пекли хлеб уже в своей печке.

Одновременно с жильем домом построили прикрытие и для лошади и коровы. Для этого выкопали в земле небольшую выемку, в углы вставили столбы, сверху затяжки, стены и потолок из жердей, снаружи прикрытых толстым слоем соломы, поверх всего прижали жерди, чтобы ветер не сдул солому. Для дверей сделали обыкновенные ворота, куда вплетали скрученную веревкой солому, с обеих сторон покрыли старой мешковиной и прикрепили к косяку веревками. Свет в хлев не попадал, но зато был изнутри теплый.

Сначала все строились где попало и как попало, но потом, когда землю разделили на участки, стали возводить капитальные постройки. К весне 1909 года в деревне было уже 22 семьи с 54мя душами мужского пола. На каждого члена семьи мужского пола давали 12 гектаров земли. Для нашей деревни выделили 680 гектаров полезной земли (болотные места и овраги в счет не входили). Наша семья получили лишь 12 гектаров. Теперь пришлось первоначально построенные постройки перевезти на свой участок. Сначала построили амбар, куда можно было вместить весь урожай этого года. Хлев для скота построили с учетом дальнейшего роста поголовья. Стены возвели из смеси глины и соломы, потолок из толстых планок. Хлев упирался одним концом в небольшую горку, что дало возможность въезжать с возом сена прямо на потолок, где хранили запас корма для второй половины зимы. Для более капитального строительства дома привезли лиственные бревна из тайги за 80 верст от дома. Оттуда же привезли и 20 лиственных кольев, которые могли быть использованы повторно даже через 20 лет.

В нашем хозяйстве были уже две рабочие лошади. Посевная площадь под зерновые достигала 8-10 гектаров, из которых на своем участке только 2 гектара. Остальные арендовали от многоземельцев, у которых не хватало сил самим ее обрабатывать. Свою землю в основном использовали для пастбища. Сенокос тоже арендовали. В первые три года нам не повезло с овцами. Овца, которую купили при прибытии в Сибирь, принесла только одного ягненка-барашка. К несчастью корова боднула своими острыми рогами овцу, выпустив ей кишки, и мы должны были ее зарезать. Барашек вырос, но никто не хотел менять на него овцу. Так мы были без овец до 1912 года, когда у Ильвесовых овца принесла двух ягнят. Но матка одного отбросила. У нас как раз доилась корова и мы приняли откидыша. Ягненок вырос, другую купили на базаре, помню платили 3 рубля. С этого момента у нас пошла удача на овец. В 1913 году у нас в хлеву стояло 5 дойных коров, каждый год оставляли расти по два подтелка и одного жеребенка. Каждый год забивали 4 откормленных свиньи, столько же оставляли расти на другой год. Овец оставляли на зиму 8-10 штук, к осени стадо выросло до 30 голов. Первые годы держали овец в общем хлеву, но потом отец соединил промежуток между амбаром и баней стенками, таким образом получили более просторное помещение для овец. Для свиней был отдельный свинарник. В Сибири было тем хорошо, что свежее мясо можно было держать целую зиму на морозе и только с наступлением весны его солили и в мае месяце коптили.

Животноводство в нашем хозяйстве давало довольно хороший

доход, что позволило приобрести более современную сельскохозяйственную технику. На пять хозяйств купили новую молотилку, куда впрягали шесть лошадей. Наша деревня приобрела четыре таких молотилки. Сортировку отец смастерил сам. В общем отец был довольно умелый столяр и искусный плотник. Он сам смастерил с резьбовыми украшениями шкаф, кровать, ткацкий станок, сновальни, мотальницу и прочую домашнюю утварь. Отец с соседом купили сноповязалку, куда впрягали пять лошадей. Тремя лошадьми управлял сам машинист, а двумя, шедшими впереди, управляли верховые мальчики. Машина сама

вязала снопы и отбрасывала в сторону. Вдвоем с сестрой успевали за машиной складывать снопы в копны. Сенокосилки у нас не было потому, что арендованные земли были слишком холмисты или же болотисты. Весь годовой запас сена косили вручную. Это был тяжелый труд, особенно для меня 14-15 летней девчурки. Заготовливали 9-10 больших стогов. Сибирский климат благоприятствовал сенокосу, трава высыхала быстро. На лето нанимали пастушонка, подростки из русских деревень ходили даже предлагать свои услуги.

Наступили смутные времена, крестьяне не понимали, что происходит в стране. Белые отступая грабили все, что попадало под руку, красные брали то, что еще осталось. Каждый, кто приходил к власти, трактовал по своему усмотрению законы. Наша деревня как-то еще была в стороне, сюда редко заходили проезжие военные отряды, но около больших магистральных дорог деревни ограбили до чиста - все, что годилось есть, съедали. У нас был большой красивый жеребец, задние копыта и шпоры белые. Когда белые отступали, мобилизовали его в обоз, столько мы его и видели.

Фото 1928-1929 гг.

Магдалена и Юхан Соотс со своим сыном Эльмаром.

Юхан был необоснованно репрессирован в 1938 году и расстрелян. Реабилитирован посмертно в 1956 году.

В Сибири в то время властвовал Колчак и его подручный Калагин. Перед отступлением белые казнили в волостном центре Гутово, где я в то время училась, 87 человек. Арестованным дали в руки лопаты и заставили вырыть по другую сторону реки Инья три большие ямы. Потом заставили их стать на край, лицом к яме и по команде расстреливали. Тех, которые были слабы и не могли стоять на ногах, подвозили к яме на санях и тоже расстреливали в упор, а потом ногами толкали в яму. Когда пришли красные, казненных перехоронили в братскую могилу около церкви в 1922 году и их имена увековечили на чугунной плите.

Когда в Сибири установилась советская власть, отцу дали приказ идти со своей молотилкой в русские деревни молотить хлеб. У отца была грыжа и он как раз болел и не смог выполнить приказ. Тогда взяли молотилку и работали на ней пока не разбили ее совсем. Затем известили, пусть приедет за машиной и увезет к себе. У отца даже слезы были в глазах и он сказал им: "Сами взяли, сами разломали, в таком виде она мне не нужна". Жизнь с каждым годом все более усложнялась, стали распространяться слухи о грабежах, убийствах, самовольничании властей - все это нервировало людей, вселяло неуверенность в завтрашнем дне. Отец не выдержал и решил во чтобы то не стало вернуться в Эстонию. В Новосибирске находилось эстонское консульство, через которое многие эстонские семьи возвращались на родину. Наш отец тоже подал заявление на возвращение в Эстонию. Через несколько недель, 28 декабря 1922 года семья вые-

хала из Сибири. Вместе с родителями уехали мои младшие сестры, которые родились в Сибири. Я же со старшей сестрой Антонией остались в Сибири. Семью задержали в Нарве на три недели в карантине. В Эльву, где пустовал дом, ранее принадлежавший моей умершей тети, приехали в феврале 1923 года. У племянников Юхана и Карла были свои дома в г. Выру, где они учительствовали, так что им этот дом был не нужен. По их же совету отец согласился на операцию грыжи. Через год он писал мне в Сибирь: "Теперь я так здоров, как когда-то в юности, могу идти на любую работу и сколько бы я не делал, никто не может мой труд отобрать". По-видимому, это был намек на самовольное взятие молотилки, которую в конце концов сломали.

ИОСИФ (ЕОЗЕП) КЕРГАНД

Иосиф Керганд со своей большой семьей (8 человек) прибыл в Сибирь ранней весной 1908 года, когда поля еще были покрыты снегом, а ночами трещали от мороза колья. Он нанял в Сурково у местного старожилы временную квартиру. Вместе с ним прибыли сюда же еще три семьи (Кепс, Беекман, Лепмансон). Про жизнь дедушки до прибытия мало, что известно. Знаем, что у него были четыре брата (Густав, Яан, Индрек и Даниил), которые все остались где-то около Чудского озера. Про их дальнейшую судьбу мы ничего не знаем. По рассказам бабушки известно, что до прибытия в Сибирь дедушка вместе со своим младшим братом Яаном арендовали у помещика землю, за которую надо было расплачиваться, отдавал половину собранного урожая, т.е. были так называемыми половинщиками (вид аренды распространенный в те времена). Выращивали в основном лен, а также зерновые культуры и скот. Обработанное льняное волокно продавали на ярмарке, а деньги делили с младшим братом между собой. Но дедушка неохотно отдавал долю, принадлежавшую брату. Конечно, от этой явной несправедливости возникла между ними ссора, в ход пошли даже табуретки, и Яан отделился от своего старшего брата. И это все, что мы знаем по рассказам бабушки о ранней жизни дедушки. Бабушку звали Анн (девичья фамилия Кяхрик), родом она была из очень бедной семьи. Поэтому, когда дедушка с бабушкой иногда ссорились, дедушка не пропускал случая попрекнуть бабушку, что она дочь попрошайки.

По прибытию в Сибирь дедушке было 43 года, а бабушка была на два года младше, у обоих, так сказать, самый прекрасный возраст. Детей в семье было шесть: Лиине 18 лет, Леени 16 лет, Роози 14 лет, Альвине 12 лет, Эдуарду 10 лет, Александру 7 лет. В апреле, когда снег растаял, и земля немного подсохла, стоявшие в Суркове на квартире эстонские семьи перебрались в Семеновск. На берегу ручья, где в последующие годы стоял хутор Вебора Михкеля, вырос целый городок соломенных шалашей. В мае прибыло еще четыре семьи – Вебор, Соотс, Бах и Тааль. Теперь в шалашном городке числилось уже десять семей.

В семье Керганда в середине лета родилась дочурка, седьмой ребенок по счету. Новорожденную назвали Тильде. Глава семьи сплел из прутьев ивы люльку и повесил перед шалашом на березовый сук. Дни стояли теплые и солнечные, люлька качалась целый день на улице, только на ночь вносили в шалаш. Рождение дочурки усугубляло и без того крайне трудное положение семьи, ведь надо было как-то подготовить материал для жилого дома, а так же посеять и убрать урожай, заготовить сено и дрова и многое другое. Хныканьем и потерей веры в светлое будущее здесь делать было нечего, только смелое предпринимательство и самоотверженный труд и только труд могли спасти семью от нищеты и гибели.

В следующем 1909 году, когда поселенцам вымеряли земельные участки, семье Керганда отмерили 36 гектаров, кроме того еще несколько гектаров непригодной земли за счет того, что через

весь участок протекает небольшой ручей. В природном отношении участок находился в очень красивом месте – березовые роши чередовались с благоухающими покосами и с ровными полянами пахотной земли. Место для возведения хуторских построек выбрали на небольшой поляне, окруженной с одной стороны березовыми рошами и с другой стороны жилкой небольшого ручья, протекавшего по болотистой низине. Хлев, конюшня, сарай, амбар и дровяной сарай – все поместилось под одной крышей. Жилой дом, где две комнаты, кухня, шафрейка и с глиняным полом прихожая, образовали совместно с хлевом, баней и колодцем четырехугольный просторный двор.

Моя крестная мать Магдалена Соотс в своих воспоминаниях описывает жизнь начальных годов этого хутора так: "Хутор Иосифа Керганда находился в очень красивом месте. В окружающих березовых рощах и островках было множество певчих птиц, куковали кукушки, в теплые летние ночи давали концерты соловьи. Здесь на этом хуторе в 1910 году состоялась первая в истории Эстоно-Семеновки свадьба – замуж выдавали старшую дочь Лиине. Жених Юхан Ванник был один из первых прибывших в Сибирь переселенцев. Через семь-восемь лет последовали остальные дочери и сыновья. Три года подряд, каждый раз в троицу играли здесь свадьбу. Даже не помню кто раньше – Леени или Альвине или Эдуард. Я танцевала на всех этих свадьбах. Время от времени люди поднимались из-за праздничного стола и выходили во двор на свежий воздух. Перед домом на площадке танцевали, пели в хороводе, прогуливались парами по проселочной дороге за домом. Вечером первого дня свадьбы проигрывали церемонию снятия венчального венка с головы невесты и надевали на голову взрослой девушки, откуда вскоре можно было ожидать следующую свадьбу. При снятии венчального венка пели следующую песню (мой непрофессиональный перевод):

Мы венок венчальный плели
Тебе из цветущих роз
И танцевать на луг пошлем
При звуке прекрасных муз.

Припев: Так прекрасен, так прекрасен венок венчальный
Невеста пряла пряжу
Целых семь лет подряд
Из позолоченных волокон
Выткала себе наряд

Припев: Так прекрасен, так прекрасен венок венчальный
Семь лет невеста ждала
Прихода жениха
И пришел он долгожданный
И принес венок венчальный

Припев: Так прекрасен, так прекрасен венок венчальный
И невеста берет со своей головы венок и кладет на голову девушки, откуда можно вскоре ожидать свадьбу. Эту песню поют в хороводе, жених и невеста находятся в середине хоровода. Девушка, которой достается венок, носит его до конца первого дня свадьбы. Всех гостей звали на второй день обратно. Опять ели, пили, танцевали и пели под аккомпанемент гармошки. На свадьбе все были веселые, эстонцы никогда не ссорились. Но однажды во время свадьбы Леени случилась очень неприятная история, которая омрачила все празднество. Вот как это случилось: Леени пригласила на свадьбу свою подругу Миили, старшую дочь Сиреля, которая жила в г. Томске и там вышла замуж за русского парня, который был небезразличен к самогону. У них была уже маленькая дочурка Тамара (во время Отечественной войны пошла добровольцем на фронт и там погибла) Керганд Леени и Сирель Миили дружили и были одногодки. В свое время обе девушки поехали в г. Томск и устроились там у богатых господ служанками. В первые годы сибирской жизни с деньгами было трудно, но взрослым девушкам хотелось получше одеваться, поэтому и поехали в далекий город устраиваться на службу.

Миили приехала на свадьбу вместе со своим мужем, который так напился, что потерял свой человеческий облик и не мог прилич-

но вести себя в обществе. Кроме того, он был еще и ревнив. Миили была красивая и веселая женщина, легка на ногу, танцевала со всеми так, что черные волосы развивались на ветру. Помню хорошо как она танцевала с Сарапуу Августом, у обоих были легкие ноги. После танцев молодые пошли за дом на прогулку. Весенний теплый воздух и прекрасная погода выманивала всех из комнаты на проселочную дорогу за домом. Взявшись под руки парами или втроем шли по направлению к хутору Микита Освальда. Миили взялась под руку с Сарапуу Августом и пошли вместе со всеми по дороге. Муж Миили, хотя и был без памяти пьян, заметив эту возмутительную по его воображению, измену верности, ринулся с кулаками на жену. Почуввав неладное, люди стали утешать его. Но разъяренный муж не унимался. Тогда решили мужики его связать. Барахтаясь и сопротивляясь, рубашка разорвалась на ленты, но все-таки удалось его связать и поднять его на телегу. Люди стали говорить, что его надо увезти домой на отдых. Жена тоже была за то, чтобы мужа увезли отдыхать, но сама осталась на свадьбе, его отвезли домой, развязали руки и уложили спать. Через пару часов прибежали с известием, что разъяренный муж рубит топором на чурбане одежду своей жены. Теперь позвали жену и поехали унимать потерявшего разум мужика. Пришлось его снова связать. На второй день они оба в свадебный дом не пришли. Настроение же у всех было испорчено. В дальнейшем Миили в конце концов разошлась с мужем. Она вышла вторично замуж, ее новая фамилия стала Селиксаар. Когда в 1928 году в Эстоно-Семеновске открыли начальную школу, она стала первой учительницей нашей деревни. Забыла еще отметить, что молодежь нашей деревни ездила на конфирмацию венчаться за 170 верст в г. Томск, где была лютеранская церковь. События этой свадьбы и свадебный обряд записан со слов Магдалены Соотс.

Нужно только удивляться, как быстро акклиматизировались эстонцы в условиях Сибири. Только за несколько лет создали крепкую основу хозяйству, вскоре сравнялись со старожилыми, а некоторые и обогнали их. Трудолюбие эстонцев общеизвестно, это выработалось веками в ходе безжалостной эксплуатации и борьбы за выживание и за кусок хлеба. Местные старожилы были другого уклада жизни, они не так безрассудно нажимали на работу, работали умеренно, не торопясь, отдыхали по воскресеньям и соблюдали церковные праздники. По субботам, когда эстонцы возвращались обратно из Болотного с базара, проезжая при этом через большие русские деревни, удивлялись, как рано все-таки люди уже кончили работать. Сельчане постарше, уже сходявшие в баню и празднично одетые сидели у калиток, шелушили семечки и беседовали с соседями. Молодые же собирались где-нибудь в конце улицы, пели и танцевали под музыку балайки или гармошки.

фото приблизительно 1935-1940 гг.

Анн и Иосиф Керганд. Стоит дочь Лиине Ванник.

К 1919 году из дома Иосифа Керганда были выданы замуж все четыре дочери. На хуторе работали лишь два сына - Эдуард и Александр. К этому времени односельчане приобрели много новой и более современной сельскохозяйственной техники. Но дедушка Керганд продолжал молотить свой хлеб по старинке малой барабанной молотилкой. Большой деревянный маховик, установленный наполовину в вырытую канаву, приводился в движение по кругу ходящими лошадьми. Маховик приводил в движение барабан молотилки при помощи длинного ремня. Разрыхляя предварительно от повязки освобожденный сноп, направляли его в бездонную горловину гудящего барабана. Солома, мякина и зерно - все вместе вылетало из барабана на грабли женщин, которые стояли по обе стороны перед машиной. Вытряхивая граблями зерна из соломы, направляли ее подальше от машины. Зерно и мякина собирались перед молотилкой в кучу.

РУИНЫ РОДНОЙ ДЕРЕВНИ.

В 1981 году, в первый же год ухода на пенсию я решил посетить спрятанную в огромных сибирских просторах малюсенькую эстонскую деревушку - родину моего детства и юношества. Я знал, что этой деревушки более не существует, ее жители разбросаны по всему свету, но непреодолимая тоска еще раз увидеть очаг отчего дома, подышать чистым сибирским воздухом, походить по родным покосам и лугам заставили меня предпринять этот далекий путь. Рано утром восьмого июня я, наконец, прибыл вместе со своим 14-летним сыном Анто в край своей мечты. Вот мы стоим с чемоданами перед открытыми дверями тамбура плавно тормозящего пассажирского поезда Москва-Новокузнецк. Мимо мелькают низкие закоптелые здания складов, бесконечные вереницы товарных вагонов и неуклюжие стрелочные устройства и, наконец, знакомый силуэт станции с надписью ст.Тогучин.

Вышедшие на перрон пассажиры спешат кто в здание вокзала, кто по дороге прямо в город. Стрепещущим сердцем стою и смотрю на такую знакомую для меня и такую дорогую окружность. Удивляюсь, что ничто здесь не изменилось - те же самые здания, вдали за речкой синее тот же самый сосновый бор, через речку Иня на высоких подставках тот же самый деревянный мост. В свое время выстроили двухэтажное здание станции в высокий обрыв берега таким образом, что со стороны перрона оно кажется одноэтажным. Входя с перрона в вокзал, мы сразу оказываемся на втором этаже. В зале ожидания скамейки почти пустые. Спускаемся по лестнице вниз, где находятся касса и другие подсобные помещения. Спрашиваю у дежурного по станции как попасть в Русско-Семеновск. Выясняется, что автобус выходит приблизительно в обед. Никакого расписания движения автобусов мы не находим и, нам ничего более не остается как ждать. Чуть раньше обеда появляется автобус и нам дают из тетради на клетчатой бумаге со штампом билет. Оказывается это совхозный автобус и предназначен для обслуживания своих работников. В Русско-Семеновке нам любезно показали дом, где живет тетя Эльми - младшая сестра моей мамы. Когда эстонский колхоз "Уус - Эму" в середине семидесятых годов по общей компании укрупнения колхозов и совхозов лик-

видировали и присоединили к Русско - Семеновску, то сыновья тети построили ей здесь небольшой домик, где бы она могла провести свою старость. Четыре сына и две дочери имеют свои семьи и живут отдельно от матери. Муж Александр погиб в Великой Отечественной Войне.

Фото 1981 года
Домик тети Эльми

Не так просто было воспитать оставшихся без отца целую ораву детей. Времена были тяжелые, нужда наступала через окна и двери. Теперь все уже позади, дети все хорошо устроились и живут поблизости. Только младшая дочь Линда живет в Белоруссии и сын Павел в Новокузнецке. На следующее утро по прибытии в Сибирь проснулся рано. Через открытую дверь слышу, тетя уже орудует на кухне, в комнате чувствуется вкусный запах жаркого. Сегодня собираюсь идти в Эстоно-Семеновск. Не в тот Эстоно-Семеновск, который выстроили в первые два года войны, а в места прежних хуторов, разбросанных среди долин, березовых рощ и цветущих лугов, туда, где в 1907-1908 годах переселенцы-эстонцы начали осваивать необитаемые целинные сибирские земли. Именно в места жительства первооткрывателей и хочу сегодня идти, чтобы еще раз пережить их мечты, радости и печали. Эти хутора были оставлены в первые годы войны, когда откуда-то сверху был дан строгий приказ перевезти все хутора в колхозную деревню. Пока сыновья ходили по суровым дорогам войны, их отцы, репрессированные в 1937-1938 годах были ложно обвинены и тут же расстреляны, матери в наитруднейших условиях военного времени построили новую деревню. Теперь и этой де-

- 35 -

ревни более нет. Тетя Эльми сказала, что там более никто не живет, все дома вывезены в разные места, люди разъехались кто куда, только дом Эдуарда Сооляте еще стоит одиноко там и, хозяин тоже недавно прибыл сюда. Сооляте Эдуард - мой друг детства и в ближайшие дни хочу его посетить. В последний раз мы были вместе на третьем году войны в стройбате в глубокой сибирской тайге. Он ос-

тался там до конца войны, тогда как моя дорога вела на запад , где бушевала война.

Фото 1981 года, в день моего приезда в Русско-Семеновск. Тетя Эльми со своим внуком на крыльце своего дома.

После завтрака мы сразу же собрались в дорогу. Утренняя приятная прохлада обещала к обеду превратиться в знойную духоту. Почва на полях по обеим сторонам дороги показывала приметы длительной засухи, но посевы были еще сравнительно сочные и не показывали вида, что жаждут влаги. Удивительна эта далекая и таинственная сибирская земля. В Эстонии при таких же обстоятельствах хлеба уже бы давно затянулись желтизной. За многие миллионы лет образовавшаяся метровая толща чернозема на глинистой подпочве не требует много удобрений, хлеба растут здесь прекрасные. Земля щедро одаривает человека хорошим урожаем, лишь бы за ней хоть чуточку по-хозяйски ухаживать. Нечего удивляться, когда в начале века сюда перекочевали эстонцы- бывшие батраки, бобыли и половинщики всего за десяток лет создали крепкую основу своим хозяйствам, в некотором смысле даже опережая старожилов.

Вскоре начались Эстоно-Семеновские земли. Грунтовая дорога, которая во время осенних и весенних непогод наезжена многократно, стала широкой лентой спускаться в долину к бывшему хутору Вебора Михкеля. По обеим сторонам дороги простирались обширные совхозные поля яблонь, черной смородины и черноплодной рябины. Еще совсем недавно в этих краях яблонь не выращивали, зима была слишком сурова. Помню, как отец впервые в деревне приобрел где-то несколько саженцев яблонь, которых при росте надо было пригибать ближе к земле, чтобы зимой легче закрыть снегом. Один саженец был более морозостойкий, ему дали возможность расти прямо кверху, только ягоды были слишком мелкие, наподобие вишневых ягод. Через пару лет, когда яблони как снежные мячи укутались в белый наряд, деревенские жители смотрели на это явление как на невиданное чудо. Теперь ширятся на совхозных полях большие яблоневые сады и никто не удивляется. Только плодов на них в этом году маловато, а многие деревья совсем пустые. Тетя Эльми сказала, что все бывшие земли Эстоно-Семеновска сплошь засажены кустарниками и деревьями, так как совхоз специализирован на садоводстве.

Вдруг впереди, около дороги, замечаем поднявшегося на задние лапки и зорко следившего за нашим движением, наподобие крысы зверька. При приближении он быстро исчез в ближайшей норе. Эти норы я заметил уже раньше по обочине дороги, но не мог определить кому они принадлежат. В раннем детстве совместно с другом Оскаром ходили охотиться на хомяков. Норы этих грызунов находили на

покосах и вблизи полей. Чтобы поймать зверька, наливали воду в нору, и он сразу же выскакивал оттуда. За хорошо высушенную шкурку хомяка в скупочном магазине получали карманные деньги. Но этот, нами виденный зверек был не такой. В последствии узнали, что это был суслик. Я знал, что они ранее водились по другую сторону Новосибирска в Барабинских и Кулундинских степях. Теперь же выясняется, что популяция этих грызунов продвинулась далеко на восток.

Еще до спуска в долину можно заметить направленную вправо еле заметную заросшую тропинку. После небольшого колебания решил по ней дойти до бывшего луга Лепмансона Данииля, оттуда через жилку небольшой болотины на двор Калза Яана, а оттуда уже совсем близко до дома дедушки Иосифа Керганда. До сих пор эстонские старожилы называют эти места по именам первых хуторян, которые в начале века занимали эти земли. Эти крепкие мужики, которые осмелились ехать за тысячи километров осваивать необитаемые земли, давно уже спят вечным сном на кладбище под шелест листьев вековых берез, а также их первое поколение наследников в преимуществе своем отдыхают там же. Помоложе сельчане разбросаны по всей нашей великой родине.

Шагаю по земле отцов, в голове калейдоскоп размышлений и воспоминаний. На тропинке растет роскошная трава, видимо, по ней с самой весны никто не ходил. Через сенокос Лепмансона Данииля проходит жилка влажной земли, даже в середине лета она отсыревшая. Пешком и на лошади можно легко перебраться, но на тракторе опасно ехать. У перехода на обнаженную влажную землю прилипло бесчисленное количество белых бабочек. Что их сюда приманило - или жажда в знойную погоду или тут кроется другая, нам непонятная, загадка природы. По обеим сторонам жилки раскинувшийся покос был украшен пестрым ковром полевых цветов, особенно много цвело желтоголовника. Луг походил на огромный цветущий сад. В Эстонии уже давно нет целинных покосов, вся земля перевернута и культивирована. Я был восхищен неповторимой красотой этого уголка земли, что вновь после многих лет жизни вдали от этих мест, открылась перед моими глазами.

Здесь, на этом луге, запечатлелось в моей памяти одно из очень ярких событий моей молодости. Был разгар лета 1938 года. Эстонская деревня еще не совсем оправилась от тяжелой трагедии марта 1938 года. Арестовали и увезли в неизвестном направлении почти поголовно все взрослое мужское население и четыре женщины. В деревне остались только четыре взрослых трудоспособных мужчины, которых, конечно, не хватало на всю требующую мужскую силу работу. Вся колхозная работа легла теперь на плечи женщин и подростков. Председатель колхоза Керганд Александр сам брался то за одну, то за другую работу - пахал землю, поднимал сено в стога или шел вместе с женщинами косить траву. Когда школьников отпускали на летние каникулы, председатель сразу же определял их на работу - кого пахать, кого боронить, кого на сенокос. Мне и Оскару Муру он доверил очень ответственную работу сесть на сенокосилки. Первые два-три дня мы ремонтировали около колхозной кузницы свои сенокосилки. Когда машины были вычищены, смазаны и косы на точилке отточены, каждый из нас запряг пару лошадей, и мы поехали на луг. Нам было тогда по семнадцать лет, мы были горды, что нам доверили такую ответственную работу, как никак все-таки механизаторы. Эта работа требовала усвоения многих, доселе неизвестных, работ, таких как работа с точилкой, замена сломавшихся зубьев косы, работу с зубилом и пробойником, клепка заклепки и т. д. Даже запрягание пары лошадей в машину требовало сноровки. Все это дало нам трудовую закалку на всю жизнь.

Целое лето с раннего утра до позднего вечера строчили на своих машинах по лугам нашей деревни. Мы должны были успеть ско-сить столько, чтобы на каждый день хватало для уборки сухого сена. Вот мы и дошли своей косьбой как раз сюда под березы Лепмансона Данииля. Жаркое июньское солнце пекло невыносимо, слепни

наседали на потных лошадей, но не хотели идти на обед прежде, чем кончим начатый кусок. В пылу работы и шума машины мы так не увидели и не услыхали как из-за леса подкралась грозовая черная туча. Она уже угрожающе клубилась над нашими головами, давая о себе знать первым залпом грома. Оскар, ехавший на десяток метров впереди меня, только мельком покосился на тучу и, крутнув кнут над головой, дал этим знать, что он не думает искать укрытия. После такого решительного поведения друга мне уже было не пристойно показывать вид, что трушу. Скрепя сердце я следовал за ним. После знойной духоты подувшие прохладные дуновения ветра как метлой смахнули стаи слепней. Приятная прохлада ласково проникала под рубашку, обхватывая наши тела. Солнце скрылось за тучу, вся округность гремела, стрелы молнии непрерывно сверкали своими зигзагами, гибкие молодые березы, как бы прося пощаду от разыгравшейся стихии природы, делали глубокие земные поклоны. Вдали земля и небо покрылись однородной серой пеленой, которая угрожающей стеной приближалась все ближе и ближе. Через мгновение мы оказались под лавиной сверху падавшей воды. Как бы через густой туман виднелась качающаяся спина Оскара, который яростно все махал своим кнутом, заставляя лошадей двигаться все быстрее и быстрее. Мы были отданы во власть бушующей стихии, с неба лилось как из ведра, сверкала молния и гремел гром, но наш покос с каждым кругом все сокращался. Вместе с концом дождя закончили и мы. Были до нитки промокшие, но довольные и даже немного гордые, как будто совершили какой-то геройский поступок. Опять сверкало солнце, играя своими лучами в каплях дождя на траве. Эту историю в моей жизни я часто вспоминаю. И теперь вновь, как живые, стали перед моими глазами и Оскар, и гроза, и лошади. Это далекое эхо моей молодости вновь тронуло мое сердце. Нет более моего друга Оскара. Он покинул этот мир в расцвете своих сил.

Шагая по покосу мы, наконец, наткнулись на бывшую межхуторскую дорогу, которая берет начало со двора Вебора Михкеля, проходит через владения Лепмансона Данииля, Калза Яаана, Керганд Иосифа, Микита Освальда и Кепс Иосифа. Дорога заросла высокой травой, но колесами телег в землю вдавленные канавки еще хорошо заметны. Встреча с заросшей дорогой направляет мои мысли вновь во времена давно минувшими, когда здесь был слышен мелодичный стук колес крестьянской телеги и ритмичный шаг подкованных копыт сивого мерина. Люди уже давно покинули эти места, но оставленные ими следы еще долго будут повествовать про их повседневные дела, про их печали и радости. По этой дороге ездили крестьяне друг к другу в гости, по этой дороге ехали молодые парни сватать себе молодух, по этой дороге везли от жизни уставших односельчан на вечный покой под сень берез деревенского кладбища.

Фото 1958 года
Мой друг детства Оскар Муру
со своей семьей.

По этой заросшей проселочной дороге мы вышли на двор бывшего домашнего очага Калза Яана. Теперь здесь, на небольшой поляне, окруженной со всех сторон березовыми рощами, царила торжественная тишина. На месте бывшего жилого дома развалины заросшего подвала. Пару десятков метров на юг хорошо заметны развалины подвала сестры Яана. Везде растет нетронутая пышная трава. Припоминается когда-то здесь мальчишкой увиденный праздник, только не помню по какому случаю. Было летнее время, по праздничному одетые люди, мужчины от выпитого вина навеселе, Яан сидел на крыльце своего дома, в руках трехрядная немецкая гармошка. Прищутив глаза, с хитрой усмешкой наклонив голову одним ухом к гармошке, он как бы наслаждался своей игрой. Пальцы с удивительной игривой легкостью семеняли по клавишам, выманивая оттуда вальсы, польки, краковяки, каэра-яны – все в то время модные танцы. И русскую плясовую играл он с удивительной легкостью, что делало его очень популярным гармонистом в окружающих русских деревнях. В семье Калза все четыре сестры Яана были музыкальны. В хороводе голоса сестер Анны, Юлии, Миили и Минны звучали как колокольчики. Особенно хорошо пела Юлия, которую можно было сравнить с оперной певицей, когда она на праздниках исполняла свою сольную партитуру сочным альтом. В деревне был и другой известный музыкант – Лепмансон Даниил, который прекрасно играл на цитре и на скрипке. Все эти мужчины и женщины уже давно переселились на кладбище под сень вековых берез.

Отсюда со двора Калза Яана уже совсем близко до очага дедушки Иисифа Керганда. Позвав сына Анто, направляемся на дорогу, а у самого на душе бушует смесь радости, печали, ожидания и взволнованности, как будто иду после долгих лет разлуки на свидание с очень близкими и очень дорогими людьми. Слева, параллельно с дорогой, был когда-то выгон для скота. Он обнесен глубоким глубоким рвом, чтобы выпущенные на свободу животные не могли уйти. Теперь эта канава кажется совсем низкой и заросшей травой и кустарником. В детстве я любил бегать по этой канаве, взбираться на выброшенный по другую сторону канавы вал земли и опять спускаться вниз. Теперь здесь вырос густой березняк. Выгон начинается от самой границы хутора Калза Яана и проходит через весь земельный участок дедушки до границы хутора Микита Освальда. Эта канава несомненно одна из достопримечательностей на хуторе дедушки, она как Великая Китайская стена символизирует огромный труд вложенный в него. Всегда, когда я здесь бываю, иду обязательно посмотреть эту канаву и обязательно пройду по ней, она как бы вновь ведет меня в мир детства.

Наконец, мы на поляне, где когда-то стоял дом дедушки. С удивлением замечаю, что ничто здесь не изменилось, будто только вчера временно отлучился. Если было бы возможно при помощи волшебной палочки вернуть на прежние места жилой дом, под общую крышу хлев, конюшню, амбар, сарай и навес для дров, а на край выгона под березы баню и во двор колодец с журавчиком – то восстановленная картина была бы совершенна. Когда-то под южными окнами дома росла черемуха, теперь она в очень жалком состоянии, видимо пострадала от огня, когда весной жгли прошлогоднюю траву. За домом через дорогу большая поляна, за ней в свое время стоял сарай, покрытый соломой. Там, около сарая, молотили хлеб и там же храни-

ли сельскохозяйственный инвентарь. С этой поляной связана в моей памяти картина одного воскресного дня. Была середина лета, наверное Иванов день, трава с поляны была уже скошена. Нарядно одетого народа собралось много. Мужики, наши отцы, тогда еще совсем молодые хозяева хуторов, вбили по обе стороны поляны два колышка, что представляло из себя футбольные ворота, и стали играть в футбол. Помню, как празднично одетые мужчины и парни гонялись за мячом, стараясь попасть то в одни, то в другие ворота, а нарядно одетые женщины и дети сидели тут же под березами и с интересом следили за игрой.

Сажусь на траву во дворе бывшего дома бабушки и воспоминания минувших лет как на экране кино проходят перед моими глазами. Они, эти воспоминания, удручающе и угнетающе давят на мое настроение и сердце до боли сжимается, когда перед глазами восстанавливаются милые лица близких для меня людей. Анто, мой младший сын, бегаёт по двору прадеда и хочет поймать бабочку. Он беспечен, его ничто не связывает с этим местом, он ничего не знает про прожитую здесь жизнь, про здешние радости и горести. Его жизнь проходила далеко отсюда, и его воспоминания будут там, за тысячи километров. Сажу и думаю, какая здесь все-таки прекрасная природа, земля такая плодородная и условия для сельского хозяйства уж лучше быть не может. И жили люди здесь и трудились, и всего вдоволь было, хватало себе и государству. Как все-таки случилось так, что у нас в стране не хватает продуктов. Кто же виноват?

Солнце начинает все больше и больше припекать. Теплый июньский ветерок слегка играет над вершинами берез и утихает где-то в кустарниках на болоте. На дворе теперь земляника и полевые цветы, немного подалее, под березами бывшего выгона и около остатков фундамента бани во множестве желтоголовник. Желтоголовник в здешних краях самый распространенный цветок, его во множестве на полянах и покосах. Деловитые шмели в поисках нектара летят с цветка на цветок. Где-то совсем близко на лужайке громко перекликаются перепелки, удивительно много развелось здесь кукушек, то и дело доносится их величественный голос "ку-ку". Сейчас самое прекрасное время года, лето в самом разгаре и вокруг вся природа живет, цветет и играет.

Было время, когда здесь на этом дворе кипела жизнь, делали тяжелую крестьянскую работу, справляли свадьбы, рожали детей и хоронили умерших. Здесь на этом хуторе родился и я, и на два года младше меня сестра Эльми. Как то тетя Леени рассказала мне, как бабушка попросила показать ему меня, новорожденного. Взяв меня на руки, долго всматривался мне в лицо, потом тихо сказал: "Это мой кусок золота." И бережно держа ребенка на руках, пошел к себе в спальню. Когда пошли посмотреть, что мы там делаем, оказалось, что оба спокойно спали. Когда я немного подрос, и наша семья жила уже на своем хуторе, я часто ходил через жилку болотины к старикам. Там, на просторном дворе, среди занятых повседневным трудом людей, было интересно и весело. Целыми часами я мог лазить по чердакам конюшни и хлева, где под громадной соломенной крышей за стропилами и жердями решетки гнездились воробьи. Подгоняемый мальчишеским любопытством, рискуя сорваться вниз, стал добираться к гнездам. Хватаясь за жерди и висая вниз спиной на одной руке, щупал другой свободной рукой содержимое гнезда. Обычно клал эти крошечные коричневые с темными пятнами яйца обратно в гнезда. В некоторых гнездах чирикали голенькие птенчики, когда мамы-папы приносили еду. На другом конце крыши бабушка положила на перекладины стропил несколько жердей, где голуби нашли себе место для гнезда. Голубиное воркование, при полете свист их крыльев, хлопанье суетливых воробьев - все это интересовало меня. Хорошо помню, когда по веснам устраивали здесь сообща с соседями так называемые толоки для вывоза с конюшни и хлева навоза. Эти толоки были в то время популярны среди эстонцев, это один из видов коллективной работы крестьян, который приносил разнообразие и

радость в однообразную будничную жизнь хуторян. В этот день распространялся по всему двору кисловатый запах навоза, стучали колеса крестьянских телег, доносились веселые оклики и громкий мужской смех. Было как на празднике. После работы пили пиво, громко беседовали, молодые шутили и веселились.

Один за другим проходят перед глазами мгновенные сценки из прожитой здесь жизни. Вижу как дедушка, приходя с поля на обед, распрягает из плуга лошадей, подводит их к длинному корыту с мучным пойлом. Мучное пойло представляло из себя помешанную с водой овсяную или ячменную муку. Эту смесь давали лошадям во время весенних полевых работ как подкормку, ведь от здоровых и хорошо откормленных лошадей зависели достаток и успешное развитие крестьянской семьи. Оставив лошадей у корыта, дедушка приходил в дом, садился к столу на длинную скамейку, брал со стола всегда под рукой находящийся большой ковш с кислым квасом и пил досыта. Бабушка суетливо хлопотала на кухне около огромной и длинной плиты. Из открытых дверей плиты струилось тепло и свет. Световые вспышки горящего хвороста играли в полумраке на стенках кухни, отражаясь розовым блеском на лице бабушки. Кухня, единственное крошечное окно которой даже в полдень не могло пересилить сумрак, казалась такой таинственной и сказочной, а бабушка среди клубящего пара, который поднимался из многочисленных сковородок, кастрюль и котлов, волшебницей. На стол приносили традиционную картошку с аппетитно поджаренной ветчиной и соусом, рядом ставили глиняную чашку с густым квашеным молоком. Иногда ставили на стол чашку с кашей из пшеничной или ячменной муки, в середине глазок с луком пережаренным топленым салом. Популярна была смешанная каша из картошки и ячменной муки. Нередко приносили на стол из муки горячие крупные клецки (колобки), ели их со сметаной. Пища крестьянина была проста, но зато сытная. Тяжелый физический труд требовал калорийную пищу. Люди получали от своего труда удовольствие, и щедрая сибирская земля платила за это обильно. Недаром дедушка сказал когда-то свою крылатую фразу: "Здесь в Сибири даже мертвецки ленивые могут прожить."

Я просидел здесь на дворе дедушки с думами о давно минувших временах довольно долго, когда решил встать и идти через болотину и березняк к бывшему отчому дому. Помню дорога к нему обходила хлев и конюшню дедушки с юга, спускалась вниз к деревянному мостику через болото, потом опять поднималась в гору и через березняк вновь вниз к нашему семейному очагу. И теперь тоже пошел по этой же дороге. Деревянного мостика через болотину уже не было, даже его остатков не видно. Посреди трясины струилась чуть заметная струйка ручейка. Вижу, что не запачкав ног, здесь не перейти, пытаюсь найти переход справа. Легко перепрыгнув через ручеек, направляемся к дороге, хотя она в заросшей траве еле заметна. Сразу же начинается крутой подъем. Дедушка (а может быть и мой отец) вручную выкопал в гору широкую и пологую канаву, по которой на лошади с возом легче подняться наверх. Эта выемка и дорога до сих пор сохранились, даже ни единого дерева на ней не растет, как будто ждут путника, кто будет по ней ходить. Только трава и цветы скрывают колесами телеги в землю вдавленные канавки. Выйдя из леса, сразу же вижу по ту сторону низины на склоне холма место нашего бывшего домашнего очага.

"Здравствуй мой отчий дом!" - говорю шепотом, когда переходя низину, вступаю на бывший двор. Здесь я начал познавать мир таким, как он есть на самом деле - со всеми его радостями и горестями. Отсюда в моей памяти первые впечатления моей сознательной жизни. Отсюда я впервые пошел в школу, здесь началась и моя трудовая жизнь, когда в возрасте шести лет должен был присматривать за коровой и овцами, выпущенными на пастбище. Помню и посещения дедушки. Уже издали видел, как он в воскресные дни одетый по выходному в самотканый шерстяной костюм и в серой шляпе медленно спускался с горки. Хорошо помню нашу большую пасеку и всегда среди ульев спокойно копошащегося отца. Летом у нас выка-

чивали много меда, помню, вся посуда была занята пахучим нектаром. В разгар лета, когда люди спешили убрать сено, спешили роить и пчелы. Наши покосы были через горку в сторону кладбища в долине. Другой раз приходилось за день несколько раз сбегать туда известить отца, что рой опять поднялся в воздух. На пасеке у нас был на весы поставлен контрольный улей. Каждый вечер отец вешал и вычислял, сколько за день прибавилось меда. Ульев на пасеке было больше тридцати. Сибирская нетронутая природа была очень медоносна. На все улья были поставлены магазины. Основным доходом нашей семьи и был мед, так как наш двенадцати гектарный участок земли большой прибыли не давал. На зиму ульи вносили в специально для этого вырытый погреб. Осенью перед внесением отец делал на полу погреба костер, чтобы просушить и продезинфицировать помещение. В крыше погреба было отверстие, через которое зимой производили регулировку температуры. Теперь на месте погреба виднеется лишь заросшее в траве небольшое углубление.

Был уже полдень, солнце пекло невыносимо, на небе ни единой тучки, воздух знойный и накаленный. Ищу тень, куда бы сесть, когда-то под окнами нашего дома росли молодые березы, теперь они раскинули свои ветви вширь, и я сажусь под их защитную прохладу. Сразу же приходят в голову слова эстонской народной песни, где говорится как после долгих лет странствований приходит на родину блудный сын, но к сожалению отец и мать уже давно умерли, братья и сестры разошлись по свету, только старая береза стоит на прежнем месте и тихий шелест ее листьев шепчет ему о давно минувших делах.

Сейчас самое красивое время года. Можно лишь себе представить, как были очарованы наши предки, когда приблизительно в это же время года они прибыли сюда. Но начало жизни здесь было не таким уж розовым. Только неимоверно тяжелый труд помог им победить трудности. Моя мама описывает начало своей жизни здесь следующим образом: " В 1920 году я вышла замуж за вашего отца. Жить стали у его родителей. Эти три года совместной жизни там, среди бружжания дедушки, были для меня очень тяжелыми. В 1923 году дедушка выделил для нас 12 гектаров земли. С радостью, как весенние ласточки, начали лепить по другую сторону болотины себе гнездо. Из моего отчего дома дали нам корову и бычка, а свекровь дала маленькую беленькую коровушку и коня по кличке "Колчак". Когда белые отступали, оставили эту кобыленку на произвол судьбы, от этого и эта кличка. Белую коровку продали. За вырученные деньги купили амбар, перевезли на свой участок. Не были вставлены еще окна и двери, как перебрались сюда. Тебе было тогда два с половиной года, а Эльми всего лишь пять месяцев. Чтобы комары не беспокоили, повесили на окна и двери простыни и одеяла. Отец выкопал внизу около болотины колодец, только один метр в глубину, как выбилась ключевая вода. Сначала плиты в доме не было, пищу готовили на улице на временке.

Фото 1981 года
Анто под цветущей калиной около
нашего колодца.

Корову и бычка привязывали на ночь к березам. Пчелиных ульев было у нас вначале лишь шесть штук, которые поставили за дом на небольшой полянке. В доме у нас не было никакой мебели, ни кровати, ни стола, ни стульев. Все сделали сами. В густом лесу подыскивали подходящей толщины стройную осину, разрезали на двухметровые пропсы, при помощи топора и деревянных клиньев раскалывали пополам, с обеих сторон обтесывали и стругали. Из этих планок делали для себя стол, табуретки и кровать. Август Муру, считавшийся опытным столяром, сделал для нашей хибары оконные рамы и дверь. К осени выложили в доме и плиту. Как мы радовались своей самостоятельной жизни. Не хотели от родителей никакого богатства, все, что мы делали, было для нас мило. Мы гордились самодельной мебелью гораздо больше, нежели современные люди нашей ультрамодной мебелью.

Мы были счастливые, растили своих детей, с радостью шли навстречу любой работе. Рано утром светило солнце в окно нашей маленькой хибары, в березняке и внизу в кустах разноголосно пели птицы, на лужайках и покосах шумели пчелы - все были заняты своими повседневными делами. Наше благосостояние росло через наши работающие руки. Через пару лет наша пасека выросла до 36 улей, которые давали хороший доход. В разгар летнего медосбора все ведра и чаны были полны свежее выкачанным медом. По субботам и воскресеньям ездили с медом на базар в Тогучин или за 58 км в Болотное.

Через два года отец построил из сосновых бревен просторный хлев, куда уже свободно можно было разместить разросшее поголовье скота. В зимние месяцы я пряла шерстяную и льняную пряжу, ткала и шила одежду для всей семьи. Отец дубил домашним способом бычью кожу, из чего готовил поршни для себя и для детей. Оба с отцом трудились без усталости, вскоре наше материальное состояние выравнялось со старожилками. У нас был уже выращен темно серый с темными пятнами на боках жеребец, даже новая сбруя была для него куплена.

Неожиданно узнали, что Яан Соосаар продает свой 50-ти гектарный хутор. Там был выстроен на всю деревню щеголеватый жилой дом и добротные надворные постройки. Мы купили этот хутор в 1929 году, как раз в канун массовой коллективизации. Но время колесило быстрее, чем наше богатство успевало расти. В стране наступили времена больших перемен. Лишь полгода были хозяевами этого хутора, как 19 февраля 1930 года создали в нашей деревне колхоз "Уус-Эму". В первые месяцы платили за работу не по выработанным трудодням, а на каждого члена семьи (включая и детей), давали пуд (16 кг) муки в месяц. Наша семья получала ежемесячно 6 пудов муки. Но вскоре такой способ оплаты труда запретили, наши запасы продуктов стали быстро убывать и к 1932-33 годам разразился всеобщий голод. Особенно тяжело переживали нехватку хлеба многодетные семьи. Наконец, в марте 1938 года отобрали от детей отца. Я старалась еще как-нибудь поддерживать материальное состояние семьи, но это становилось все труднее и труднее. Во время войны нагрязнула еще одна беда. Власти дали приказ - все хуторяне должны переселяться в колхозную деревню. Старшие сыновья были мобилизованы на войну. С помощью 14-летнего сына вывезли на своей личной корове (боже упаси, чтобы посмела попросить лошадь) бревна дома на новое место. Наняла старика, который восстановил дом на новом месте. Во время войны было очень тяжело с продукта-

ми. Детей надо было чем-то кормить. На колхозные трудодни мы практически ничего не получали, закрома в колхозных амбарах подметали дочиста, даже семена увозили на хранение на элеватор в райцентр, боялись как бы их не съели. Весной, когда поля немного подсыхали ребяташки шли собирать во время уборки урожая на жнивье упавшие колосья. Когда трава немного подросла, пошли ее собирать для еды. Собирали лебеду, чертополох, щавель, крапиву.

После войны пришел новый приказ - объединить маленькие колхозы в более крупные хозяйства. Наш колхоз ликвидировали. Большинство колхозников разъехались кто куда, лишь малая часть семей переселилась в Русско-Семеновск. Теперь на месте деревни растет лишь бурьян. Все свое здоровье потеряла с этим бесконечным вмешательством властей в личную жизнь маленьких людей. Теперь говорю я вам. мои дети, не утруждайте себя непомерным трудом, заботьтесь больше за свою чистоту души, живите в мире и соблюдайте выходные дни. Наземный дом вам никогда не выстроить, большие перемены так или иначе переверкают его".

Так удрученный, порой полный трагедии и безвыходности в создавшихся условиях содержание рассказа моей матери. Теперь на склоне жизни она видит бессмысленность своих стараний как-нибудь укрепить жизнь семьи. Наша большая семья была счастливой только здесь на этом хуторе, на 12-ти гектарном участке - клочке земли. Только здесь шесть лет прожитой жизни были для нас настоящим счастьем. Как мало, но зато какой неизгладимый след оставили эти годы в жизни нашей семьи. Начиная с тридцатых годов вся жизнь пошла кувырком. Семью стали преследовать недостаток, голод, неуверенность в завтрашнем дне. Над головами людей стали все больше стучаться черные тучи ужаса и страха, которые в конце концов разразились трагедией сталинского геноцида. 18 марта 1938 года из деревни арестовали почти поголовно все взрослое мужское население и четыре женщины. Как 50 лет спустя выяснилось их всех расстреляли в том же году после семи месяцев избиений и мучений. Боль, причиненная тогда народу не утихает, она пылает пламенем в сердцах людей до сих пор.

В жаркий летний полдень приятно сидеть в тени большого дерева. Ветра почти нет, листья на вершинах берез чуть чуть шелестят. Высоко в небе парят круг за кругом без единого взмаха крыльев два ястреба. Я их заметил еще при переходе сюда на том же месте в кружении. Расправив свои мощные крылья, они безмолвно кружатся высоко в восходящих потоках теплого воздуха, высматривая своими зоркими глазами добычу. В Эстонии этих гордых хищников осталось совсем мало. Внизу в зарослях болотного кустарника на вершине молодой березы в зелени виднеется черная куча вороньего гнезда. Птенцы уже вылетели из гнезда и сидят тут же вблизи, на ветках старой березы. Молодые птенцы еще не умеют бояться человека и наблюдают своими глупыми глазами за нами.

Поднимаемся, чтобы идти к следующему хутору, к дому дяди Мартина. Приближаясь к дереву, где на ветках разместились воронья семья, сразу же папы-мамы поднимают неистовый крик и с лету угрожающе пикируют на нас. Уважаем территориальную неприкосновенность птиц и быстро удаляемся отсюда. Там, где отец когда-то выращивал хлеб, теперь все засажено клубникой, за ней на склоне долины, где раньше у нас был сенокос, теперь шумит плантация черноплодной рябины. Еле пробираемся через густые заросли кустов. Выбравшись из чащи, очутились на краю глубокой долины. Неожиданно из березовой рощи вылетает приютившийся там ястреб. Мощные взмахи его крыльев быстро уносят хищника из поля зрения. Внизу в чаще кустарника поднимают стрекотню сороки. Они возмущены и совсем не довольны нашим появлением на их исконных владениях. Чувствуется, что здесь, на покинутой людьми и богами земле птичье царство устроилось удобно и живет по неписанным законам природы.

Восточный берег долины поднимается почти отвесно вверх. Помню, как мы, дети, карабкаясь по тропинке на эту гору. Тогда она казалась очень высокой, даже часто во сне видел, как я ка-

рабкаюсь по тропинке вверх, но никак не могу взобраться - все скольжу вниз, не достигнув вершины, с ужасом смотрю вниз в глубокую бездну. Обычно просыпался от этого кошмарного сна. Теперь от этой узкой тропинки, ведущей наверх, нет никаких следов, и сама гора кажется совсем малюсенькой. Много воды утекло с тех пор, как я в последний раз был здесь. Наверху на горе находился когда-то дом многодетной семьи дяди Мартина. Ищу месторасположение жилого дома, но не нахожу его. Везде растет сочная трава. Только тогда, когда спускаюсь по восточному склону горы нахожу следы когда-то здесь стоящих зданий. Значит здесь и жила трудолюбивая многодетная семья. В семье дяди Мартина росло десять детей, сейчас в живых восемь. Мальчишкой я часто ходил сюда играть. В яме, откуда брали глину для домашнего использования, мы, дети, катали из сырой глины шарики, которые по нашему воображению представляли из себя хлебные булочки. Когда пришло время обеда, мать детей звала всех на обед. На стол клали большую чашку с горячей картошкой и каждому по кружке молока. Тетя Альвина, мать детей, давно уже спит вечным сном на кладбище Раади в г.Тарту. Отец детей, дядя Мартин Ильвес был незаконно репрессирован в 1938 году и через семь месяцев после нечеловеческих пыток и мучений в числе большой группы односельчан расстрелян 21 октября 1938 года. В момент ареста дяди Мартина его второй дочери Леонтине было всего лишь 15 лет, а самый младший Герман находился еще в утробе матери. Можно лишь представить в каком тяжелом положении осталась семья. Начавшаяся Великая Отечественная война еще более осложнила бедственное положение семьи. Теперь все члены семьи создали свои семьи и разлетелись по всему Советскому Союзу. Только трое - Леонтине, Клара и Вольдемар избрали своим местом жительства Эстонию.

Дети Аливине и Мартина Ильвеса

Слева направо сидят: Клара, Эдуард, Леонтине.

Стоят - Вольдемар, Герман, Яков.

Фотография сделана на похоронах матери в июле 1980 года в Тарту.

Следующее место, куда мы направляемся - это бывший домашний очаг дяди Волли (так мы звали Вольдемара Ильвеса, брата Мартина моей матери Лидии). Ему было тогда всего лишь 14 лет, когда их отец Густав Ильвес в 1907 году приехал со своей семьей в Сибирь. В семье дяди Волли было семеро сыновей и ни одной дочери. Так же как дядю Мартина, так и дядю Волли незаконно репрессировали в марте 1938 года и расстреляли через семь месяцев. После смерти Сталина всех односельчан, в том числе и Волли, посмертно реабилитировали. Пять его сыновей (Эдуард, Валентин, Людвиг, Густав и Мартин) участвовали в боях в Великой Отечественной вой-

не. Старший из сыновей Эдуард погиб 5 октября 1944 года в боях на острове Сааремаа, средние сыновья были по несколько раз ранены, а самый младший сын Мартин воевал на Дальнем Востоке против японских самураев.

Остатки жилого дома дяди Волли нахожу довольно быстро по деревьям, которые отец этой семьи посадил под окна своего дома. Было время, когда на дворе этого дома можно было слышать веселую переключку мальчишек, зимой на самодельных лыжах отсюда же, от самого дома мчались вихрем вниз в долину. На этом же дворе был схвачен силами беззакония и отец этой семьи. Отсюда уходили сыновья один за другим на фронт. Теперь только березы шуршат своими листьями и шепчутся между собой о делах давно минувших дней.

Отец детей был когда-то тоже солдатом, в 1913 году мобилизовали в царскую армию, в первой мировой войне в одном из боев попал в плен. Сначала работал на мельнице, таскал тяжелые мешки с мукой, потом его взял один богатый немецкий крестьянин на свою животноводческую ферму работником. Хлев, где содержали дойных коров, был до предела чистый и светлый, коров часто чистили щеткой и навоз ежедневно выскребали прочь. В 1918 году решил сбежать на родину. Договорился с таким же пленником как и он, чтобы в дороге было безопаснее и общительнее. Во время пребывания в плену у него накопилась кое-что из одежды, которую решил захватить с собой. На себя надел новенький немецкий солдатский френч, в ранец положил два шерстяных одеяла, кусок шерстяного полотна, шерстяные перчатки и кое-что еще по мелочам. У товарища (русский по национальности) не было ничего. Побег удался. На одной из станций, когда Вольдемар пошел со своим солдатским котелком за кипятком, товарищ скрылся вместе с его вещами. Теперь пришлось продолжить свой путь одному. Неизвестно, как он пересек границу, но осенью этого же года он благополучно пришел к своей сестре Альбертине, которая в то время жила в поселке Красные Струги. Здесь, после непродолжительного отдыха, он продолжил свой путь к отцу в Сибирь.

В начале этой же долины, в двухстах метрах к востоку от дома дяди Волли, находился дом первооснователя Эстоно-Семеновки, отца всех Ильвесовых, дедушки Густава Ильвеса. И здесь ничего не осталось от построек, лишь углубление в земле указывает на местонахождение жилого дома. И на этом дворе кипела когда-то жизнь, росла большая семья детей. Отсюда ушли на самостоятельную жизнь сыновья Вольдемар и Мартин, Отсюда вышли замуж дочери Лидия, Эльми, Ловиза, Элла и Аделе. Здесь на этом дворе было много счастливых и печальных дней. В своих воспоминаниях дочь Лидия Керганд повествует: "Мне было всего 13 лет, когда мачеха Маали умерла. На мое попечение остались два маленьких ребенка - трехмесячная сестренка Эльми и два с половиной годика братишка Эрнст. Я стала для них вместо матери и вместо няньки, не могла от них ни на шаг отойти, не могла играть со своими сверстниками. Но изредка все-таки удавалось вырваться из объятий домашней суеты на свободу к своим сверстникам. Как из клетки выпущенная птица ликовала и радовалась от счастья быть на свободе. На отца я не сержусь и не ропщу, он для нас не был плохим, тихо и спокойно справлял свои ежедневные дела, кормил лошадей и коров, позволяя нам по утрам подольше спать. Только во время весенних полевых работ, когда лошади были уже накормлены, будил Вольдемара и Мартина пораньше, чтобы шли пахать или боронить, а меня доить коров, чтобы пораньше выпустить на пастбище, так как в полдень было слишком жарко и слепни не давали животным покоя. Дети беспрекословно слушались его и безропотно шли каждый на свою работу. Отец был очень религиозен, по воскресеньям и церковным праздникам у нас не было работы, делали только самое необходимое.

Глава семьи Густав Ильвес умер в возрасте 77 лет в конце декабря 1934 года, похоронили уже в новом 1935 году. От третьего брака жена последовала за ним в 1938 году в возрасте 49 лет и старшая дочь Антонида от последнего брака в том же году в возрасте 25 лет. После смерти родителей остались в доме три дочери: Ло-

виза-18 лет, Элла-16 лет, Аделе-10 лет. Эти три сестры остались здесь в суровом и беззащитном мире одни и были в многочисленной семье Густава Ильвеса последними. Всего у него было 16 детей, некоторые из них умерли очень рано. Внуков и внучек у него 37, а правнуков уже и не сосчитать, можно предположить, что более ста. Таким большим наследием могут похвастать очень немногие.

Отсюда со двора дедушки открываются во все стороны света красивые виды сибирской природы. Если смотреть на юг, то нашим взорам открывается широкая, открытая ветрам равнина с отдельными зелеными круглыми островками деревьев. На этой большой равнине, что объединяла земли бывших хуторов Кепса, Микита, Соотса, Ильвеса, Пальма, Керганда и Керстена находился один из самых больших земельных массивов колхоза. Были и другие массивы, но уже поменьше.

Семья первооснователя Эстоно-Семеновки
Густава Ильвеса и его третьей жены Иды
Слева направо их дети: Ловиза, Аделе,
Антонида, Элла.
Фото 1933 года.

Если смотреть на север, то видим широкую долину, берега которой не так уж круты. На склоне этой долины березы погнуты талями весенними сугробами от самого корня и лишь вершины поднимаются как свечи кверху. Я нашел березу, которая извивалась по земле как веревка, и только лишь самая макушка поднималась кверху. На дне долины, в самом ее начале находился колодец с журавлем, около него длинное корыто, где зимой и летом поили колхозный скот. Земля вокруг колодца была всегда растоптана в грязь копытами лошадей и коров.

Если перевести взгляд через долину дальше на север на равнину между двумя долинами, то лет пять тому назад можно было там заметить маленькую колхозную деревушку. Построили ее женщины и подростки в первые два года войны, когда власти стали настойчиво требовать, чтобы хуторяне переселились в деревню. Собственно говоря идея постройки новой колхозной деревни пришла до войны в 1937 году, но незаконные аресты людей по чудовищным обвинениям в измене родине, отодвинули воплощение этой идеи в жизнь. Женщины и дети с невероятными трудностями военного времени перевезли на своих дойных коровах (лошадей из колхоза не давали) пронумерованные бревна домов на свои приусадебные участки. Конечно, деревня получилась убогая, дома старенькие, крыши соломенные или земляные. Теперь и этой деревни более не существует, виднеются лишь заросли кустарников. Деревня просуществовала на этом месте немного более 30 лет.

Можно с полной уверенностью сказать, что здесь и находилась сердцевина этой деревни. Потому-то здесь каждый кустик, каждое дерево, каждый клочок земли может повествовать про дела ми-

нувших лет. Невдалеке виднеются остатки развалин колхозного хлева и конюшни, за то от амбаров и кузницы не осталось никаких следов. В кузнице ремонтировали сельскохозяйственный инвентарь, подковывали лошадей, выковывали разные детали для хозяйства. Эта была обыкновенная сельская кузница с небольшим набором инструментов, горном и воздуходувом. Припоминается, как меня, школьника, во время летних каникул назначили кузнецу в помощники. В мои обязанности входило кувалдой ударять по раскаленному металлу в то время, когда кузнец, постукивая своим легким молотком, давал нужную форму детали. Кроме этого в мои обязанности входило еще воздуходувом подавать воздух в горн. Работа для меня была несложная, но от 15-16-ти летнего парня потребовалось прилагать немало усилий. Кузнецом в то время был Муру Юхан – веселый молодой мужчина, любил шутить, имел чувство юмора, хорошо играл на самодельных гуслях, пел веселые, а иногда и каверзно-похабные песни. В летнее время в открытые двери кузницы люди часто слышали его приятный баритон, когда он пел свою любимую песню:

" Я ловкий и умелый землемер
вымеряю все долины и горы..."

Между амбаром и кузницей проходила большая проселочная дорога, которая одним концом упиралась и соединялась с другой Киик-Сурковской дорогой. И мы пошли по этой же дороге, хотя дороги как таковой уже давно и в помине не было. Вскоре очутились у начала глубокой долины. Здесь на перекрестке двух дорог находились деревенские качели и баскетбольная площадка. Качели представляли из себя одним концом в землю вкопанный высокий столб, с вершины которого свисали четыре каната с петлями внизу, куда са-

- 54 -

дились желающие покачаться. Двигаясь по кругу и отталкиваясь ногами, качающийся взлетал высоко в воздух и долго кружился вокруг столба. На баскетбольной площадке в каждое воскресенье происходили жаркие сражения с мячом. Когда эта игра впервые пришла в деревню, она так азартно заинтересовала молодежь, что даже игра в городки и в лапту отодвинулась на задний план. Отсюда, от бывшей баскетбольной площадки рукой подать до Сурковской дороги, а за ней и мой бывший родной домашний очаг. Когда-то вела узкая тропинка через березняк прямо к нашему дому, а на лошади пришлось ехать вокруг леса. Смотрю на эту дорогу, на лес, на начавшую колоситься пшеницу и вновь все оживает перед глазами.

Вспоминается одно трагическое событие, что в известной степени связано с этой самой дорогой. Во время летних каникул я с отцом молотил колхозный хлеб. Приблизительно в полдень закончили одно поле где-то около хутора Густава Ильвеса и теперь перекочевывали на поля Вальтина и Сиреля. Трактор шел впереди, таща молотилку, колхозники, кто пешком, кто на лошади шли гурьбой сзади. Презжая мимо качелей вокруг все заметили из-за леса поднимающую клубящую и искрящую тучу дыма. Сомнений не было – горело что-то в районе нашего дома. Все колхозники, шедшие за машиной, бросились напрямик через березняк к нашему дому. Когда добежали, весь хлев был в огне, соломенные стены сарая были уже сторевшие, через пламя было видно как в сарае цепью к столбу привязанная корова отчаянно рвалась в сторону. Наконец, она остановилась, высунув язык с предсмертным мычанием упала на землю. Из-за длительной засухи огонь стал распространяться по земле по высохшей траве. Охваченный пламенем хлев не было смысла уже спасать, люди переключились на защиту жилого дома. Одни рубили в лесу молодые березы и прислоняли к стенке дома, другие тушили начавший по земле распространяться огонь. Антон Соотс поспешил на конюшню и вернулся оттуда с запряженными в плуг парой лошадей и вспахал три круга дерна вокруг горящего хлева, чтобы препятствовать распространению огня.

Начало пожара никто из домашних во время не заметил. Мать стирала за домом в тени кустов сирени и черемухи белье. Дети играли там же около нее. Рудольф, которому было уже 8-9 лет, нашел где-то коробку спичек, пошел в сарай и решил там развести костер. Конечно, вскоре огонь вышел из-под контроля мальчика, сухая солома запылала мощным пламенем. Много лет спустя, он рассказал, что испугавшись огня, побежал домой за водой, но вернувшись было уже поздно. Не помогло и кинутое в огонь ведро с водой, сухая солома в стенах сарая запылала как зажженный порох. В это же самое время мать спокойно продолжала стирать белье. Вдруг ее внимание привлек все нарастающий клокочущий шум, как будто приближался ураганный ветер. Выйдя из-за дома она с ужасом заметила пылающий в огне хлев.

Теперь, десятки лет спустя, приближаясь все ближе к заветному месту, переживаю все эти события как бы заново. В предчувствии скорой встречи мое сердце бьется учащенно. Окружающая природа – опушки леса, березовые рощи, большая Сурковская дорога – все по-прежнему без изменений. Если не считать исчезнувшие хуторские постройки, кажется как будто только вчера еще, мы подростки безмятежной гурьбой ходили здесь по этим дорогам, лугам, долинам. Кажется, вот вот появятся из-за леса на дороге мои сверстники-одногодки и позовут меня играть в городки или в лапту или гонять палками мяч в лунки или играть в чижика или позовут играть в баскетбол. До слез, кажется, все вокруг таким родным, таким близким, что никак не хочется верить – все это далекое прошлое, безвозвратно ушло в вечность, здесь нет более моих сверстников, нет друзей, большинство из них уже лежат в сырой земле, а остальные были вынуждены покинуть родные места и искать счастья на чужбине.

Перехожу сурковскую дорогу. Направо вдаль, через пшеничное поле возвышается зеленый островок из растущих там осин и кустов черемухи. Там когда-то был хутор Отто Пальма, честного труженика, раскулаченного в 1929 году. А впереди открывается заветная поляна, окруженная со всех сторон березовыми рощами. Там стоял когда-то наш отчий дом. Уже издали замечаю куст черемухи, зеленевший когда-то под окнами нашего дома. Теперь он выглядит очень убогим, на высохших сучьях реденькие недоразвитые листья – результат весеннего сжигания прошлогодней травы. Двор перед домом, где когда-то отзывались эхом смех и плач детей, где беззаботно бегали и играли в свои нехитрые игры мои жизнерадостные братья и сестры, теперь усеян пестрым ковром полевых цветов. С щемящим сердцем стою на краю развалин бывшего под полом кухни подвала. Кроме этого углубления другого следа от дома нет. Здесь хранили весь зимний запас картошки, а излишки и семена клали недалеко от дома в берег выкопанный погреб. Наружное хранилище раскрывали в апреле, когда начинали готовить семена для посадки. Теперь в этих углублениях растет густая трава и цветет земляника. Хожу по двору, нахожу места, где когда-то стоял хлев и амбар, за домом площадку, где стояла пасека и зимнее хранилище ульев, спускаюсь по уклону вниз и ищу там местонахождение колодца. Вблизи колодца на склоне горы находилась баня, а за ней толстый березовый чурбан, на котором рубили для бани и для кухни хворост. Ведь каждый уважающий себя хозяин никогда не допускал, чтобы это ценное топливо осталось гнить в лесу. Березовый лес против границы хутора Розалия Муру был во время войны вырублен на дрова, в основном вывезен в Тогучин. Теперь шумит здесь молодой березняк. На краю этого леса на бывшем пастбище раньше росло много валериановых растений. Иду туда, чтобы проверить растут ли они и теперь там, но не нахожу ни единого растения.

Сажусь на родную землю посреди цветущих полевых цветов и земляники. Со стороны бывшего хутора Пальма чувствуется слабое дуновение ветра, что хоть немного рассеивает знойную духоту. Откуда-то издали доносится слабый гул самолета. Высоко в голубизне неба вырисовываются четкие очертания медленно плывущих белесых

облаков. Неожиданно садится на мою штанину черно-бело-оранжевый шмель и деловито тыкает своим острым клювом в материю, как бы пробуя ее крепость. По-видимому, ему здесь нравится, и он не спешит улететь. В конце-концов это занятие ему надоедает, поднимается по штанине повыше, останавливается на секунду в размышлении и, наконец, решительно поднимается в полет. Вообще, здесь в окружности много шмелей. Мальчишкой приходилось часто разбирать их гнезда из-за нескольких капель меда. Теперь, вспоминая эту глупость молодости чувствую на сердце угрызение совести. Человек в своей слепоте и неграмотности (часто умышленно) не всегда относится к природе рассудительно, он не раздумывает над тем, как беззащитна и хрупка она на самом деле. Ученые всего мира уже давно бьют набат варварам природы , но они делают вид, что не слышат это и ревностно продолжают рубить сук, на котором сидят.

Фото 1981 года

Снежными сугробами покалеченные березы на нашем выгоне
Анто сидит на одной из таких природных скамеек.

Напротив Сурковской дороги на нашем бывшем выгоне нижние части стволов берез погнуты к земле. Это результат весеннего таяния снежных сугробов. Снег здесь, на склоне долины, таял медленно, иногда даже в Иванов день можно было видеть его потемневшие остатки. Березы, освобождаясь постепенно от ледового плена, не могли как следует выпрямиться, и их стволы оставались придавленными к земле, образуя в лесу своеобразные природные скамейки. Такие с покалеченными стволами березы можно находить в здешних краях на склонах долин везде.

Ян Соосаар получил этот хутор в 1909 году. Так как в семье было четыре сына, ему вымерили 50 гектаров земли. По-видимому, хозяин был довольно богат, так как построил из добротных сосновых бревен, на всю деревню представительный дом, покрытый в красный цвет выкрашенной жестяной крышей. Надворные постройки выделялись тоже своей добротностью и целенаправленностью. После смерти старого хозяина сыновья продали хутор. И хорошо сделали, так как по всей стране началось раскулачивание и коллективизация. Наш отец купил этот хутор в 1929 году. Хорошо помню, как мы поз-

дно осенью переселялись в новый дом. Комнаты были пустые и холодные. По сравнению с нашим прежним домом этот казался просторным и роскошным. На кухне на подоконнике нашел забытую или специально оставленную там маленькую пачку конфет-леденцов. На покупку этого хутора у отца денег не хватило, часть денег дал дедушка. Шесть лет хозяйствования на прежнем месте были довольно успешные. Особенно хороший доход получили от продажи меда. Но все равно этого было мало. На новом месте были полными владельцами хутора только четыре месяца. 19 февраля 1930 года создали в нашей деревне колхоз "Уус-Эму", и все сельскохозяйственное имущество и землю пришлось отдать туда. Впоследствии дедушка с болью говорил: "Я мечтал помочь вам создать этот хутор как цветущий сад, что теперь от него осталось"

Когда мы переселились сюда на хутор Соосааре, в нашей семье было четыре ребенка. Мне было тогда 8 лет, Эльми - 6, Рудикку - 4 и Эльмару - 2 года. В следующем 1930 году 17 марта родилась Линда, в 1932 году 3 июня - Лилли и в 1936 году 24 января - Эрнст. С переездом на новое место и в связи с коллективизацией жизненный уровень нашей семьи стал катастрофически падать, нашим частым гостем стал недостаток и голод. Но несмотря на это, наша большая семья была счастливая. Мы, дети, росли беспечными и не понимали, как порой бывает трудно доставить себе хлеб насущный.

Н А Д Е Р Е В Е Н С К О М К Л А Д Б И Щ Е

Уже тогда, когда собирался приехать в страну моих грез, решил обязательно посетить кладбище наших дедушек и бабушек, помянуть траурным молчанием ушедших в загробный мир дорогих односельчан, возложить горсть полевых цветов на могилу самого лучшего друга моего детства Оскара Муру. На следующий день после прогулки по прежним хуторским местам я рассказал о своей заветной мечте двоюродному брату Францу. Деревенское кладбище было маленьким, но один после столь длительного пребывания на чужбине я сам там сейчас не сориентировался бы. В воскресенье неожиданно пришел Франц к своей матери, где я со своим младшим сыном Анто в эти дни жил, и объявил: "Сегодня поедем на кладбище в гости к дедушке и бабушке".

Был для Сибири обычный солнечный день. Из-под колес "Жигулей" поднятая тончайшая дорожная пыль, оставалась надолго парить над дорогой. Через четверть часа езды мы были уже на единственной широкой улице Эстоно-Семеновки, в той самой деревушке, которую построили в первые два года войны наши матери и младшие братья. Из-за зарослей тополей и кустарника черемухи, которые окаймляли улицу с обеих сторон, виднелись лишь безобразные развалины дымовах труб и печей, заросшие в траву фундаменты домов и выброшенные предметы домашнего обихода. Мне невольно вспомнились виденные во время войны мрачные картины развалин наших городов и сел. Но здесь, в далекой Сибири не было арен военных действий, здесь, на этой улице, не ползали со свастикой вражеские танки, здесь не строчили автоматные и пулеметные очереди и не был слышен ритмичный шаг кованых солдатских сапог. Здесь развивались человеческие трагедии без единого выстрела автоматов, без гула тяжелой артиллерии.

Во всю длину улицы царил торжественная тишина, как на кладбище, только птицы, чувствуя себя здесь в одичавших зарослях кустарника привольно, весело чирикали, справляя свои ежедневные птичьи дела. Среди всего этого хаоса выделялся единственный каким-то чудом уцелевший дом. Как беспризорное дитя, так жалостно и одиноко стоял он среди окружающего хаоса, символизируя когда-то здесь бурлящую жизнь. Этот дом принадлежал Сооляте Эдуарду, который сам жил в Новосибирске у сына, а только летом приезжал сюда

как на дачу. По словам тети Эльми он и сейчас должен находиться здесь. Друг за другом с Францем заходим через открытую калитку во двор. На дверях висит замок, везде тишина. "Посмотрим за хлев в огород, может хозяин там,"-говорит Франц. Перед нами открывается простирающееся почти до кладбища картофельное поле. Посреди борозд, спиной к нам, сторбившись, полет сорняки мужчина. "Бог в помощь, Эди, принимай гостей!"-кличет Франц. Мужчина выпрямляется и долго всматривается в нас. Перед нами стоит худощавый морщинистый старик. "Ой, как он постарел,"- думаю про себя, но узнаю в нем друга молодости. "Ох, Арди, ну, здравствуй, здравствуй!"- восклицает он и, улыбаясь подходит к нам. В молодости в деревне все звали меня "Арди". Уже много десятков лет я не слышал этого имени, как то тепло стало на сердце, услышав вновь это имя. Взволнованный до слез моим приездом, находясь немного в похмелье, он все обнимает и тискает меня своими длинными костлявыми руками. Почти 38 лет мы не виделись. В конце-концов он успокаивается и зовет нас в комнату. В передней под окном стоит столик и несколько простеньких табуреток. Через открытую дверь в задней комнате виднеется железная кровать. Вот и вся его мебель.

Это было во время войны в марте 1943 года, когда мы в последний раз прощались друг с другом. Находились мы тогда от Новокузнецка (в то время Сталинск) по реке Томь в 60-ти километрах против течения в дремучей сибирской тайге в строительном батальоне. Нас обоих мобилизовали за один день до начала Великой Отечественной войны. В Новокузнецке из нас, новобранцев, формировали строительный батальон. Помывшись в бане и одевшись в военную форму, нас построили по четыре в колонну и направили на центральную площадь города. Удивлялись почему на площадь собралось столько много народа. Вскоре выяснилось все - началась Великая Отечественная война. После митинга нас всех направили на речную пристань, погрузили на три речные баржи, которые стали буксировать три катера. Нас приземлили за 60 км от Новокузнецка на безлюдном берегу реки. Жили мы до глубокой осени в палатках. Кругом, насколько хватало обзора, возвышались горы, покрытые хвойным лесом. Сразу на второй день после прибытия приступили к строительству узкоколейной железной дороги по направлению прямо вглубь тайги. Параллельно начали заготавливать лес и строить бараки для жилья и складов. Задачей строительного батальона являлось снабжение каменноугольных шахт Кузнецкого бассейна крепежным материалом. Бревна сплавляли по многоводной реке Томь в Новокузнецк.

Осенью прибыло к нам пополнение из 200 человек алтайцев. С интересом смотрели на похожих на монголов узкоглазых и черноволосых парней. Родом они были с Алтайских гор. Занимались там кочевым скотоводством и охотой. Зимой прибыло еще пополнение из

Фото 1981 года

Сооляте Эдуард перед входной
дверью в свой дом в Эстоно-
Семеновке

польских женщин. Они были репрессированы в 1939 году с той части Польши, которая попала после сделки с Гитлером под Советскую сферу влияния. Про своих мужей они ничего не знали. Одетые в фуфайки и ватные брюки, их послали тоже на лесозаготовки. От тяжелого труда и скудного питания они были совсем обессиленные. Вообще, наше общество в строительном батальоне было очень пестрым. Большинство сюда попавших мобилизованных принадлежали к так называемому неблагонадежному контингенту советских людей, которым даже не доверяли, чтобы послать на фронт. Но пришло время, когда и отсюда все чаще стали выбирать парней на фронт. И мой черед пришел. В то ясное морозное мартовское утро, простясь со своим другом Эдуардом, я не знал, что мы встретимся вновь только через несколько десятков лет. Достигнув перевала высокой горы, я обернулся и в последний раз посмотрел в глубокое ущелье, где расположился наш строительный батальон. Отсюда с высоты, в лучах ослепительного солнца, виднелись наполовину заметенные в сугробы маленькие коробочки зданий нашего батальона. Там продолжалась тяжелая борьба за кубометры. Голодные, в рваной ватной одежде люди двигались как тени. После тяжелого труда в тайге надо было собрать все остатки сил, чтобы как-нибудь добраться до спасательного барака. Посреди барака у полыхающей жаром бензиновой бочки люди обогревали свои заочевшие пальцы, сушили обледеневшую одежду. В столовой ожидала тарелка постной баланды и больше ничего, так как от 700 граммового хлебного пайка оставшийся кусок проглотили еще с обеденным супом. С пустым желудком легли спать в надежде, что утром опять получим 700 граммов хлеба. Теперь отсюда, с горного перевала, смотря вниз на в сугробах бараки, подумал: "Все, что я здесь пережил, теперь для меня уже позади." Тогда я не мог представить, что впереди ожидают меня еще более тяжелые испытания.

Сооляте Эдуард был на год старше меня. В молодости пасли вместе коров, вместе ходили в школу. Теперь после десятков лет странствований встретились уже пожилыми людьми. Он выглядел старше своих лет, видно, что судьба не баловала его. Франц говорил утром, что Сооляте пьет здорово. Да и теперь он был выпивши, но это не помешало нам увлечься воспоминаниями молодости. Так много было нам, что рассказать о себе, так много было нам, что спросить друг у друга. "Арди, видишь до чего я дошел," - говорил он

уже успокоившись – "Вся моя жизнь прожита впустую. В молодости думал горы сдвинуть, чувствовал в себе взбушевавшуюся силу и ум. Все пропало прахом. Суровая судьба прищемила и придавила нас обоих, мы находились как бы на волнах бушующего океана, бросившего нас в разные стороны света." Так повествовал мой друг свои мрачные мысли.

Сооляте мог по своим способностям на самом деле достичь более видное положение в обществе. Еще мальчишкой он выделялся среди нас своей смекалистостью, способностью организовывать игры или мастерить что-либо. Помню, когда он однажды демонстрировал перед нашими восхищенными глазами свое самодельное оружие. В то время среди мальчишек было в моде делать из охотничьего патрона или из какой-либо другой трубки оружие, которые заряжались тайком от родителей взятым охотничьим порохом. Так вот нас восхищала у Сооляте тончайшей обработки и покрытая черным лаком рукоятка оружия. Да и курок был приспособлен не так, как у нас, зажигаемый сверху спичкой.

Нашему разговору казалось не будет конца. Сказал хозяину дома, что приду в другой раз, тогда поговорим вдоволь, а теперь мы должны идти на кладбище. Прощаемся с радушным хозяином и направляемся по краю картофельного поля в сторону кладбища. Вековые деревья шумят над могилами подземного царства наших односельчан. Даже в окружающей кладбище канаве, что выкопана руками этих же людей, деревья успели достичь в своем развитии зрелого возраста. Для вечного покоя отведенный участок земли не так уж велик, он был предназначен лишь для погребения жителей нашей маленькой деревни. Места хватило бы для многих поколений, но теперь весьма редки случаи, когда кого-нибудь из бывших односельчан хоронят рядом с предками. Слишком далеко улетели со своих гнезд его дочери и сыновья. Иногда в середине лета появляются здесь из-за тысячи километров одиночные путешественники, которые в раздумье останавливаются то у одного, то у другого заросшего могильного холма, припоминая когда-то с ним рядом живших близких людей.

Переступаем через окаймляющую кладбище канаву. Нашим взорам окрывается мрачный вид вечного покоя. Через прошлогоднюю высохшую траву на могильных холмах пробивается густая зелень, стнившие кресты покосились в разные стороны, на бок или вовсе упали на землю. Удивляться здесь нечему, это можно было предположить. Но не все могилы в таком плачевном состоянии, местами можно заметить по здешним понятиям ухоженные и заботливо обстриженные холмики, семейные участки обнесены железной оградой и деревянные кресты заменены металлическими. Здесь не принято двигать пышные гранитные памятники или именные пластины (плитка), как это повсюду можно видеть в Эстонии. Здесь на кладбище отдыхают наши предки, далекие и близкие, которые приехали в Сибирь искать счастья совместно со своими многодетными семьями. Опасную дорогу в неизвестный мир, далеко от родственников, друзей и знакомых предпринимали не для легкой наживы, но для того, чтобы быть свободными, чтобы иметь участок земли, чтобы чувствовать себя независимыми. Впереди их ожидала целина, тяжелый физический труд и суровая сибирская зима. Тяжкие испытания начались уже в дороге. Цельными неделями, а иногда и месяцами изнурительная дорога в переполненных людьми и домашней утварью товарных вагонах влияли особенно удручающе на многодетные семьи. Болезни и антисанитарные условия в вагонах требовали свою долю жертв. Нередки были случаи, когда на дальних станциях приходилось хоронить сынишку или дочурку. Даже взрослые ломались в дороге, не достигнув заветной земли. Так умер в вагоне Антс Муни, выехавший из Вильянди. Труп все-таки привезли до места. Жена Вебора Густава заболела в дороге оспой (в то время очень опасная болезнь). Она доехала до места назначения в очень тяжелом состоянии, но условия жизни в землянке и отсутствие врачебной помощи она уже не выдержала. В семье Ильвеса Густава и Маали родилась дочь сразу же по прибытии в Сибирь, но заболела через несколько дней оспой и умерла. Эти три умершие

из нашей деревни и были первыми, кого похоронили в сибирскую землю.

Вблизи у входа на кладбище, как мне помнится, находилась могильная площадка семьи Муру. В то время там находились только три креста. Теперь пытаюсь найти эту семейную усыпальницу, но не нахожу, настолько все здесь изменилось. Франц помог мне найти эту могилу. Выясняется, что Оскар (мой друг) перед своей смертью отградил семейное кладбище металлической оградой и заменил деревянные кресты металлическими. Теперь там находится длинный ряд надгробных холмов, но его самого, моего друга и одноклассника здесь нет. Его похоронили по месту жительства и работы на Сурковском кладбище.

С могильных холмов семейного кладбища дедушки Иосифа Керганда трава срезана и окрестность убрана. Здесь не принято покрывать песком могильную площадку по той простой причине, что в Сибири очень трудно найти его. Уход за могильными холмами состоит лишь в стрижке травы. У эстонцев принято каждый год в Иванов день приходить на кладбище, чтобы помянуть умерших членов семьи и близких односельчан. Когда была еще жива Минна Пост, одинокая старушка, почти глухая, у которой была библия, она произносила соответствующего содержания проповедь.

"Присядем и помянем дедушку" – предлагает Франц. Невольно наш разговор затрагивает те времена, когда деревня жила полноценной здоровой жизнью. Никто не мог даже предположить, что вскоре наступит время, когда деревня обескровится и, наконец, исчезнет с лица земли. Тем более, что эстонские семьи были многодетные, подрастающей молодежи было много, ничто не предвещало скорой гибели деревни. Но все обернулось иначе. Первый удар был нанесен в начале 30-х годов, когда насильственная коллективизация потрясла основательно нашу деревню. Веками установившийся способ ведения хозяйства и обработки земли теперь круто повернули в новое русло, что в конце концов привело сельское хозяйство страны в упадок. Но этот удар был не так уж ощутим, и в дальнейшем деревня могла бы жить полноценной жизнью. Второй удар был нанесен уже более ощутимый – это сталинские репрессии 1937-1938 годов, когда почти все взрослое мужское население деревни было физически уничтожено. Деревня еще не оправилась от этого удара, как был нанесен еще более сильный удар. Начавшаяся Великая Отечественная война унесла всю молодежь. Многие погибли в схватке с врагом, а те, которые остались в живых, более не вернулись на родину, и только малая часть осталась верной своей деревне. Этот удар можно сказать был смертельным. Деревня так и не оправилась. Окончательно razорила деревню решение властей соединить два колхоза в единое хозяйство. Деревню ликвидировали, а люди разъехались.

Отыскиваем могилу Густава Ильвеса, основателя эстонской деревни. Да и здесь рядышек могильных холмов удлинился. Спрашиваю у Франца, знает ли он местонахождение второго основателя деревни. Нет, он не знает где похоронен Ян Ванник. Шагаем между могильными холмами, останавливаемся то у одной, то у другой площадки, мы как бы беседуем с каждым из них, припоминаем их земные дела и мечты. Вновь встает перед глазами вся жизнь Эстоно-Семеновской деревни с конкретными людьми и конкретными делами. Если бы они были живы, как много могли бы рассказать о себе. Но увы, мы безвозвратно опоздали. Мертвые не говорят.

К О Л Л Е К Т И В И З А Ц И Я

(воспоминания Магдалины Соотс)

В самом начале о коллективизации никто и не думал, с налаживанием жизни и так хватало дел. Двухступенчатая министерская

школа была в 20 км от Гутово. В то время в школе I ступени было 3 класса (1,2,3 класс) В школе II ступени - 2 класса (4,5 класс) Каждый класс посещали по одной зиме, так что в 2-х ступенчатой школе учились в течении 5-ти зим. В эту школу съезжались дети с деревень в окружности 200 км. Детей бедняков там не было. Там учились дети руководителей, врачей, духовенства, купцов, торговцев и состоятельных крестьян. С эстонского поселения эту школу посещали дети из 4-х семей, всего 6 человек, которых нельзя было отнести к богачам, конечно. Закончили школу 5 человек: Керганд Эдуард, моя старшая сестра Антонида Пах, и я, Магдалена Пах. Керганд Эдуард потом выучился на учителя.

Для посещавших школу снимали квартиру, продукты питания доставляли в сыром виде. Для всех вместе хозяйка готовила пищу и за это совместно платили ей.

Осенью из дома привозили постель и постельное белье, сменное белье на свое усмотрение, даже была возможность мыться в бане. Если зимой доились коровы, то из дому привозили молоко.

В большие государственные и религиозные праздники приходили домой пешком за 20 км, обратно увозили все же на лошади. Обедали вместе за одним столом. Питались сытно, часто на столе была рыба. Семья была маленькая. Из хозяйских детей была только одна дочь с 1900 г. рождения. Хозяин работал на стровительстве, хозяйка была дома, держали они корову и свинью. Мы всегда гоняли поить корову на речку, и в теплое время и в зимнюю стужу. Так было заведено у всех, кто держал коров. Еще нашей обязанностью было натаскивать корове сена, дров, помыть полы и посуду. Хозяйка давала задания по дому, своя же дочь не хотела ничего делать. Когда после выполнения домашнего задания и помощи хозяйке оставалось время, занималась рукоделием. Моя мать была большой мастерицей по рукоделию и старалась своих дочерей тоже приучить к этому. Помню, когда я училась еще в 1 классе, даже на перемене сидела и вязала кружева. Однажды дома вязала кружева для белья. Они были почти готовы. Откуда-то взялась хозяйская дочь и опрокинула чернильницу на мои кружева. Какое было горе! В воскресенье, когда приехал отец проведать меня и снабдить продуктами, попросила у него 18 копеек на покупку новых ниток (надо было купить 3 клубка, каждая по 6 копеек). Отец дал 20 копеек. Как я была рада. На нижнюю юбку ушло 5 аршин кружев. И у меня еще нитки остались, из которых я связала Альвине цветастые кружева для наволочек с буквами. Она этому очень обрадовалась. Мать отстирала кружева, выпачканные в чернила, из которых я тоже сделала кружева для нижней юбки. Тогда было модно, чтобы наволочки, нижние юбки, полотенца и простыни имели бы кружева. Кружева у простыни должны были обязательно быть видны из-под одеяла. В восемь лет вязала я уже чулки, носки; в 10 лет - перчатки с узорами, варежки. Училась штопать чулки и носки, и выполняла текущую работу хозяйки. В то время большее значение придавали умению работать, чем грамоте. Так требовала жизнь.

Читать, писать по-эстонски учились дома у своих родителей уже до школы. Племянники отца были учителями в городе Выру, присылали из Эстонии много книг, а так же крестный Александр Раутсиепп, который был в Тарту директором женской гимназии. Он тоже присылал книги. Одно я только помню : на корочке было написано " Кам пан ". Присылали из Эстонии и настольные календари, где было много полезного и интересного. В Тарту в то время было два богатых канкурирующих купца : Янес и Рейнвальд. Помню на листке одного календаря были веселые и интересные рифмы как мать послала дочь в магазин Янеса покупать товар, где покупка должна быть дешевле и красивее, дочь забыла наказ матери и зашла куда - попало. Там были, насколько я помню, такие рифмы!

Сделаю покупку здесь и там,
А прежде всего, где придется.
Когда появилась дома я

Товар в дороге потеряв
Мать смотрит на пустые руки,
И говорит; вы видели дурочку?
А чужой поднял товар
И унес в город в своей шапке
И сдал в магазин Янеса
Думая, откуда его все же взяли.
Янес осмотрел товар и сказал;
" У нас такого плохого товара нет.
Да такого дорогого."

Столько и помню с тех пор. От души все смеялись, много раз перечитывали. В конце каждого календаря было напечатано что-то интересное и смешное.

Переписка с родственниками продолжалась до первой мировой войны. После - прервалась всякая связь.

В школу я пошла в 1914 году в возрасте 11 лет, старшая сестра Тони была уже в 4 классе. В местечке, где мы учились, была волость, почта, школа, больница, православная церковь, тюрьма и 4 магазина.

Кроме этого, один человек занимался каткой валенок, второй богатый мужик занимался маслodelием из семян конопли и подсолнечника. Масло заменяло мясо в дни поста. Тогда с растительным маслом ели капусту, грибы и разные овощи. Русские соблюдали пост строго, только детям разрешалось есть молоко и творожок. Полный пост длился 6 недель до Пасхи. В местечке еще производили кирпич, выделывали кожи, была аптека, глазной врач, акушер и ветврач.

Когда я училась в третьем классе посреди села возле базарной площади построили кооперативный магазин, куда мой хозяин устроился продавцом. По воскресеньям он брал меня в помощники. Когда народ возвращался из церкви, в магазине было большое скопление людей, хозяин один не справлялся торговать.

В то время в России в период революции разменной монеты в магазине не было, их заменяли марки 5, 10, 15, 30, 40, 50 копеек достоинством. После работы, подметая пол в магазине, находила их валяющихся достаточно много. Эти найденные марки хозяин разрешал брать себе, и после работы дарил еще материал на фартучек и даже на платье, постоянно давал щелкать китайские орехи.

В 3 и 4 классах вместе с другими ребятами ходила и я в русскую церковь, так как у эстонцев по лютеранской вере это не запрещалось. Я сама на русском языке выучила молитву, по эстонски знала ее еще до школы. В последний год учебы в школе запретили посещать церковь, тогда в Сибирь пришли порядки красных.

С нашей эстонской деревни в школу ходили Ванник Якуб 4 зимы, Вальтин Яан - 3 зимы, Керганд Александр только 2 недели и сбежал. Отцу он сказал: "Хоть убей, туда я больше не пойду." Его старший брат Эдуард учился хорошо и закончил школу вместе с моей старшей сестрой в 1915 году. У нас, у эстонцев, были большие трудности с русским языком. И учителям возни с нами было достаточно, но язык все же усвоили. За последние 2 года у меня и моей старшей сестры все оценки были отличные. Мы обе с сестрой хотели учиться дальше, но не было ближе школы, как в Новониколаевске за 120 км на лошади или в Томске за 170 км. Затем наступили смутные времена, смена правительства и уезжать из дома далеко боялись.

Осенью 1920 года в Эстонской газете "Сибиряк" было сообщение, что в Омске (от нас примерно в 700 км) организуются 10-ти месячные курсы по подготовке учителей, куда брали с таким образованием как у нас. Решила ехать учиться в Омск. По прибытию выяснилось, что курсы по подготовке учителей заменили 4-х месячными курсами по подготовке партийных работников. Туда без разре-

шения родителей я не пошла. Омск в то время был столицей сибиряков. Там были секции для разных национальностей. Рукводитель эстонской национальности просил меня остаться секретарем-машинисткой на латинском и русском языке. Эту работу я не знала, но меня убедили, что быстро научусь. И я осталась там. Печатанье на машинке освоила достаточно быстро. К новому году разрешили поехать домой. После нескольких дней пребывания дома меня и Керганда Эдуарда мобилизовали на работу в волость, где работали до весны. В конце апреля в Омске организовали партийную конференцию эстонских женщин. На деревенском сходе решили туда послать меня. Тогда я забрала и свою одежду. Там остаться я не могла, так как летом надо было помогать на покосе. В 1921 году столицу сибиряков из Омска перенесли в Новосибирск, откуда прислали мне 2 письма, чтобы я вернулась машинисткой эстонского сектора. Но дома я была нужна, так как старшая сестра вышла замуж и ушла из дома. А младшие сестры еще были совсем маленькие. Линде - 9 лет, Мелли - 3 года. На этом мое дальнейшее обучение закончилось и на работу машинистки поставила крест.

СВОЯ ЭСТОНО-СЕМЕНОВСКАЯ НАЧАЛЬНАЯ ШКОЛА

По истечении 20 лет от основания Эстоно-Семеновки, когда у сибирских поселенцев выросло второе поколение и у молодых семей дети стали достигать школьного возраста, появилась необходимость иметь свою деревенскую школу. Какое-то обучение грамоте в этой деревне и до школы было. По договоренности привозили детей на один хутор, где Бирман Ида обучала одновременно читать, считать, писать. Это была неофициальная школа. Так она практиковала несколько зим, на основании этого все и возникло. В это время в России произошла революция, начали ликвидацию безграмотности, в деревнях возникали новые школы.

1 сентября 1928 года открыли свою школу и в Эстоно-Семеновке. Первая учительница была своя деревенская жительница - Селиксаар Мили. Обучение велось на эстонском языке. Необходимые учебники запрашивали из Новосибирска через международный эстонский сектор. Под здание школы использовали на окраине хутора у Сурковской границы покинутый дом. Место было неподходящее для школы, но другого выбора пока не было. Первый школьный день в открытой школе помню хорошо. Нас, мальчиков и девочек, набралось 10 рядов. Ученики старших классов пришли почему-то на пару недель позже. Парт не было. Посреди избы сдвинули 2 стола, с 2-х сторон поставили длинные скамейки, ученики сидели вокруг стола, раздавали им тетради в косую линейку и простые карандаши. В начале учили в тетради чертить несколько строчек черточек. Именно хорошо запомнилось письмо черточек, потому что от большого напряжения сильно нажимая на карандаш, чего не вынес кончик графита, он сломался, оставшаяся часть оставляла на бумаге двойные черточки. Учитель, дойдя по кругу до меня, посмотрел и похвалил: "Посмотри, какие здесь чудесные черточки у тебя получаются, две черточки сразу." Это замечание учителя принял как похвалу и был очень горд. Запомнил и первое наказание. Это случилось в следующем учебном году. На перемене, балуясь, от чьего-то толчка упал на вешалку и так неудачно, что у пальто учителя оборвалась вешалка, и оно упало. Само собой разумеется, что сразу же пожаловались учителю о моем безобразии. Завершилось это наказанием - стоянкой в углу. Другие сидели молча на уроке и презирали предателей, а я же, грешный барашек, должен был стоять в углу и был до глубины души обижен. Когда учитель решил, что я уже достаточно наказан, разрешил пройти мне на место, но я не тронулся с места и продолжал стоять дальше, по-своему этим выражая свой протест против реше-

ния учителя. Не помню, как в конце-концов я ушел из угла.

Школа была возле Сурковской границы на северном склоне лога. Прямо у дверей начинался крутой подъем, что служило хорошим трамплином для лыж и санок. Весной, когда солнце прогревало воздух, на перемене дети выбегали на этот склон: кто на лыжах, а кто и так. Снег был там всегда плотно утоптан. Лыжи были не теперешние фабричные, а самодельные доски. На западном склоне лога рос густой березняк. Зимние метели намели туда большие сугробы. На перемене забегали на сугробы, чтобы с крутизны спрыгнуть вниз. Дух захватывал, по пояс проваливался в мягкую перину снега. Иногда случалось и так, что свинцовый снег не выпускал прыгуна из плена. Однажды и я был в плену снега. Как нарочно, прозвенел звонок, и все убежали на урок. Наверное, я сам без помощи не выбрался бы оттуда. Учитель прислал на помощь одного старшеклассника Соотс Якова, который с лопатой освободил меня из ледового плена.

В 1930 году школу перенесли в другой конец деревни, в конфискованный дом раскулаченного Вальтина, где новым учителем был мой отец. Крестьянский дом не был приспособлен для школы: комнаты тесные, окна маленькие. Сразу возникла проблема: деревне необходима подходящая школа. По решению жителей обратились к районным властям насчет нового школьного здания. Там посоветовали перевезти подходящий дом в 20 км, конфискованный при раскулачивании, с промторными комнатами, со светлыми окнами. Большой дом, который пару лет пустовал посреди деревни Кусково. Отец нанял строителей Куус Эрнста и Ванник Юхана, оба настоящие столяры. Строительные работы начались весной 1933 года. И осенью этого же года дети вошли в школу. Дом разбирали и перевозили с помощью родителей учащихся. Выехали на всех колхозных лошадях и телегах. Кучерами были родители учащихся. Мне было тогда 13 лет, и мне доверили вожжи одной подводы. По прибытии в Кусково дом был уже разобран, бревна пронумерованы и сложены в штабеля. Мужчины изучали фундамент здания, который был сложен из бревен диаметром в метр, и удивлялись его прочности, так как не было никаких следов порчи. Осенью дети пошли во вновь отстроенную школу. И новые, до этого невиданной конструкции парты были занесены, у которых верхнюю крышку можно было регулировать выше-ниже. Так же можно было сделать по желанию круче и положе. Школьное здание со всех сторон получилось интереснее. И в районе другого такого школьного здания трудно было найти. В то время в нашей эстонской деревне русских еще не было. Дома и в школе разговаривали только по-эстонски. Поверьте, что многие старшие люди не знали ни слова по-русски. Другие с трудом произносили отдельные фразы. Русский язык дети слышали только от изредка появляющихся в деревне пимокатов, которые ходили из двора во двор, изготавливая зимнюю обувь.

Иногда после уроков отец открывал двери книжного шкафа и раздавал ученикам для домашнего чтения литературу. Дети окружали его вместе с книжным шкафом и все с стояли с протянутой рукой. И моя рука была далеко протянута, чтобы схватить каждый раз книжку. Но отец каждый раз умышленно обходил ее и раздавал другим. У меня уже накатывались слезы, когда, наконец, отец сунул и мне тоненькую книжку. Ее название и автора не помню, но содержание помню до сих пор. В книге рассказывалось о лежащем в постеле больном ребенке, его отце-охотнике и маленьком лосенке. Отец обещал больному ребенку достать лосятины. Пошел в лес с накиннутым через плечо ружьем и в лучах солнца увидел на поляне щипавшего траву маленького удивительного лосенка. Вскоре там появилась лосиха. Отец был очарован увиденной картиной и не поднял ружья на беззащитное животное. Дома рассказал сыну об увиденной в лесу картине. Большой ребенок просил еще и еще рассказывать о маленьком лосенке и его матери, который на солнечной поляне щипал травку. Этот разговор отца и сына остался в памяти.

В новую школу было два входа: левая дверь вела в классную комнату, а правая в столовую. Впереди классной комнаты был просторный коридор, где была вешалка и где можно было зимой раз-

даться. В конце классной комнаты была еще дверь, которая вела в красный уголок. Такой уголок должен быть в школе, где собиралась школьная библиотека. Школа была однокомплектная, т.е. работал один учитель. Один год занимались 1 и 3 классы, другой 2 и 4 классы. Одним словом, первый класс начинался через год. Были года, когда учитель занимался сразу с тремя классами. Работа в объединенных классах требовала от учителя большого мастерства и методического чутья, детской самостоятельности и трудолюбия. Окончившие 4 класса продолжали свою учебу в районной средней школе. Учеба там, естественно, велась на русском языке. Детям вначале было невероятно трудно, они не понимали самых простых вещей. Боялись проронить слово. Еще недавно Элла Ильвес рассказывала интересный случай из своей школьной жизни. Она потеряла ручку, которая упала в классе на пол. Русский мальчик, поднявший ручку, крикнул на весь класс по-русски: "Чья это ручка?" Элла, естественно, узнала свою ручку и крикнула радостно: "Моя ручка!" "Ха-ха-ха", - взорвался весь класс. Только потом сообразила, почему хохотали русские. Каким-то образом, через большие трудности закончили 5 класс. Последующие годы учебы шли складно.

Учеба на родном языке длилась до 1938 года, марта месяца. Когда учителя Эдуарда Керганд необоснованно репрессировали и выслали неизвестно куда, книги на эстонском языке у детей отобрали и уничтожили. Уничтожили и школьную библиотеку. Учеба с этого момента велась только на русском языке.

За весь последующий период, до ликвидации эстонской деревни, сменилось много учителей. Своя Эстоно-Семеновская школа просуществовала около полсотни лет, и закончила свое существование вместе с ликвидацией деревни.

СОВМЕСТНЫЕ ДЕЛА МОЛОДЕЖИ. (воспоминания Соотс Махты)

В первые годы после переселения в сибирь люди руками и ногами повязли в работе, заботясь о хлебе насущном и крыше над головой. Не оставалось времени для веселья. Молодежи было много, так как семьи у всех сибирских переселенцев были многодетные. Многие были на пороге совершеннолетия или уже совершеннолетние. Например, Керганд Лине - 19 лет, Керганд Елене - 16 лет, Сирель Миле - 17 лет, Сирель Линде - 15 лет, Бекман Иде - 18 лет, Калза Мине - 20 лет, Калза Юле - 16 лет. Из юношей подходящими женихами в то время уже были Ванник Юхан, Вееборн Карл, Вееборн Михкель, Кепс Иозеп, Бекман Михкель, Калза Яан, Муру Отто, Муру Аугуст. С каждым годом молодое поколение пополнялось новыми юношами и девушками, которые становились совершеннолетними. Лепмансон Даниель был хорошим скрипачом, цитристом. Калза Яан - первым гармонистом в деревне. Семья Калза из 6 человек появилась в сибире 1909 году. В начале они жили у нас на квартире. Зимой, конечно было тесно, а летом спали на сеновале. Отец играл на гармошке и цитре, сын Яан наяривал на германской трехрядке. Три дочери Минна, Юли и Анна были все голосистые певушки. Так что березняки и лога отзывались только музыкальным эхом. Сюда же приходил Лепмансон Даниель со своей скрипкой. Субботними вечерами и по воскресеньям в нашем дворе звучали эстонские напевы. Это созывало молодежь деревни. Летом пели, играли, танцевали во дворе. Зимой у кого-нибудь в доме, где было просторнее. У нас была большая изба: 6 м длиной и 5 м шириной. Помещение достаточное для танцев. Кухня была 2,5 м шириной и в длину на весь дом. Танцевали польку, краковьяк, польку-мазурку, падеслан, лейлендри и, конечно, же вальсы. Когда играл Яан, ноги сами просились в пляс. Его постоянно возили по всем окружающим русским деревням играть на свадьбах. Если натанцевались досыта, водили хороводы. Одна хороводная песня при-

мерно такого содержания.

(перевод без рифмы)

Лилла, сидя за решеткой ,
Скорбно ждала отца
Увидев его на прогулке,
Вдоль морского берега
Жалобно звала

- Добрый папа, милый папа выручи меня
- Чем же я тебя выручу? У меня нет денег
- У тебя дома 6 лошадок , заложи одноо из них
- Лучше оставлю Лиллу здесь, чем отдам лошадку.
- Лошадка на всю жизнь. а Лилла лишь на время.

Хороводных песен было много, и многие из них уже забылись. Например, была такая:

(без рифмы)

У сына скоро свадьба,
О чем отец не ведает
(затем хороводный танец)
ой-ли ,ла-лии-лаа,...

Или другая хороводная игра:"Где гуляла маленькая Аннушка, где гуляла маленькая Аннушка.Ва-ли-ри-лаа, ва-ли-ри-ли-лаа, ва-ли-ри-лаа, роза-ла-ла.

Хороводные песни были отдыхом между танцами. Так как гармонисту тоже нужно было передохнуть . Помню , когда была 14-летней девчушкой и пасла еще стадо, танцевать смела только со своими сверстниками. Однажды в воскресенье когда у Калза был вечер танцев, ко мне подошел Ильвес Мартин и пригласил меня на танец. Я была еще совершенно молоденькая. Может не так молоденькая, как небольшого ростика и худенькая, мои щеки, наверное, вспыхнули десятикратно, на столько я была удивлена. Когда танец закончился Мартин взял меня на руки и через все помещение на глазах у всех пронес меня на место. Как мне было тогда стыдно, я вышла на улицу и убежала домой.

Нам не разрешали долгл гулять, пастушка должна была утром рано вставать. Дочь Кярстен Петра Мета-Миральда была их приемной дочерью, на два года моложе меня, но достаточно рослая. Сней мы вместе пасли стадо и , когда коровы спокойно паслись, учили танцы вокруг стога.Она сейчас живет в Свердловске. Вышла замуж за русского. У нее были мальчишки-близнецы и дочь. Все получили высшее образование. Переписываемся(рожденв в 1905 году) В каждом письме вспоминает детские годы, игры, пастьбу и наши танцы вокруг стога, цветущие клумбы под окном, полевые сибирские цветы, дикие цветущие деревья, кукушкины башмачки(цветы), лесные лилии и огоньки. Пригоняя стадо, мы приносили горстку полевых цветов.

Молодежные праздничные вечера, где пели и танцевали, возникали лишь в большие праздники и знамеательные семейные даты, дни рождения. Люди не было времени для развлечений и веселья, полевые работы и забота о скоте требовала много времени и труда и все же зимой можно было немного перевести дух. У старшего поколения была потребность в молитвах. Отец привез с собой церковные книги и церковные песенники, книгу с обрядами крещений и похорон. Отец выразительно и четко читал, поэтому люди просили его, чтобы он разрешил в своем доме проводить молебен. Вечером под новый год к нам приходили молодые и старые. После молебен занимались гаданием. Мать моя была веселая и добродушная, и принимала активное участие во всех молодежных выдумках. Гаданием занимались часов до 2-х ночи. Молебен проводили под Новый год, на крещение, в чистый четверг, большуэ среду, на пасху 2 дня, 3-ий день не считали большим праздником, женщины могли уже рукодельничать, шить, вязать. Молодежь переписывала друг у друга разные интересные песни, разрешали даже танцевать. Танцевальные вечера проводились и у Си-реля, у Керганда, иногда у Ильвеса:у них были большие комнаты. После праздника пасхи, приходили летние праздники(Троица), кото-

рую справляли 3 дня подряд, за полторы недели до этого было вознесение, что считали очень большим праздником. В этот день проводили молебен, нельзя было ничего делать, даже нитку в иголку вдевать. После троицы наступал праздник Иванова дня. В этот день молебен проводили на кладбище. Старшие люди сидели на скамейках у могил своих близких и внимательно слушали молитвы, а молодые планировали, куда идти: то ли к Пирманам на качели, куда сразу могли усесться 6 человек, или куда-нибудь танцевать. Заканчивался год рождеством, праздновали 3 дня подряд. В первый день читали молитвы и пели песни, которые звучали очень солидно. Отец зачитывал сначала слова, затем все хором пели, на второй день было уже меньше народу. После молитвы приглашали, кто с кем больше общались родители больше общались с Ильвесами. В каждой семье были приготовлены такие блюда: холодец, кровяные колбасы, котлеты, мясные пирожки, творожные пирожки. Из Новосибирска покупали к праздникам 3-4 пуда муки высшего сорта. К празднику варили пиво, покупали вино, некоторые делали самогонку. В нашей семье этим не занимались. Севернее Эстоно-Семеновки, в 12 км от Сурково, основалась деревня Высокое, где жила одна эстонская семья по фамилии Наел. Позже туда прибыла еще одна семья Каменик Яан и Эмми.

Их дочь Лейда вышла замуж за сына Поттер Лизы Эльмара. Теперь они живут в Тарту. У Наела было 3 сына: Аугуст, Хярман и Яан и две дочери: Мари и Юли. Раз в год наши семьи посещали друг друга. Аугуст, их старший сын, был крестным отцом моей младшей сестры Линды, крестными матерями были Калза Юли и Пирман Ида. Очень хорошо помню, когда Наел Аугуст уходил на первую мировую войну, зашел к нам попрощаться и с войны не вернулся. Если солдат или воин приходил прощаться, то был обычаем дарить ему варежки, носки, 2 платочка и полотенце. Старшая дочь Наела была в Томске в школе совершеннолетия вместе с моей старшей сестрой Тоней, Соотс Юханом и Сирель Алмой. Дети Наела в большие праздники приезжали к нам на танцы и были как родные. Не заходя в избу, распрягали лошадь и запускали в конюшню к нашим лошадям.

После установления Советской власти религиозные праздники отошли и не было человека, кто бы это дело возглавлял, так как отец вместе со своими религиозными книгами уехал в Эстонию. Был обычай в ночь перед Иван Купалой разводить костер, он сохранился и был одним из долгожданных событий для пожилых и молодых. В свете костра и от исходящего его тепла люди пели, танцевали, играли: "Арш марш, последняя пара выходи." Кто был проворным, та пара никогда не давала себя разлучить. В 1920 году из Томска приехал некий Энню (это могла быть и фамилия), который начал в эстонских деревнях организовывать хоры, постановки, библиотеки. Танцевать мы и так умели. Только один танец, который привез Керганд Эдуард, прибыв из армии, был новым. Название танца по-русски: "Тертай". Это был очень красивый танец. Надо было легко подпрыгивать, ру-

ка возле уха, как-будто отдаешь честь. Постановками руководила я и библиотеку основали у нас. Первые книги - все на эстонском языке, собрали по деревне. Напечатаны они были в прежние времена. Позже Эню привозил современные книги, содержание которых было слишком серьезное и не интересное. Людям они не нравились, и никто их не читал. Помню выучили пьесу "Возле болота", постановка была на троицу в риге у Муру. Так же когда выучивали другие пьесы, ставили их в риге у Керганда. Вначале не было сцены, занавеси - играли просто на полу риги. У нашей матери было три новых самотканых покрывала, из чего сделали сцене стены. Самотканые льняные простыни, что привезли еще из Эстонии, пошли на занавес. Мать, конечно, ругалась и ворчала. Не хотела давать. Я не обращала на это внимание. Позже, когда овладели пьесами на русском языке и ставили их в окружающих деревнях, разбогатели. За деньги, вырученные за билеты, купили занавеси и настоящую сцену сделали из плах. Пьесы ставили в Сурково, Кусково, Киике, во всех больших соседних деревнях, где были уже построены клубы. К нашим постановкам у народа был великий интерес, было новостью, что первооткрывателями стали эстонцы. Клубы были всегда набиты битком народом. В округе мы стали такими известными, что позже когда перед праздником Ивана Купалы ставили пьесу в риге у Сиреля для своих людей на эстонском языке, то с окружающих деревень русских было так много, что не вмещались в ригу, люди стояли возле стен и на улице возле дверей. Они из постановки на эстонском языке ничего не понимали, а ждали конца, чтобы потанцевать.

Эню организовал в нашей деревне маленький 4-голосый хор, который был больше похож на ансамбль. Певцами были Соотс Юхан, Соотс Анитс, Крганд Эдуаад, Керганд Александр, Тааль Елена, Пальм Мартин, Пальм Отто, Эрмель Эмма и я, Соотс Махта.

В то же время выучили пьесу под названием "Варгат" (Воры). Суфлером была Эрмель Эмма. Премьера была в первую годовщину празднования дня Советской Армии. Делали сборы от народа, собирали вещи, которые годтились для подарка солдатам и т.д. Круг наших общений расширялся. Посещали с постановками Болотное, который стал уже достаточно крупным населенным пунктом: туда за 53 км наши люди ездили на базар. Хорошо помню одну песню, которую мы там пели "Смело товарищи в ногу". Каждый год выучивали 3-4 пьесы, а так же несколько новых песен. Особенно пьесы, где люди могли много смеяться, это невесты-уроки и т.д. Эту пьесу я записала со слов своих отца и матери и Пост Минны, которые этот рассказ когда-то, в какой-то книге прочитали.

Такая интересная дружная жизнь длилась до 1928-29 годов. Потом все заглохло. Началось раскулачивание и коллективизация. Жизнь стала мучительной. Не было желания ни выступать, ни петь. В 30-х годах пытались сразу придавить инициативу. А в 1937-38 гг. репрессия одним махом положила конец всему.

КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЯ

Точно не помню в каком году по соседству с эстонской деревней в большой русской деревне Киик образовали коммуны "Первомайскую". Это случилось за несколько лет до образования колхозов. Государство дало им два американских трактора фирмы "Кейс". Утрами, когда воздух был еще сырой от ночной прохлады с той стороны через леса и болота слышен был в поле шум работающих тракторов. Никто еще своими глазами не видел этой удивительной машины и не мог себе представить как они выглядят. Люди слушали гул мотора и в газетах читали пропанду о новых методах обработки земли. Знающие люди рассказывали, что в коммуне весь скот, птица, сельхозмашины обобществлены, хозяйкам не надо дома готовить пищу, питаются в столовой.

Откуда-то издалека в деревне появился мужчина по фамилии

Принц, который рассказывал людям о колхозных порядках. Крестьяне насторожились от новых, неожиданных, ранее не слышанных порядках. Слишком крутой поворот надо было сделать в жизни. Новые порядки никак не укладывались в рамки старых понятий. Так как приходилось ломать столетиями сложившиеся, опробованные со всех сторон порядки ведения сельского хозяйства. Слухи о раскулачивании крестьян нашли подтверждение и в нашей деревне. Первыми в 1929 году летом раскулачили Вальтина Вярты. В семье было 3 сына. В 1909 году по положению они получили землю на 4 души - это было 50 га. Количество земли, вероятно, и послужило причиной раскулачивания. Постройки у них были ветхие. Единственное, чем они бросались в глаза, это тем, что держали больше скота, особенно свиней. Приземист, плотный, здоровый, краснощекий, простодушный мужик (Валтин) был всегда улыбочив и дружелюбен. Его трудоспособности и трудолюбии в деревне слагали легенды. Поздним субботним вечером, когда соседи шли в баню, все еще на полях Вальтина сласали грохот телеги и голос хозяина, который в сплошной темноте с фонарем, привязанным к оглобле, складывал снопы хлеба в скирды. Молотили там несколько дней подряд. Когда расправились с последней скирдой, на всякий случай спрашивали хозяина: "Нам завтра, наверное, не надо приходить?" Он отвечал: "Приходите все же". Приходя на следующее утро люди с удивлением видели, что на поле стояли новые скирдки. Хозяин ночь не спал. Днем, похороненный в пыльном облаке молотилки, стоял и двумя руками пихал снопы в чрево барабана. Время от времени покрикивал через машину приемщикам соломы: "Приемщики соломы, пусть ремни ходят побыстрее, поднимайте солому выше!" Превжные молотилки были примитивными, солому вместе с зерном и мякиной выбрасывало из барабана прямо на грабли женщинам. 3 женщины с одной стороны и 3 - с другой стороны вытрясали зерно из соломы и стробали солому подальше от машины.

Такая же жадная до работы как и хозяин была его жена. В деревне рассказывали как она в конце июля, под ржаным суслонем родила мертвую дочь. В семье до этого были одни сыновья. Ох, как несчастлива была мать, плакала и причитала: "Ох, моя доченька, ох моя доченька - душенька." (Музируликине) Хозяйство Вальтина обложили повышенными платежами. Позже конфисковали все добро и хозяина выставили из избы. Семья уехала в Кунгуры, где два старших сына уже были примаками. Построил там маленький домик и жил там несколько лет. Потом настолько помешался, что повесился на дверной ручке, стоя на коленях, чтобы сести счеты со своей жизнью.

В этом же 1929 году раскулачили вторую многодетную семью Ванник. В семье работали 60-летняя мать и 3 сына - Якоб, Эдуард, Антон. Хозяин умер 10 лет назад, старший сын Юхан со своей семьей жил в г. Томске. Это хозяйство обложили тоже соответствующими налогами. Братья не стали ждать, когда придут конфисковать имущество и выгонять из дома, а начали потихоньку ликвидировать хозяйство. Заранее продумав, Якоб и Эдуард запрягли лошадей, привязали коров и нетелей к саням, побросали в сани на сено овец и до петухов на рассвете исчезли из деревни. По пути в русских деревнях по дешевке распродали скот. Через три дня добрались они за 170 км до Томска, к брату Юхану. Жена Якоба Эмма, которая после расставания с мужчинами несколько дней провела у Гюссона (брата), однажды ночью запрягла жеребца в котовку и исчезла бесследно.

У жителей деревни не было понятия об их тайном исчезновении. Когда пришли конфисковать имущество и выставить хозяев из дома, нашли в углу пустой кухни сидящую пожилую женщину. В сарае и конюшне распахнуты двери и пусто. Больше ничего не оставалось, как выставить старуху из собственного дома и забить двери и окна. Так закончилась эпопея еще одного переселенца в Сибирь после 22-летнего трудового истязания.

По этой причине коллективизацию в деревне никак не хотели начинать. В газетах появилось множество материалов о классово-вой борьбе в деревне, о необходимости ликвидации кулаков, как

класса, который хитро исподтишка задерживает объединение в сельском хозяйстве в артели, так первоначально называли колхозы. Когда покончили с многоземельными хозяевами пришла очередь середняков. Осенью 1929 года раскулачили 3-го хозяина, это был Пальм Отто. Этот мужик был настолько бедный, что у детей не было нормальной зимней одежды. В семье было 3 несовершеннолетних ребенка. Альфреду - 5 лет, Вольдемару - 4 года, Виктору - 2 года. Их хутор был размером в 36 га. Хозяйство бросалось в глаза хорошо ухоженной скотиной. В конюшне стояли 2 упитанные белые лошади и жеребенок, в стаеке 2 коровы, 6 овец, 4 свиньи. Когда дети были еще маленькие на лето нанимали пастуха. Не знаю, что послужило причиной раскулачивания этого хозяйства. То ли пастух, который считался наемным работником или сенокосилка, как признак достатка.

Думается, что основной причиной была беззащитность и пример для устрашения тех, кто еще колебался вступать в колхоз, что тех ожидает такая же участь. Догадка почему именно Пальма постигла такая участь была в том, что он был в ссоре с одним из деревенских активистов.

Хозяйство Пальма обложили невероятно большими платежами, с которыми нельзя было справиться при самом большом желании. Много лет спустя Пальм Ида (жена того хозяина) рассказывала, как осенью 1929 года организовали сдачу государству нового урожая красным обозом. Крестьяне сотобранным хлебом съезжались на дорогу Киик-Сурково. К первому возу прикрепили красный флаг и обоз тронулся. Тогда еще не было железной дороги "Новокузнецк-Новосибирск", хлеб возили за 53 км к железнодорожной станции Болотное. Когда обоз выезжал в Сурково (там был наш сельский Совет) его задержали, кулаков отозвали с обоза, а остальным велели продолжать путь. Через час, когда обоз отъехал от деревни уже далеко, разрешили и кулакам двигаться дальше.

В феврале 1930 года пришли выселять семью Пальм. Маленькому Виктору нечего было одеть. Один из активистов снял с вешалки отцов пиджак и накинул на маленького мужичка. Несмотря на мольбу матери, мальчика выдворили на сугроб. "Мужичок" запутался в одежде не по росту, попятился и упал ничком в снег. Других членов семьи натуральным образом вытолкали из избы и заколотили окна и двери. Из имущества здесь нечего было конфисковывать. Мебель была слишком бедной. Основное добро, что отсюда взяли был скот. Лошади были ухожены, хозяин их не запрягал даже для поездки в район, ходил 10 км пешком. А таких свиней английской породы, коротконогих, лопоухих, с широкими спинами не было в деревне. Хозяйка раздобыла их в деревне Боровушке за 60 км, где жила ее сестра. Пальм Ида рассказывала этот эпизод из своей жизни много лет спустя, когда летом 1970 года я был в Тааллине на курсах преподавателей труда, посетив их на улице Пярну, где она проживала со своей дочерью Лейдой. Тогда я и записал жизнь семьи Пальм.

Перед раскулачиванием Пальмы были самостоятельными хозяевами всего лишь 5 лет. До этого жили случайными заработками в эстонских деревнях. Пальм Ида (в девичестве Рядсепа) родилась 9 апреля 1896 года, 14-летней девочкой вместе со старшей сестрой решила ехать в Сибирь искать счастье. Жить решила в Новониколаевской губернии в деревне Боровушка у Ласкаря, который приехал сюда тремя годами раньше в 1907 году. У Ласкаря тогда уже был дом, построенный из бревен стайки, заготовленные еще на своей земле. В семье Ласкаря было 6 сыновей: Абель, Пауль, Аугуст, Карл, Руди, Альфред. Поэтому и отмерили им земли на 7 душ, примерно 90 га. Поэтому в этой семье нашлась работа и для двух бедных девушек, прибывших из Эстонии.

Один из сыновей Лауль погиб в 1924 году при изготовлении самогона, когда большой котел взорвался и ошпарил юноше лицо и грудь. Остальные 5 сыновей были репрессированы в сталинский период в 1938 году.

В 1923 году поженились Ида Рятсеп и Отто Пальм. Пальм появился в Сибири в 1908 году и обосновался в эстонской деревне Листвянке, которая находилась в 50 км от Боровушки. Молодежены работали у хозяев на случайных работах. Через ткачество и большую экономию скопили столько денег, чтобы купить в Эстоно-Семеновске хутор в 36 га у Сарапа, которые потянулись обратно в Эстонию. Соседями были Кярстен Петер, Соосаар Яан, Ильвес Густав. Всего 5 лет смогли вкусить настоящей крестьянской жизни, быть хозяином на своей земле. Всю жизнь барахтались на грани бедности и недостатка. Через невероятное самопожертвование и нещадную работу старались люди стать хозяевами на земле. Лишенные теперь всего, вакинутые в мороз в объятия сугроба, пришлось снова искать крышу над головой. Две крытые шубы, заранее унесенные к соседям (Керганду) на хранение , и остались. Вся семья уехала за 60 км в Боровушку к Ласкарь Лотте. Хозяин Отто ушел на строительство железной дороги "Новосибирск-Новокузнецк". Через 2 года , к 1932 году семья вернулась обратно в Эстоно-Семеновск и вступила во вновь организованный колхоз "Уус-Эму" равноправными членами. В декабре 1937 года вместе с другими четверьмя нашими мужчинами Отто Пальм был одним из первых ласочек знаменитых сталинских жертв, все четверо канули. События шли своим чередом вперед. Следом начали принимать и середняков. В конце-концов добрались и до Керганд Иозепа . Это было уже в январе 1930 года . Увели из стайки скот, хлеб- из амбара, домашнюю утварь, растащили сельхозинвентарь. Когда зять Юхан Тааль и сын Эдуард , имевшие для того времени хорошее образование , знали тогдашние положения, вмешались , то в конце-концов власти признали нарушение закона и Иозеп был восстановлен в правах. Те, с чьей помощью имущество растаскивалось имели теперь большие неприятности , чтобы собрать отобранное обратно. Но еще судьбу нескольких хозяев ставили на весы пробовали так и эдак, но было не по зубам. Вот что сообщает в своих воспоминаниях Махта Соотс : " Ко мне и моему супругу Юхану начали подкатываться. Я якобы дочь попа, а Юхан - сын торговца. Это достаточно тяжкие обвинения, когда власти против тебя. Дочьню попа меня обвиняли из-за отца. При переезде из Эстонии в Сибирь он привез с собой библию и пару небольших религиозных книг. Отец мог свободно читать и поэтому люди просили в большие религиозные праздники разрешения принять участие в молитвах у нас в доме. О какой-то плате отец, естественно, и не мыслил. Это в то время для людей просить было необходимостью. А Юхана считали сыном торговца по той простой причине , что его отец Соотс Якоб в Эстонии когда-то был коробейником и продавал шнурки, нитки, иголки, пуговицы, шила, расчески. С большим трудом мы тогда выкарабкались. Одним словом, жизнь у нас в деревне с каждым днем становилась все круче."

Перечисленные события, постоянно прогрессирующие, заставляли многих середняков чесать затылок. Становилось всем все ясней и ясней, что есть только один путь - в колхоз. Большинство крестьян , практически середняки, подали заявления в колхоз. Большинство хозяев, практически середняки, подали заявления о добровольном вступлении в сельскохозяйственную артель. Остались лишь некоторые сопротивляющиеся бедняки, которые думали , что у советской власти до них руки коротки. 19 февраля 1930 года на общем собрании жителей деревни утвердили сельскохозяйственную артель, позже именовали колхозом, назвали по эстонски " Уус-Эму " (Новая жизнь). Обобществили сельхозинвентарь , скот собрали в пустовавшие помещения кулака Вальтина. Нард позже этот дом назвал "Домом коммуны". Для семенного зерна колхозу уступил свой амбар Эдуард Керганд. Некоторые крестьяне не хотели отдавать свое семенное зерно, кидали полупустые мешочки на сани и подъезжали к амбару. Председателем колхоза выбрали слабого хозяина Юлиуса Гюссона, а счетоводом - Магдалену Соотс. Вскоре выяснилось, что малограмотному Юлиусу Гюссон не под силу управлять большим хозяйством. Решили выбрать нового председателя - Мартина Ильвес. У

этого мужика наряду с организаторскими способностями было полнл недостатков, он любил выпивать. Недаром Алма Сирель, которая была признанной сожительницей, в одной из стенгазет поместила стих:

"Весельный председатель" (содержал такие строки, перевод не в рифму)

" Проспись председатель,
Весенний сев ждет тебя
Отмойся от вина

Тогда ты освободишься от греха"

Однажды в 40 градусный мороз он уснул на санях, отморожил ноги и попал на длительное время в больницу. Новым председателем выбрали Александра Керганд, который работал с этого момента до 10 июля 1942 года, когда мобилизовали в Эстонский стрелковый полк, где он и погиб в январе 1943 года возле г. Великие Луки.

В том же году, когда организовали колхоз, в деревне появился с женой и детьми с сомнительным прошлым Тальс. Жили бедно. Мужик не работал. Много употреблял алкоголя. Внезапно семья исчезла из деревни, а мужик через некоторое время опять появился, но только один. В компании Вебор Михкель (один из твердолобых бедняков), который не вступил в колхоз и, у которого стали частенько собираться пьянки. Государство обложило единомышленников, в частности, деревенских бедняков, которые не вступили в колхоз, неимоверно тяжелыми налогами, выплатить которые, естественно было невозможно. Михкель на все махнул рукой и вместе с Тальсом занялся ночными набегами. Поползли слухи, что в русских деревнях пропадает скот, появились взломы амбаров и домов.

Однажды темной ночью подняли по тревоге жителей деревни, горела школа, постройки активистов новой власти, Мили Селиксар (девичья Сирель). Дом и все постройки сгорели дотла. Через несколько дней ночью сгорел дом коммуны, где был размещен колхозный скот и колхозная контора. Пожар вовремя увидели и быстро ликвидировали. Не прошло много времени, когда деревню посетил новый пожар. В полночь в небе внезапно появилось зарево. Окна нашего дома освещались отблеском пожара, в комнатах было светло, как днем. Горели пустые помещения хозяйства Пальм. К утру все превратилось в пепелище, только остались глиняные стены стайги. В это же время у жителей деревни стало пропадать то одно, то другое. У Керганда Эдуарда однажды ночью из комнаты, которая, в большинстве своем, использовалась как кладовая, исчезли три крытые новые шубы. Из украденных шуб 2 принадлежали семье Пальм, которые они принесли на хранение, перед тем как их выгнали из дома. Из оконной рамы выставили стекло, открыли а затвора и зашли. Шубы висели на гвоздях. Люди догадывались, кто эти ночные воры, но не пойман - не вор.

Весной, во вновь организованном колхозе, сообща засеяли поля. Осенью, из нового урожая, на каждого члена семьи платили пуд (16 кг) хлеба в месяц. В нашей семье, кроме отца с матерью, было пятеро детей. Каждый месяц мы получали 7 пудов или 112 кг муки. Естественно, весь хлеб жалели использовать на питание. Мать недавно вспоминала: " в летней комнате накопилось много мешков муки. Отец советовал больше хлеба кормить скоту. " Такая оплата длилась только один год. В дальнейшем стали платить соответственно заработанным трудодням. Кто больше работал, тот больше получал. В последующие годы положение с хлебом ухудшилось, особенно, начиная с 1932 года. В стране был страшный голод., не хватало хлеба крестьянам, не хватало хлеба и в городах. Ввели карточную систему. Отец работал учителем и получал хлеб по карточкам. За этим хлебом приходилось ходить за 10 км в районный центр. Запомнились одни мартовские каникулы, когда отец послал меня за хлебом. Шел пешком с маленькими железными саночками. Получил на талон кирпичики хлеба, сложил их в рядок на саночки и завязал их веревкой. На улице таяло, солнце сияло (неоднократно повторяюсь о сиянии солнца, в Сибири его, действительно обильно). Весенняя дорога местами грязная, тяжелая, кочковатая, саночки несколько раз опрокидывались. Устал до смерти, ведь дорога только в один

конец 10 км, и мучительно хотелось есть. Боялся от кирпичика отломить хоть кусочек хлеба, такое уважение было к нему. Такое огромное желание было доставить его в нетронутом виде домой. Мать ворчала: "Что ты, глупенький, не отломил кусочек хлеба, если ты есть хотел!"

Единомышленника, в особенности бедняка, облагали повышенными налогами. Они барахтались в долгах, но в колхоз не вступали, полные упрямства и твердости. И уже на грани разорения искали они все еще выхода, надеясь на чудеса с неба, что могло бы им справиться с этими же платежами. Корберг Аугуст и Бекман Елена осенью 1932 года поехали в Новосибирск на базар добывать деньги. При возвращении из города остались ночевать возле дороги, лошадей отпустили кормиться на лужайку, а сами уложились спать за кустом. Разбойники, вероятно, преследовали их от самого города и выжидали, когда они уснут. В один из дней в деревню пришло ужасное известие: Корберг Аугуст и Бекман Елена убиты. Трупы привезли домой, а лошади с упряжкой так и канули.

Старший сын Микит Освальда (в деревне его звали Сашка Микит) рассказывал еще недавно: "Тетя Юля (сестра егро матери Анны) ругала несколько раз нашего отца - "Что ты канителишься и сопротивляешься? У тебя больше ничего не осталось, как старая кляча и разбитая телега. Сдай их в колхоз и сам тоже иди следом. Против власти все равно ты бессилён." Отец не прислушивался к словам тетки и сказал: "Лучше шапку съем, чем в колхоз пойду."

Вебер Михкель, который связался с бродячим Тальсом, оба шатались по окружающим деревням и воровали скотину и где-то это превращали в деньги. На работу махнул рукой, в доме стали частые пьянки. Зимой 1933 года в деревне появились милиционеры. Колхозному счетоводу Соотс Махте, дали задание собрать народ и единоличников в колхозной конторе. Прежде всего заслушали колхозников, спрашивая: "Кто знает, почему единоличники не платят налоги, что они противники государства, или не поняли колхозные порядки, и почему они не вступают в колхоз." В конце взялись за Вебор Михкеля. Соотс Махта писала в своих воспоминаниях об этом собрании и его последствиях следующее: "У людей спрашивали, где у этого мужика (Вебор Михкеля) денежный родник? Откуда этот мужик черпает деньги, что может каждый день пьянствовать?" Естественно, никто ничего на это не мог ответить. Потом спросили, слышал ли кто-нибудь, что он где-то что-то ворует. Люди молчали. Кто-то может и знал что-то, но боялся пикнуть. Затем подозвали Михкеля, который стоял у окна, к столу. Милиционер достал из портфеля большой лист бумаги, котрый был исписан мелким шрифтом, и громко прочитал, с кем Михкель вместе воровал скот, где место убоя, с какой деревни колько скота он украл. Злодеяния были точно зафиксированны. Можно было догадаться, что его милиционер обратился с вопросом к народу: "Теперь вам ясно, что за мужик этот Вебор Михкель."

Среди людей послышались голоса: "первый раз слышим" Когда все грехи были зачитаны, Михкель побледнел, весь задрожал и упал на колени. Ноги его больше не слушались. Милиционер подошел и поднял его на ноги: "Закурим!" Предложил Михкелю папиросы и сам закурил. Михкель дрожал всем телом, пальцы не держали папиросу, тогда милиционер взял папиросу и сунул Михкелю в рот. Но он не мог уже курить. Папироса не держалась во рту, настолько он был напуган.

- Вот видишь, теперь все выяснено. Теперь ты дрожишь, тогда не дрожал, когда на Сурковской грани и берегу пруда в кустах резал ворованный скот.

Вебор Михкеля арестовали на месте, также арестовали других единоличников, которых обвинили в неплате налогов. Конвоиры Тогучинской милиции вместе с Вебор Михкелем взяли еще Бекман Михкеля, Корберг Индрика, Микит Освальда и Муру Юхана.

Через месяц в Киике (большой русской деревне) был показательный выездной суд. Соотс Юхан, который был от нашей деревни де-

путатом Совета , был приглашен на этот суд. Виновных пригнали с районной тюрьмы в Киик за 22 км пешком. Милиционер ехал впереди на санях , запряженных одной лошадей. Соотс Юхан на колхозной лошади следовал за ним. Арестованным садиться на повозки не разрешалось. Только Бекман Михкелю, который был очень болен , с высокой температурой, тяжело дышал, был стар и беспомощен, разрешили сесть на сани к Юхану. Суд был строгий. Вебор Михкеля приговорили к расстрелу, Бекман Михкеля - к 5-ти годам лишения свободы, Корберг Индрика и Микит Освальда - обоим к 4 годам , Муру Юхана - к 7 годам лишения свободы. Приговор Вебор Михкеля привели к исполнению на следующий день после возвращения заключенных . Других заключенных отправили в Новосибирскую пересыльную тюрьму, где Бекман Михкель через 2 дня умер. Домашним сообщили , чтобы забрали одежду . Трех мужиков, оставшихся в живых, Корберг, Муру и Микита выслали в Новокузнецк на шахту. Семьи осужденных автоматически включили в колхоз. И их конфискованное имущество передали колхозу. Этим компания коллективизации в нашей деревни была завершена на 100 процентов.

Сын Микита Освальда - Александр, когда зимой 1982 года из Сибири гостил у брата в Эстонии, рассказывал : "Когда отца осудили и увели, из Сурково пришли деятели и увели лошадь и телегу в колхоз. В уголке амбара было еще с мешок зерна - это тоже втащили на телегу. Наша семья стала совершенно нищей, нечего было есть. В семье было четверо детей. Старшей сестре Лизе было лет 12, мне - 8, Виктору - 5, Николаю - 3. К завершению случилось еще несчастье с коровой. Ночью запуталась в привязи и пала. Если бы не было тети Юли (она была одинокая и жила в своем доме), наверное, все мы умерли бы с голоду. Она на пожалела, детей. Зарезала свою единственную корову и помогала поддерживать в нас жизнь мясом.

Позже, когда вторично в декабре 1937 года во время сталинской репрессии бесследно увели отца, она опять помогала продуктами и одеждой.

С О Б Ы Т И Я 1937 - 38 Г О Д О В .

Окуда-то из-за угла подувший свежий ветер колыхал белье , висевшее на веревке , вихрем крутил на дороге крошево от сухого сена. Налетел на пастбище колыхать молодые березки и исчез в кустах болота. У Микит Анны был сегодня прачечный день . Погода стояла хорошая , с легким ветерком, как-будто на заказ для сушки белья. Анна как раз вывешивала белье, как кто-то сзади слепыми руками обхватил ее . От неожиданности она вскрикнула и круто обернулась назад. Перед ней стоял заросший весь черной бородой мужчина, только глаза , эти чуть прищуренные , немного шаловливые улыбающиеся глаза мужа были так ей знакомы. Их можно было безошибочно узнать среди тысячи других. "Освальд, нечистая сила, ты это?!" - произнесла Анна . Они обнялись и ласкались долго и молча. Слезы лились по Анниным щекам, по одежде и падали тяжелыми солеными каплями на траву. Одиннадцатилетний сын Саша стоял на крыльце дома и с удивлением наблюдал случившееся. Он тогда еще не знал, кто этот бородатый мужик , почему он так нежно обнимает мать. Десятки лет спустя, когда Саша был уже мужчиной средних лет, гостил в Эстонии у своих родных, рассказывал мне об этой встрече отца и матери с большой сердечной теплотой и болью. Так ярко в детских глазах запечатлелась эта душераздирающая картина.

Всех трех мужиков Корберг Индрика , Муру Юхана, Микит Освальда , которых зимой 1933 года осудили за неуплату неимоверно больших налогов, через три года досрочно освободили. Добросовестные, здоровые, сильные крестьянские мужики сильно старались на шахте хорошо работать, часто перевыполняли дневную норму в несколько раз и заработали досрочное освобождение. Все три вернувшихся мужика приняли теперь участие в коллективной жизни без сопротивления.

К этому времени , т.е. 1936 году, когда мужики из тюрьмы вернулись, колхозная жизнь стала понемногу налаживаться . Заработок колхозника не позволял раскошничать , но эстонский колхоз в районе числился в передовых. Предписанные хозяйственные платежи и государственные поставки выполнялись досрочно, поля обрабатывались добросовестно и были ухожены. Под постройкой , приусадебный участок, для поддержания жизни , колхознику отводили 0,6 га земли . У каждой семьи была корова, свинья. Рабочей силы в колхозе было достаточно и подрастало много молодежи. Во время летних каникул молодые 14-ти, 15-ти летние юноши бороновили , девочки пололи хлеба. Это было красивое время. Помню эти годы, когда один за другим на 6 паре лошадей шагали за боровами. Под ногами мягкая, угольно-черная земля. В перерыве, когда лошади отдыхали, бороновили или играли в догоняшки. Погода была чудесная. Ястребы, постоянные спутники бороновщиков, висели над нашими головами , паря, остро сверлили землю. Из боровами разрыхленных подземных нор рассыпалось много мушкетеров, которые со страхом разбежались по полю. Разбойник, наметивший добычу, стрелой падал вниз, и добыча с борозды исчезала вмиг. В колхозе продвигалось строительство. Построили новую конюшню и скотный двор. Свайивали конфискованные у прежних единоличников кулацкие амбары и подводили под одну крышу. Эстонцы жили на отведенных им ранее землях по хуторам. А жившие напротив русские старались жить в деревнях. С района стали требовать, чтобы эстонцы свозили свои постройки тоже в колхозную деревню. Это указание дало толчок, чтобы все колхозное хозяйство привести в порядок и перепланировать. На совещание, куда пригласили и школьного учителя, наметили планы дальнейшей жизни. Место для будущей деревни выбрали на ровной поляне между двух логов. Здесь хотели построить всесторонне показательную деревню, чтобы всей округе было на что любоваться и восхищаться . Посреди деревни запланировали прямую широкую улицу, с двух сторон должны были быть , как в городе , из камня или досок тротуары и посадить красивые кусты и деревья. Жилые дома хотели построить из новых бревен, привезенных из тайги. Ограды, ворота и дорожки из аккуратного строганого материала. Сначала разрабатывали проект будущей деревни , которая должна была выглядеть чудесно. И колхозные постройки хотели аккуратно сделать. Большой новостью, которую еще в районе ни один колхоз не практиковал , планировали в хозяйстве для получения дополнительной прибыли, построить ветряную мельницу , шерстебитку , маслодельню для конопля и подсолнуха, которые должны были обслуживать и другие окружающие деревни. Мужики славно мечтали о будущем колхоза , который стал бы гордостью района. Планы были грандиозные. К их исполнению приступили тут же. Пригласили землемера, который спланировал расположение деревни, разметил на месте землю кольщиками, распределил усадьбы между колхозниками , и следующей весной должны были начать большое строительство. Но на добрые намерения людей власти внезапно поставили крест. Уже осенью 16 сентября 1937 года в деревню явились представители НКВД и арестовали безвинных троих мужиков и одну женщину, мать троих детей. Этими колхозниками были Соотс Юхан, Пальм Отто, колхозный счетовод Кригуль Якоб, Пуксинг Тони, которая была с мужем в разводе. Сын Пуксинг Тони Леонард пишет в своих воспоминаниях об этом дне следующее: " Было мне тогда 12 лет, учился в своей начальной школе, сестра Эрна училась тогда в Тогуцинской средней школе , жила в Тогуцине на квартире и приходила домой только по субботам. Сестра Людмила жила у отца в эстонской деревне недалеко от Омска, училась в 7-ом классе. Утром, как всегда, мать проводила меня в школу. После школы, придя домой, обнаружил пустое жилье , прошел по всем комнатам , везде следы обыска: раскиданные постели, на столе разбросанные письма и открытки от деда из Эстонии. Там же на столе 50 копеечные серебряные монеты . Всего их на взгляд было 15 штук. Так я стал жить один в пустом доме. По воскресеньям из Тогучина приходила Эрна , варила большой чугунок борща, которого мне хватало на всю неделю.

В кадке было солоное мясо, в подполе - картошка. Так я жил

2 месяца, только в феврале 1938 года отправили меня за 60 км в сторону Новосибирска, в эстонскую деревню Боровушку к бабушке, где я весной и закончил школу. Мать я уже больше никогда не видел. Она погибла в тюремном лагере. Только после смерти Сталина мы узнали, что она реабилитирована, как невинно осужденная. Причину ее ареста никто не объяснял. Случившееся насторожило людей. В деревнях появились тайные доносчики. В газетах без конца о государственных преступниках, изменниках, предателях и мародерах. Сметались с мест народные комиссары, маршалы, ответственные работники. Чувствовалось, что враги проникли повсюду в нашу жизнь. Ползли разные страшные слухи о шпионах, диверсантах. Даже ученики средней школы, приходя утром в школу, говорили, что они серьезно видели как под мостом со дна реки время от времени вылезают из воды на опоры моста диверсанты.

Спустя 3 месяца, 18 марта 1938 года в деревню явились снова работники НКВД. В это время в колхозе хлеб молотили всю зиму. Была суббота. Дома дымились бани. Люди закончили работу чуть раньше, чтобы после тяжелой трудовой недели смыть пыль от молоты и прогреть на банной лавке промерзшие кости. В школе закончились уроки. Учитель за столом проверял тетради, когда в окно, увидел подъезжающих к колхозной конторе на лошади двух мужчин в милицеских формах. Немного погодя, вышел из конторы, куда вошли появившиеся в формах, колхозный бригадир Ленька, он верхом на лошади и умчался. Потом выяснилось, что Леньке дали список людей, которые должны были явиться в контору. Вскоре стали подходить люди. Учитель Эдуард Керганд закончил тоже работу, сложил тетради учеников и положил их в шкаф на полочку, чтобы в понедельник раздать детям. Время было идти домой. Сердце ныло, оно чувствовало что-то неладное. Кто еще, как не он лучше всех в курсе о репрессиях в государстве, которые предъявляли обвинения миллионам людей. В то время в печати и на радио широко применялось крылатое выражение "Где лес рубят - щепки летят." Этим как-бы хотели оправдать или объяснить массовые репрессии миллионов людей. Среди народа ходило еще выражение "Ежовые рукавицы." В то время министром внутренних дел был Ежов. Эти колючие "ежовые" рукавицы висели смертельным мечом над головами безвинных людей, готовые любую жертву схватить мертвой хваткой. Ежов неожиданно исчез с арены. Вместо него пришел, пожалуй, не хуже убийца - Берия.

Колхозная контора стала мышеловкой. Люди входили туда, а назад хода не было. Тааль Елена пришла только из бани, тело еще не остыло, как вошел бригадир и приказал явиться в контору. Тут же натянула валенки и в легкой одежде отправилась куда звали. Елена была одинокой женщиной. Своих детей у нее не было, а воспитывала двоих детей своей многодетной сестры. Керганд Лидия рассказывала позже: "Отец пришел домой из школы бледный и молчаливый. Было видно, что какое-то горе его мучает. Сел устало не раздеваясь на табуретку и промолвил: "Мильтоны здесь". Я сначала не сообразила, что это выражение означает, так как топилась печь и надо было замесить тесто. Немного погодя подъехал Ленька и приказал отцу идти в колхозную контору. Отец как был одет, так и пошел. Через некоторое время вернулся вместе с милиционером. Милиционер провел обыск, другим арестованным такой "чести" не оказывали, рылся в книжном шкафу, в столе. На всякий случай посмотрел под кровати, за шкаф, снял со стены два охотничьих ружья, с полки эстонские книги и приказал отцу идти. Я не смогла собрать отцу продукты. Когда мужчины ушли, побежала быстро к Эмме занять хлеба. Эмма тоже получила приказ явиться в контору, она догадалась, что ее ожидает. Была напугана и расстроена. Она была одинокой женщиной и дом пришлось закрывать на замок. Эмма смогла дать мне только полбулки хлеба, больше у нее не было, так как себе пришлось тоже собирать котомку.

Когда я вернулась от Эммы, к нам приехал Кяхрик Освальд и спросил, смогу ли я ему дать булку хлеба. Этот юноша, чуть старше 20 лет, еще не получил приказа, но на всякий случай, готовился к худшему. Ответила, что хлеб еще в печь не сажала, просила немного

подождать , и собрав котомку отцу и вместе с ним поехала к конторе. В котомку я больше ничего не положила как полбулки хлеба и сала, сколько вошло. Не доезжая до конторы , Освальд попросил меня сойти с саней. Он не хотел, чтобы его у конторы видели. Я взяла котомку и остальное расстояние прошла пешком. Там собрались и другие женщины и дети, но никого к арестованным не допускали и не принимали котомки. Сын Рудольф рассказывал еще недавно: " В то время как раз мы с братом Эльмаром катались на горке, когда увидели отца , идущего вместе с милиционером, у которого было два ружья через плечо, к конторе. Тогда мы еще не знали, что видим отца в последний раз.

Колхозный кузнец Ильвес Мартин успел вернуться из района. Несколько дней назад, он ехал на лошади, запряженной в сани, через глубокий снег за кормом колхозной скотине и нашел в березняке застрявший и наполовину занесенный снегом интересный аппарат, соединенный лопнувшим воздушным шаром. Вблизи интересного предмета обнаружил маленькое печатное письмо, в котором просили обнаружившего метеорологический аппарат за небольшую плату выслать по сообщаемому адресу в близлежащую метеорологическую станцию . С отправки этого аппарата он и возвратился. Супруга Альвина уже порядком как вернулась с бани и все дети были уже выкупаны. Дом Мартина был рядом с конторой и тайные действия хорошо просматривались из окна. Соотс Махта, которая случайно в деревне узнала, что Ленька верхом на лошади ищет и ее, не посмела и появиться дома и объявилась теперь у Мартина, чтобы следить, что делается во дворе конторы. Она смекнула, что лучше дожидаться вечера, т.к. три месяца назад 15 декабря 1937 года арестовали ее супруга Юхана и ее сестру Тоню , про которых до сих пор ничего не знали. Здесь из окна она увидела, что брат мужа одинокий бобыль Антс вошел в контору. Оба дома братьев стояли в одном дворе. Мартин не получил приказа, а из любопытства, что там все-же происходит решил идти. Махта советовала идти. Супруга Альвине не понравилось решение мужа. "Сходи лучше в баню, еще успеешь туда сходить, " - посоветовала она. Мартин не оставил каприза, не исполнив его. "Каменка уже остыла, париться все равно нельзя. Тепла хватит, чтобы потом смыть кузнечную пыль." Он пошел и остался, и не вернулся назад никогда.

Вестовой верхом на лошади все ездил вдоль деревни, так как не все числившиеся в списке оказались на это время дома. Пришлось ему несколько раз проехать взад-вперед. К Соотс Махте ездили несколько раз, но напрасно. Дома не было и Муру Юхана, уехал утром куда-то далеко по своим делам. Вернулся назад поздно вечером, когда уже увезли всех арестованных. Слышал , что его тоже искали. На следующий день утром взял котомку и как, порядочный человек пошел в район вслед за другими. Это был его последний путь по родной деревне. Махта сумела все же уберечься, ею больше не интересовались. В конце войны ее все же арестовали, обвинили ее в переписке с отцом, матерью и сестрами, которые жили в Эстонии. Во время войны на связи действовала цензура. По разговорам людей, Махта якобы в своих письмах к отцу писала, что с коровы колхозника снимают десять шкур. Она имела ввиду план по мясу, план по молоку, во всяких вариантах денежные платежи и в конце концов приказное боронование на коровах колхозных полей. Из этого , естественно, вытекало, что ее нужно убрать за решетку.

Когда по списку назначенных людей в основном собрали, приказали Лемпансон Эдуарду и Ильвес Мартину идти на базу и запрягать лошадей. Мартина вначале взяли за кучера, чтобы потом пригнал обратно лошадей. Пятеро саней подкатили к конторе. Солнце было уже на закате , когда арестованных стали выводить из конторы. Мать об этом без конца вспоминала: " Когда на лошадях подъехали, милиционеры отогнали собравшихся людей. Открылась дверь , и арестованные медленно выходили. Милиционеры направили их сразу к саням. Когда появился отец, я шагнула поближе и попыталась передать котомку. Отец замедлил немного, долго смотрел грустным взглядом на меня, как-будто хотел что-то сказать, но не сказал. Видимо, на душе было слишком тяжело. Никто не промолвил ни слова. Так молча

шли они дальше к саням. Тааль Елена вышла из конторы, поспешила к милиционеру и быстро заговорила, - просила разрешения сходить домой, чтобы потеплее одеться, так как только из бани, и слишком легко одета. Милиционер рывкнул: "Садись, и больше никаких." Кто-то из людей со своих плеч снял и бросил Елене телогрейку. Кто это за добрый человек был, до сих пор неизвестно. Когда вышла Эрмель Эмма, она запела, пела во весь голос, гордо подняв голову, сама смертельно серьезная. Это была очень старая песня, но которая иногда еще и сегодня звучит. Это песня о расставании с домом (Родиной) навсегда.

Люди стояли полукругом сумрачные и серьезные, наблюдали за арестованными, которые размещались в санях. Слова песни, как ножом резали их сердца. Беззащитные люди не могли ничего сделать ни для себя, ни для защиты других. Эмма, одинокая старая дева, жила в маленькой, окруженной березняком, избушке. Она знала много песен. И часто пела во дворе своего дома, да так что березняк отзывался эхом.

Десяти годами раньше, когда в деревне активно работала самодеятельность, Эмма была всегда суфлером. Жила она заработком от рукоделия и огородом под своими окнами. В детстве с ней случилось несчастье, на ней загорелась одежда, вследствие чего пальцы на одной руке не работали. Половина лиц была в шрамах, и один глаз не видел. Теперь ее схватили, как большого государственного преступника, который может навредить государству.

На улице стало уже смеркаться, когда обоз из пяти подвод, нагруженный людьми тронулся. На всякий случай ехали мимо Соотс усадьбы, чтобы попытаться найти хозяйку и забрать ее с собой. К счастью, Махты дома не было. Соотс Антс, деверь хозяйки был теперь в своем дворе, просил конвоира разрешить зайти ему в дом, чтобы обуть валенки. Так как раньше, выходя из дома, обул на носки только калоши, так как на улице оттепель. Ему не разрешили. Обоз повернул напрямую на Тогучинскую дорогу. Никто из обвиненных людей не мог подумать, что это их последнее расставание с родными полями, березками на склонах логов, вечное прощание с землей, где они провели детство и юность, что они в последний раз видели свои семьи, детей, жен. Дорога, по которой они едут, никогда не приведет их обратно. Она уведет их далеко-далеко за горы и реки, может быть за океаны в вечность на вечные времена. Было совсем темно, когда обоз, нагруженный людьми, прибыл в Тогучин. В узком тюремном дворе арестованных подняли с саней и конвойный милиционер пересчитал их. Из здания вышел кто-то из начальства и спросил: "Среди арестованных есть, кто служил в Красной Армии?" Выяснилось, что один есть. Это был Ивани Арнольд. Его вызвали из строя, начальник некоторое время смотрел на него, как бы размышляя, что с ним делать. Посмотрел сразу на извозчиков, хлопотавших возле саней, которые для обратного рейса привязывали подводы одна к другой в ряд, как бы соображая. В его голове созрело решение, он подозвал к себе извозчика Ильвес Мартина и велел у Арнольда забрать котомку и вместе с другими арестованными встать в ряд. Арнольду велели вместе с Лепмансоном Эдуардом колхозных лошадей доставить обратно. Извозчик стал моментально арестованным, а арестованный - извозчиком. Кто не задумываясь пришел к колхозной конторе посмотреть, что там творится, мобилизовали его сначала извозчиком, теперь он стал арестантом. Дома остались его ждать жена, дети и жаркая баня.

Ночь медленно прятала в снегах маленькую эстонскую деревню. Почти в каждом доме плакали о ком-то. Почти в каждом доме хозяйка вытирала слезы, охая смотрела на посерьезневшую детвору. У Ильвес Мартина, уже вышеупомянутого осталось дома восемь человек детей. Самому старшему было 15 лет и самому младшему - несколько месяцев. У Ильвес Вольдемара и Керганд Эдуарда по семь человек детей. У других арестованных было немного меньше детей. Но из-за этого боль потери была не меньше. Можно только представить, в каком положении остались семьи, у которых забрали кормильца и за-

щитника, так как тяжкие военные годы были еще впереди. Материнские слезы невозможно измерить, невозможно взвесить ни одними весами, а так же невозможно взвесить и измерить боль, что разрывала их сердца. Боль так и осталась в сердцах матерей и детей, она тлеет там до смерти.

Если три месяца назад, 16 декабря 1937 года из деревни увели 4 человека, то теперь "добыча" была - 19 человек. Эти несчастные были: Соотс Антс, Кепс Иоосеп, Керганд Эдуард, Ильвес Мартин, Ильвес Вольдемар, Муру Юхан, Корберг Хиндрик, Вилемсон Яан, Гюссон Юльяс, Палав Густав, Арк Хиндрик, Микит Освальд, Пост Эдуард, Гиндвал Александр, Тааль Елена, Лаев Ольга, Корбач Юхан, Эрмель Эмма, Ванник Юхан (учитель Тогучинской средней школы). Имена репрессированных три месяца назад: Соотс Юхан, Пальм Отто, Кригуль Юхан, Пуксинг Тони.

За годы войны к этим именам добавились еще: Муру Анете, Соотс Махта, Хрусталева Мария, Шейкина Ольга, Кяхрик Метта, Варес Маали. Всего репрессировано из маленькой эстонской деревни 29 человек.

На следующий день, т.е. в воскресенье 19 марта, собрала мать рюкзак с парой теплого белья, валенки с калошами (на улице таяло, а у отца были валенки без калос) и 50 рублей денег (больше денег дома не было) и отправилась в путь за 10 километров. Возле теперешних ворот в районном центре ей сказали: "Ваших мужиков уже отправили на железнодорожную станцию." Мать поспешила туда, чтобы еще раз увидеть отца до отправления поезда и передать ему посылку. Станция была отгорожена строем милиции. Дорога была преграждена за сотни метров до назначенного места. Мать заметила в толпе собравшегося народа своих деревенских Микит Анну, ученицу Палав Альвину и колхозного председателя Керганд Александра, после чего мать подошла к загородившему дорогу милиционеру с просьбой передать передачу. Милиционер категорически это запретил, отодвинул ее назад к другим. Мать не отставала, со слезами все просила, чтобы милиционер сам передал передачу. Блжоститель порядка был не поколебим. Никаких передач от людей не брали.

Заклученных не было видно. Говорили, что их больше 200 человек. Вскоре паровоз потихоньку придвинул длинный состав товарных вагонов. На дороге появились милиционеры и начали отжимать народ обратно к мосту. Больше ничего не оставалось, как пятиться назад, но все же площадь перед вокзалом частично просматривалась. Из здания появилась длинная колонна заключенных, она двигалась медленно по 3 человека в ряд. Издалека трудно было узнать своих деревенских. Мать взглядом искала отца и заметила посреди колонны шагавшего вместе с Муру Юханом. Третьего она не узнала, старалась напряженно смотреть, есть ли у него в руках белая льняная котомка, которую вчера у конторы передала. Из-за дальности расстояния этого не было видно. Еще возможно было узнать рядом шагавших трех деревенских женщин: Тааль Елену, Лаев Ольгу и Эрмель Эмму. Заключенные толкались перед дверьми товарных вагонов, помогая друг другу подняться по высоким ступеням в вагон. Вдруг среди народа раздался плачущий крик девушки. Палав Альвина карабкалась через глубокий сугроб, далеким кругом миновала милиционеров и на ходу кричала: "Отец, отец!" Девушка узнала отца, поднимавшегося в вагон. Наверяд ли отец слышал душераздирающий крик дочери. Расстояние было большое. Девушка провалилась по пояс в рыхлый снег, приостановилась и в это мгновение заметила как отец поднимается в вагон. Тааль Елена не могла никак подняться на высокие ступени вагона, несколько мужчин из вагона подали ей руку, другие подталкивали сзади, пока ноги не достали пола вагона. Еще последний раз люди карабкались в вагоны, еще последний раз махали рукой, еще последние взгляды к далеко стоящим своим близким, своим односельчанам, реке, мосту, и за рекой синющему сосновому бору. С грохотом задвинули тяжелые железные двери вагонов. Прозвучал свисток, знак отправления, и состав двинулся в сторону Новосибирска.

В это время, когда на вокзальной площади проходила эта

трагедия, я лежал третий месяц в тифе в районной больнице (в то время в Сибири свирепствовал тиф). Я не знал ничего о постигшей семью потере. Тяжесть болезни уже переборол, но был слаб и бессильен, ходил по палате, держась за спинку кровати. Было воскресенье и был день свиданий с больными . Ждал из дому отца или мать . Во время болезни меня посещал отец несколько раз , от этих посещений осталась светлая память на всю жизнь . К обеду пришла мать , я очень обрадовался и начал проситься домой . Лечащий врач никак не хотел разрешить , ведь был еще очень слаб . В конце-концов он все-таки пожалел меня и отпустил с условием, что я еще пару недель буду выдерживать постельный режим . Быстро переоделся, пошатываясь на слабых ногах, вышел во двор, где возле коновязи у привязанной лошади копалась Микит Анна . Очень удивился, что на улице весна . Когда меня отец в начале января привез в больницу, был сильный сорокоградусный мороз . Закутанный с головой в тулуп лежал на боку в санях . Лошадь была запряжена быстрая . Прошедший период как бы закрыт пеленой . И теперь воспринимал окружающий мир заново и непривычно , как будто на этом свет народился заново . Между сосен на больничном дворе при выезде встречали теплые лучи мартовского солнца, пахло снегом, и мы дышали конским навозом . Везде блестели лужи , текли маленькие ручейки . Было тепло и безветренно . Лошадь сама повернула направо, на дорогу, которая через бор вела в нашу деревню . Теперь мать сообщила мне печальную новость, что отца у нас больше нет, что только час назад поезд увез заключенных в неизвестность . " Как он, бедняжка, обойдется без калош , " - сетовала мать , - не разрешили передать передачу . Все везу назад . "

Проехали Тогучинский бор . Полдороги осталось позади . Для учащихся, кто учился в районной средней школе, означало 5 км . Кто ходил , тот знает, что 5 км дороги по лесу - это много . Лес защищает от пронизывающих холодных ветров, даже тягостное чувство здесь смягчалось . По субботам во вторую смену уроки оканчивались чуть раньше, и все же дорога домой приходилась на темноту . Кепс Эди и Соотс Яшка, которые были на пару лет старше, широкими шагами шли впереди . Я и Муру Оскар едва успевали за ними . От быстрой ходьбы покрывались испариной, расстегивали полы полушубков и у шапок подвязывали уши . Выходя из леса пронизывающий ветер заставлял застегивать пуговицы шубы и развязывать , опускать уши у шапки . Все трое были погружены событиями последних двух дней и не заметили, как лошадь свернула с большой дороги влево на дорогу к нашей деревне . Между двух околков, где намело зимой глубокие сугробы, лошадь провалилась . Малонатоптанную дорогу мартовское солнце сделало мягким . Животное в талом снегу стало прыгать и барахтаться, но ноги все вязли . Мать и Анна сошли с саней, пытались помочь лошади, но она проваливалась все глубже и, наконец, осталась лежать по живот в снегу . Не оставалось больше ничего, как выпрячь лошадь из саней и самим перетащить сани на твердую дорогу . Нелегкое дело вытаскивать завязшие сани, пошел тоже на своих дрожащих ногах помогать женщинам, но тут же меня оттолкнули . Но с меня все равно помощника не было, чуть душа в теле . Постепенно перетащили сани на твердую дорогу . Домой попали, когда солнце уже было совсем низко . Бездонное голубое небо, талый снег, тишина на закате солнца предавали скорбной печале маленькую эстонскую деревню , спрятавшуюся между логами и березовыми колками . Повсюду тишина . Деревня переживала свежую рану, такую кровавую . В каждом доме, в каждом уголке вытирали слезы . Детские глаза были направлены на мать : " Как жить ? Что будет дальше ? " Много лет спустя мать призналась : " Было страшное желание идти следом за отцом, вместе делить тюремную участь и быть все же дру другу опорой . " Эту несбыточную мечту сдерживали дети . Куда бы делись они, ни в чем неповинные души ?

Все три сестры и три брата встечали меня как инопланетянина, все же два с половиной месяца они меня не видели . Хельме через месяц исполнилось 15 лет . Она была здесь теперь настоящая хозяйка и командовала младшими, как умела . Рудольфу исполнилось 13, Эльми - 11, Линде - 8, Лилии - 5, Эрнсту - 2 годика . Два с поло-

виной месяца назад мне исполнилось 17 лет. Старшие дети в семье больше других переживали большую потерю. Это с каждым днем, кто из молодых уже умеет сознательно анализировать события и оценивать случившееся. Кроме Эльми и, может быть, Рудольфа остальные еще не понимали, что случилось. Детская душа без печали. Он не думает, что будет дальше. Я с детства был очень ранимый, принимал все близко к душе, потерю отца переживал сильно глубоко. Вначале, когда просыпался, тихо плакал в подушку и своим детским умом думал, когда вырасту, уйду с этого злого Мира, уйду на родину своих предков в далекую Эстонию, где по моим понятиям люди должны были бы быть дружелюбны и справедливы, где нет обмана и насилия.

И все же, когда в 1945 году осенью можно было осуществить свою мечту, я от нее отказался. А дело обстояло так. В лагере Клода Эстонского стрелкового полка началась демобилизация. Будучи молодым считал, что специалистов демобилизуют в первую очередь, а я учитель. Меня вызвали в штаб дивизиона, чтобы я переквалифицировался.

Выяснилось, что владея эстонским и русским языками, есть перспектива учиться и быстро расти по служебной лестнице. Всего ожидал, но не этого. В моих глазах эти органы были дискредитирующими. Я не мог предать безвинно репрессированных односельчан и память отца. Я хорошо знал, что там царит своевластие и насилие, каждодневная возня с людьми. Нашел, что данное предложение не подходит моему сердцу и категорически отказался. Требовал, чтобы послали в Сибирь в Эстоно-Семеновскую начальную школу учителем. Дали два дня на размышление, чтобы изменить свое решение. Через два дня пошел в дивизионный штаб с твердым решением отказаться от предложенной должности и требовал отправить меня на прежнее место жительства. Так я и отказался в октябре 1945 года в сформированном демобилизационном эшелоне в Раквере, мой маршрут был назначен в Новосибирск. Все 1500 воинов ехали до конечного пункта. Путь в товарном вагоне, где были устроены двухъярусные нары, продолжался две недели. Все станции, где останавливались, были заполнены демобилизованными эшелонами в три, четыре ряда. Звучала песня, здесь и там играли на баянах или аккордеонах, везде веселые и бодрые воины. На перронах и возле вокзалов в шуме и гомоне торговля всякой мелочью. Возвращающиеся из Берлина воины торговали одеждой, обувью, отрезами натуральной кожи и т. д. На крышах их вагонов были привязаны велосипеды, мотоциклы, мебель и много упакованных посылок. Местные горожане хватали дешевую добычу. Быстро мелькали между вагонов в поисках мебели. Вместе с нами шел эшелон с власовцами. Через обрешоченные окна товарных вагонов смотрели скорбные бледные лица, часовые стояли у дверей, никому не разрешая выходить. Как тяжело, вероятно, было у них на душе при виде вкслых солдат, шатающихся свободно вокруг. На Урале нам встретились эшелоны с пленными японцами, им разрешалось маленькими группами выходить из вагона, чтобы набрать в котелок или термос кипятка. На японских солдатах были аккуратные военные формы, по сравнению с нами они казались маленькими, но быстро бегали, как на одной из станций поезд тронулся без предупреждения.

Домой я добрался за несколько дней до октябрьских праздников. В военкомате меня поставили на учет только тогда, когда я представил приказ Района о назначении меня заведующим Эстоно-Семеновской начальной школы. Только спустя два года, летом 1947 года я отправился жить в Эстонию. Я не мог себе представить, что опять придется пережить попрание прав человека. Работал тогда в Оттепя в секретариате Исполнительного Комитета (ТК), когда появились Мартовские решения 1949 года. Эти тяжелые времена уже давно минули, многое в нашей жизни изменилось, боль уже прошла. Иви Дринит в своих заметках " Эдази " N 2 05 января 1986 года писал: " Вот было бы хорошо, если бы боль можно было запретить. Но это невозможно. Боль и болезни все вылезут наружу. " Думаю, что эту боль нельзя сразу отболеть. Ее носит в себе целое поколение, пока не исчезнет последний, носящий в себе эту боль. Раны остаются навсегда крово-

точащими. Были и такие, кому удалось выбраться из сетей тоталитаризма. Расскажу о человеке, который попал в пасть льву и смог вырваться оттуда. Благодаря своему соображению и мужеству сумел оттуда выкарабкаться. Эту невероятную историю рассказали его дети - Эрн, Людмила и Леонард, которые после ареста матери остались сиротами, предоставленные только самим себе в этом злом мире. О жизни детей в этот период надо бы написать отдельную главу. Имя этого человека - Отто Пуксинг. Слабый здоровьем, худенький, но не был пригоден к крестьянскому труду. На жизнь зарабатывал фотоаппаратом, путешествовал по округе, больше по эстонским деревням. В последнее время он больше обитался возле Омска в большой эстонской деревне, где он жил с дочерью Людмилой. Здесь он купил себе дом, супруга - Тоня Пуксинг со старшей дочерью Эрн и 12-летним сыном Леонардом жила в Эстоно - Семеновске и работала в колхозе. Репрессии и аресты начались в западных районах раньше и продвинулись дальше в восточные зоны. В эстонских деревнях возле Омска массовые аресты начались уже летом 1937 года. Отто, которого как-то чудом, этой волной не задело нашел себе друга, который работал в следственных органах в секретном отделе. Друг посоветовал Отто быстрее исчезнуть куда-нибудь подальше и чаще менять свое место жительства. Он незамедлительно отправился в путешествие, сложил в чемодан необходимые вещи и все необходимое для фотографирования.

1 октября 1937 года, когда на всей земле готовились торжественно отмечать знаменательную дату - 20 лет Советской власти, отец и дочь ранним утром топали по безлюдным улицам к железнодорожной станции. Звезды на небе стали уже блекнуть, под ногами хрустел снег, гулко отдаваясь от стен домов, воздух был сухой и холодный, начиналась суровая Сибирская зима. Отец говорил дочери: "Если первым встретится мужчина, то будет все хорошо." Но улицы в эту рань были безлюдны. И только на вокзале увидели первого человека. Это был мужчина. В целях конспирации отец не говорил дочери, куда они едут. До отправления поезда было еще время, отец купил билет, подсел к дочери и потихоньку начал говорить: "Доченька, ты останешься здесь теперь одна, письма не жди. Я не смогу писать, постараюсь сам известить мать, когда смогу. Женщин может быть не тронут, т.к. на ее иждивении дети. Если кто-нибудь спросит, скажи, что не знаешь, где отец. Оставляю тебе 600 рублей денег, картофель в подполе, хватит до весны, не оставляй школу, заканчивай 7 класс. Это тебе в жизни пригодится." Вскоре поезд отправился, отец и дочь расстались. С этого момента у 14-ти летней девочки, как и у отца началась жизнь, полная тревоги и неожиданностей. В конце декабря пришло письмо. Почтальон держала конверт в руке между пальцев и помахивала им над головой, требуя станцевать. У Людмилы сердце от радости пело, это письмо должно быть или от отца или от матери, и она станцевала несколько кругов. Получила долгожданное письмо, забежала быстро в дом, раскрыла конверт. Известие пришло из Эстоно-Семеновки от старшей сестры Эрны, которая сообщила, что 16 декабря репрессировали мать. Скорбная весть вначале остановила дыхание, только потом полились слезы. Людмила быстро накинула пальто и побежала к старым знакомым семьи, к Томбергам. Хозяйка Лина, гостеприимная и сердечная женщина, старалась растерянную и плачущую девушку всеми силами успокоить. Дала воды, нашла откуда-то капли валерианки, успокаивала словами. На следующий день девушка в школу не пошла, так глубока была ее психическая травма. И когда она через пару дней пошла в школу, боялась кому-нибудь рассказать о своем горе. С этого момента она была отвергнутой дочерью врага народа, каждый мог на нее указать пальцем. Это было одновременно невыносимо, больно и стыдно. Она хорошо понимала, что это не так, что-то необъяснимое кроется за этим, которое никто не может объяснить. Так она и осталась одна со своим большим горем.

Оставим пока девушку одну со своим горем в деревне и последуем по следам отца. По опасным дорогам Отто уехал за 800 км на восток до города Томска, где задержался на несколько дней в эстон-

ской семье Ванника и уехал оттуда дальше за 120 км в эстонскую деревню. Здесь он решил задержаться. На жизнь стал зарабатывать фотографированием. В начале казалось, что здесь в далекой Сибирской деревне ничто не нарушит покоя людей. В деревне не обращали большого внимания на помещенные в газетах статьи о всевозможных злодеяниях и изменах в больших российских городах. Все это был обман. И здесь начались массовые аресты. Зимой 1937-38 годах деревню очистили от мужиков. Отто не попал в первые списки арестованных, видимо как свежий человек, имя которого еще не было записано в списки деревенских жителей. В конце апреля 1938 года все же пришли и за ним, конфисковали фотоаппарат, фотобумагу, химикаты и все необходимое в чемодане. А прежде всего, забрали паспорт.

Уже таял снег, районный центр, где собирали арестованных, был далеко. Лошаденка, на которой приехал милиционер, была заморена и еле передвигалась. Сани тоже неважные, какие-то щепки. Милиционер сел впереди, спиной к заключенному и без конца понукал лошадь бичом, заставляя клячу двигаться быстрее. Отто сидел на короточках сзади и усиленно анализировал свое теперешнее положение. Он знал хорошо, что по этой дороге он никогда не вернется назад и никто не узнает, куда он делся. Надо было как-то сообщить детям. Он попросил у конвоира разрешения достать из чемодана бумагу для письма, милиционер усиленно занятый лошадей, разрешил это сделать ему самому. Открыв чемодан, он увидел свой паспорт, не раздумывая засунул его быстро в рукав, достал бумагу и написал коротенькое письмо старшей дочери в Эстоно-Семеновку. На счастье, им встретился один эстонец, которого он упросил отправить письмо.

Больше половины дороги было позади. Расстояние безжалостно укорачивалось с каждым шагом клячи, мысли лихорадочно бушевали. Местность лесистая, кругом хвойные леса. Отто заметил возле дороги глубокий ров. И внезапно пришло решение: или сейчас или никогда. Выбрал момент, когда все внимание милиционера было занято понуканием лошади, быстро спрыгнул с саней и пустился бежать обратно. Начальник заметил слишком поздно. Клячу поварачивать назад было бессмысленно. "Стой, стреляю," - кричал милиционер. Но Отто был уже на безопасном расстоянии. Повернулся и крикнул: "Твоя дорога туда, - указывая в сторону районного центра, а моя дорога сюда", - и показал рукой в сторону леса. Прыгнул в ров и скрылся в дремучем лесу. Впереди широкое болото, повсюду талая вода. Помчался напрямик на другой берег. Уже на безопасном расстоянии присел на сухом месте, чтобы подумать, что делать дальше. Надо было каким-то путем добраться до Томска. Там начинают дороги по всему земному шару. Но дорогу перегородила река. Зимойне было бы никакой проблемы, а теперь весенние воды привели в движение лед. Река пенилась, бурлила и несла глыбы льда вниз по Оби. Отто решился на сумасшедший смелый шаг - пойти в районный центр и найти перевозчика, который согласился бы переправить его через реку. Решил, что в районном центре его никто не знает. Следственные органы не могли подумать, что беглец сам ползет на глаза. Окружными путями добрался до села и на окраине встретил перевозчика. Мужик не соглашался, ссылаясь на ветер и ледоход, но предусмотрительный Отто еще до деревни прокусил и расцарапал палочкой свое колено до крови. Показал кровавое колено мужику: "Видишь, бешеная собака укусила, должен немедленно попасть в город." Уговаривал всяко мужика, обещал сам направлять лодку подальше от льдин. Наконец, получил согласие. Пепебрался и поспешил с дороги в лес. Днем отдыхал, а ночью двигался в сторону Томска.

Письмо, которое Отто отправил с чужим мужчиной, дошло в последние дни апреля. После ареста матери Эрна с 12 летним братом остались в доме одни. Оба учились. От матери не было никаких известий. В марте в деревне арестовали еще 19 человек и увели бесследно. Теперь деревня Эстоно-Семеновка осталась почти без мужиков. Эрна решила на майские праздники на поезде поехать в Боровушку и известить бабушку о скорбной новости. Там ее встретила сестра отца Ярлик Адам. Эрна плача, сразу стала рассказывать об арес-

теотца, на что тетя улыбнувшись шепнула : " Не плачь , доченька , отец теперь у нас ." Недалеко от бабушкиного дома одиноко в стороне стояла пустая изба , у которой двери и окна были заколочены . Там в начале и спрчтался отец . Бабушка и тетя время от времени , крадучись посещали его , приносили продукты и новости . Когда уже больше скрываться здесь нельзя было , т.к. и здесь в Боровушке шли аресты (54 человека увели бесследно) , Отто отстрил бороду и осенью уехал далеко на север . В Новосибирске сел на пароход и по Оби добрался до Ханты-Масийска . Там устроился на строительство , столярничал , зарабатал немного денег , купил охотничье ружье и ушел в тайгу отстреливатт белку . В лесу жил до глубокой зимы . Шастал по тайге , обитался в охотничьих зимовках . Иногда , если дневной круг был слишком большим , то отсиживался в лесу возле костра . Для этого срубал два небольших бревна , расставлял их недалеко друг от друга и между ними разводил костер . Затем разгребал угли , на теплую землю и золу накладывал еловых веток и проводил ночь , как на теплой печи . Время от времени посещал Ханты-Мансийск сдавать шкуры , приобретал соль и пополнял охотничьи запасы , снаряжение . В тайге мяса хватало . Все белки , с которых снимались шкурки , шли в еду . К середине зимы , когда снег становился очень глубоким , выходил из леса , купил себе фотоаппарат и начал в районе Ханты-Мансийска фотоафировать . Прожил здесь почти 2 с половиной года , до весны 1941 года . Жизнь на Севере ббыла достаточно сложной , и он решил уехать немного южнее . На пароходе по реке Тобол доехал до Тюмени и оттуда в 60 км нашел себе работу на мясокомбинате , занимался также фотографированием . Зимой 1946 года отправился в Эстонию и основался в Эльве . Последние годы доживал у дочери в Таллине , и похоронили его в Таллине на Лиива кладбище .

После ареста жизнь людей в Эстоно-Семеновске начала нормализовываться . Но в деревню явились опять работники НКВД и был дан приказ собрать женщин в колхозной конторе . Когда до смерти напуганные люди , собрались , из-за стола поднялся один в форме и начал говорить . Его разговор , естественно , нельзя передать точно , но содержание его было примерно такое : " Молодое рабоче-крестьянское государство со всех сторон окружено капиталистическим миром , является соринкой у них в глазу . Их агенты и шпионы проникли во все сферы нашей жизни . Ваши мужики работали на руку врагам , и поэтому они признаны врагами народа . Надо , чтобы весь народ , в том числеи вы дали бы правильную оценку и осудили вредителей . Арестованные мужчины и женщины признали себя врагами народа . Ставлю на голосование , кто за то , чтобы арестованных с вашей деревни признать врагами народа , проу поднять руки ." До сих пор неясно , чего этим голосованием хотели добиться . Мало того , что жертв заставили признаться в приписном вранье . Теперь устроили цирк жителям всей деревни . Настороженные люди смотрели испуганно на начальство за столом и не понимали , чего от них хотят . В зале стояла гробовая тишина . Многие плакали , крадучись потихоньку вытирая слезы . Начальство повторило приказ . Его настойчивость непедвещало ничего хорошего . Прошелся своим пронизывающим взглядом по женщинам , сидящим в зале .

Мать несколько раз рассказывала об этом издевательстве над народом . " Постепенно начали подниматься руки у женщин , сидящих на скамейках , - вспоминает мать , - и на задних начали несмело поднимать руки , " - и я подумала : " Будь , что будет , я своей руки не подниму . Повернула взгляд в сторону и смотрю . У Микит Анны льются слезы и потихоньку поднимается рука . Склонилась низко за спины других , но рукаи не подняла . " Не знаю заметил это милиционер или нет . Но меня не ругали .

Удовлетворившись издевательством над людьми , люди в формах уехали . Потихоньку деревня опять стала жить . Пришлось заканчивать молотьбу , кормить колхозный скот , ремонтировать сельхозинвентарь . Весна была уже на пороге . Кузница была пустая . Туда некого было поставить . Через пару недель прислали нового учителя . С этого времени обучение велось только на русском языке . Эстонские учебники

отобрали у ребят. Эстонскую библиотеку вместе с учебниками уничтожили. Не знаю, откуда районо выкопало этого мужика. По национальности русский, к детям очень жестокий. Бил и издевался над ними. Наверное, думал, с детьми врагов народа можно обращаться, как со скотиной. Люди не вынесли такого жестокого обращения и послали жалобу в органы народного образования. Приехали с проверкой и мужика освободили от работы.

В апреле, после весенних каникул, пошел в школу и я. Классный руководитель, увидев меня на своем месте, воскликнул: "Ой, как ты похудел. Тебе все же разрешили посещать школу?" После тяжелой болезни как следует еще не поправился. За 3 месяца по учебе от других отстал. Весной школу не закончил. Так я и закончил последний класс средней школы. Матери было тяжело одной прокормить семерых детей, одеть, обусть их. Осенью пошел сам себе добывать хлеб.

Деревенским учителям зарплату выдавали ежемесячно 20 числа. У отца зарплата осталась неполученной. Мать пошла в районо просить. Бухгалтер, которая выдавала деньги, зло ответила: "Никакой зарплаты здесь не получит." И больше не разговаривала, дав понять, что разговор на этом закончен. В тот момент в отделе образования был старый друг отца, учитель биологии Тогучинской средней школы Николай Григорьевич Трофимов, который весь этот разговор слышал. Благодаря его вмешательству установили справедливость. Матери велели написать объяснительную и с НКВД приложить подтверждение об аресте отца. Николай Григорьевич написал черновик объяснительной и дал переписать одному из своих учеников. Он не хотел, чтобы было объяснительная была написана его рукой. Иди знай, что потом придумают, что имел дело с женой врага народа.

Мать пошла в НКВД за подтверждением. К своему большому удивлению за столом в сидящей начальнице узнала сестру жены бывшего Томского фабриканта, где до революции мать была домработницей. Начальница сильно испугалась, когда увидела перед собой бывшую домработницу и сделала вид, что не знает ее. Мать тоже не подала виду, взяла подтверждение и получила зарплату отца.

Через 10 месяцев освободили трех арестованных в 1938 году женщин: Тааль Елену, Лаев Ольгу, Эрмель Эмму. Эти трое были единственные, кто вышли оттуда живыми. В чем их обвиняли и как выдавливали у них ложные признания будет рассказано в следующей главе.

О прибытии этих трех женщин рассказывает Махта Соотс в своих воспоминаниях: "В январе 1939 года в нашу деревню приехал следователь и опросил 4-5 женщин." Допрос проводил за закрытыми дверями. Меня тоже вызвали на допрос. Что спрашивали у других не знаю. У меня интересовались, знаю ли я троих вышеназванных женщин. не проводили ли они противогосударственную пропаганду и другие подобные вопросы. Я поняла, что эти люди должны быть в Тогучине и поинтересовалась. Он ответил: "Они будут завтра дома." На следующий день все трое вернулись в деревню. Остальных людей я больше никогда не видела. Они исчезли бесследно. Ни одного письма. Ни одной весточки. Может быть их убили или замучили до смерти. Об этом мы никогда не узнаем." Если бы они умерли естественной смертью, тогда все же кто-нибудь из сильных и молодых уцелел бы и вернулся," - так писала в своих воспоминаниях Соотс Махта. В годы войны и потом многие люди посылали запросы в высшие органы власти (Калинину, Ворошилову, Молотову, Вышинскому) Хотели узнать, куда делись жители деревни, которые были арестованы в 1937-1938 годах. Почему от них нет никаких вестей, писем, где они сейчас. На запросы людей всегда отвечали по одному трафарету: "Арестованные признаны врагами народа, осуждены на 10 лет, высланы в далекие лагеря без права на переписку." Это была вся информация, которую можно было узнать о судьбе этих людей.

Только в 1957 году по истечении почти 20 лет, когда Никита Хрущев раскрыл тайну машины смерти, и люди узнали первую настоящую правду от органов власти, где, между прочим, было сказано, что эти люди мертвы и они посмертно реабилитированы. Информация

была короткой, все же немного раскрыла тайну исчезновения безвинных людей.

ПОСЛЕДСТВИЯ СОБЫТИЙ 1937-38 ГОДОВ

Несколько лет спустя после Великой Отечественной войны в деревню пришла незнакомая женщина, которая немного приоткрыла тайную завесу мартовских событий 1938 года. Была весна, конец апреля или начало мая, школьники после занятий спешили домой. В Сурково, где эстонские дети учились после своей начальной школы, к ребятам подошла женщина примерно средних лет и спросила дорогу в Эстоно-Семеновку. Ребята указали на эстонских девочек: "Видите, там идут эстонки, вместе с ними и дойдете." Женщина поспешила к девочкам и спросила на чистом эстонском языке: "Вы эстонки?" Она объяснила, что хочет попасть в Эстоно-Семеновку, что идет с далеких тюремных лагерей и находится в дороге уже давно.

Среди девчат была Линда Ильвес (дочь Мартина). Она повела гостью к своей приемной матери Тааль Елене, которая была одна из арестованных в 1938 году и через 10 месяцев освобождена вместе с еще двумя нашими женщинами. Тааль Елена была как раз на обеде, когда приемная дочь пришла с гостьей. Гостья села за стол и начала рассказывать, кто она и куда идет. Из ее рассказа выяснилось, что освободилась из лагеря несколько месяцев назад, была где-то далеко на Севере, не могла раньше выбраться, пока не закончился ледоход (неизвестно на реке или на море) Мужчины нашей деревни просили ее захватить и передали письмо, которое спрятала под подклад ватной куртки. При выходе из лагеря сделали доскональный обыск и письмо изъяли, это могло стоить ей свободы. О себе рассказала лишь только, что парилась в лагере 6 лет. Работала медиком, вроде была из Эстонии, точнее из Таллина. Вероятно, одна из осужденных в 40-х годах. Как она туда, на далекий Север попала, как ее освободили, в коротком разговоре осталось невыясненным. Многие наших мужчин знала по имени и могла описать их внешний вид. Это подтверждало, что она действительно из тех далеких лагерей. Палав Густав уже старик. Ильвес Мартин небольшого роста подвозит заключенным откуда-то из далека продукты, ему иногда удавалось кое-что из еды сбросить в снег и потом с мужиками перекусить. Рассказывала, что у Керганд Эдуарда, бывшего учителя, с собой фотография одного из сыновей, он ее бережет как зеницу ока. Во время отдыха в кругу своих деревенских мужчин показывает эту фотографию и рассказывает, что сын теперь уже взрослый мужчина. Большой новостью для нас было, что отец курит трубку. До ареста он вообще не курил. Во время отдыха деревенские мужчины держались все вместе, вспоминали детей и жен, часто со слезами на глазах. Многие уже не было в живых, как Палав Густав, Муру Юхан, Соотс Антс и некоторых других, которых не помнит.

У мужчин были деньги, с которыми делать было нечего, т.к. нечего покупать. Ильвес Мартину все же где-то посчастливилось раздобыть новый мужской костюм, который собирался подарить сыну, когда освободят из лагеря, тому сыну, который первый встретит отца. Соотс Антс сорвался откуда-то с высокой скалы и убит насмерть. Из кармана вылетела пачка денег и развеялась по ветру.

Елена очень спешила на работу, обед заканчивался и, она побоялась совершенно чужого человека оставить одну дома. Она попросила гостью походить по домам, т.к. не было семьи, откуда бы не увели кого-то. Гостья исчезла тут же, так же как и появилась. Слишком поздно спохватились и поняли о значении ее сообщения. После жалели, что не сумели человека встретить как следует. Тетя Роза Муру ругала тетю Лену: "Могла бы ко мне привести или ко мне на это время позвать к себе поговорить с гостьей." Произошла непоправимая ошибка. Узнал так мало, даже место нахождения теперешнего лагеря осталось невыясненным. Потом пришли к единому мнению, что

гостя боялась, что Елена пошла сообщить властям о появившейся в деревне особе. Времена тогда еще были крутые и, никогда нельзя было знать, на чем попадешься. Человек, который чудом вырвался из пасти льва, не мог рисковать своей жизнью. Лучше было потихоньку исчезнуть. С того времени, когда незнакомка посетила маленькую деревню, прошло более 40 лет. Вполне возможно, что она жива и доживает свои дни где-нибудь в Эстонии, в городе или деревне. Было бы чудом, если бы она нашлась. Тогда многое бы выяснилось, что до сих пор покрыто пеленой.

Потом после смерти Сталина, когда его дела и злодеяния стали известны появилась большая надежда через 20 лет узнать о судьбе заключенных деревенских жителей. В 1957 году многие родные арестованных обратились в правительство с просьбой объяснить, куда делись арестованные в 1937-38 годах люди. Теперь только начали выяснять запутанные людские судьбы исчезнувших людей.

Информация, которая поступала была разная и настолько разная, что люди потеряли всякую надежду узнать правду. Многие данные не совпадали с сообщениями женщины, которая внезапно появилась в деревне, и с полученными документальными материалами. Если до смерти Сталина ищущим отвечали, что арестованные - враги народа и высланы в далекие лагеря без права переписки. Теперь же про 1937 годы ответы изменились. Просветление могло принести решение Верховного суда коллегии военного трибунала, где на штампе была указана дата - 14 сентября 1957 года под N 1792/56. Содержание решения таково: Дело подсудимого Керганд Эдуарда Иосепова, который до ареста работал заведующим Эстоно-Семеновской начальной школы Тогучинского района Новосибирской области снова пересмотрено Верховным судом Военного трибунала СССР 13 октября 1965 года.

Секретариат Военной коллегии Союза ССР подполковник Х.И. Полюцкий.

Ниже еще было припечатано следующее:

" Керганд Эдуард Иосепович умер 24.07.1943 года в возрасте 44 года. Причина смерти - острый лейкоз.

Свидетельство места смерти.

Тогучинский район. Бюро Тогучинского района

Аналогичные письма посылали всем, кто обращался в Коллегию Верховного суда ССР, отличались друг от друга датами смерти. Такой ответ получила и Махта Соотс на обращение, что ее муж Юхан Соотс умер в 1943 году в августе от правостороннего инфаркта легких. Эдуарду Ильвес ответили, что его отец Ильвес Мартин умер в мае 1947 года от рака легких, для чего приложили свидетельство о смерти. Людмиле Тедре ответили, что ее мать Антонина Пуксинг умерла 23 августа 1945 года.

Горбачевская политика гласности принесла новые сногсшибательные новости о тайном исчезновении людей. Так Вольдемар Ильвес на обращение в Москву в коллегию Верховного суда ССР получил такой ответ:

Ильвес Мартин Густавович 1896 года рождения был невинно осужден тройкой НКВД Новосибирской области 17 октября 1938 года как враг народа и приговорен к расстрелу. Точных сведений об исполнении приговора в ответах нет. К сожалению точного места расстрела Ильвес М.Г. не указано, потому что в то время места расстрела не фиксировались.

Так же в полученных ответах не достает данных, кто виновен, что ваш отец не обоснованно осужден. Одновременно сообщаем в Указе Военной коллегии есть действительные судебные документы (заключение прокуратуры).

Законченные судебные материалы 1956 года высланы до расследования в Новосибирскую область в органы ВД, куда можете обращаться для дальнейшего расследования.

Военной коллегией Верховного суда ССР от 13 октября 1956 года Ильвес М.Г. при отсутствии вины действительно реабилитирован.

Понимаем, что вашу семью постигла большая трагедия, просим принять наше соболезнование.

Из этого письма ясно, что Ильвес Мартин не умер 17 мая 1947 года от рака печени, как было указано ранее в выданных документах от этих же органов в 1958 году, а расстрелян в октябре 1938 года.

Я тоже посылал розыск в Москву в Верховный суд военной коллегии в отношении судьбы своего отца Керганд Эдуарда. Этот ответ тоже порастил своим содержанием.

" Отвечаем на Ваш запрос от 13 июня 1988 года следующее : Керганд Эдуард Иосепович 1899 года рождения был осужден тройкой НКВД Новосибирской области 17 октября 1938 года, приговорен к смерти. Сведения о том, когда решение приведено в исполнение у нас отсутствует, хотя решения приводились в исполнение в тот же день. Военной коллегией 13 октября 1956 года Керганд Э.И. реабилитирован за отсутствием вины".

Подпись: подполковник В.Полуянов. Из этого письма выясняется, что отец не умер 24 июля 1943 года от острого лейкоза, как это утверждал ранее полученный документ, а расстрелян в день вынесения приговора 17 октября 1938 года. В отношении судьбы других жителей нашей деревни отвечали аналогично. Например Людмиле Тедре, чью мать Антонину Пуксинг арестовали в декабре 1937 года прислали ответ такого содержания :

" На ваш вопрос сообщаем, что Пуксинг Антонины Михайловна была безвинно осуждена как государственная преступница, по решению суда от 14 января 1938 года расстреляна. От 3 ноября 1956 года Пуксинг А.М. посмертно реабилитирована Военной коллегией Верховного суда ССР.

В 1938 году место расстрела арестованных не фиксировали, поэтому невозможно это установить.

Людмила Тедре пишет о судьбе своей матери с сердечной болью. Что теперь мне официально сообщили о судьбе молодой женщины (36 лет), у которой в колхозе было больше всех выработано трудодней, которая за полтора месяца до ареста на Октябрьские праздники за хорошую работу премировали овцой. Послевоенные годы часто показывают фильмы о нацистских злодеяниях, об убийстве ими детей, женщин, стариков. А что у нас тогда было что-то по-другому ? Нет...И еще раз нет !

Должны же быть свидетели злодеяний. Как стало все это возможным, что до сих пор ничего не знаешь ? Где эти, которые уничтожали людей ? Таскали их на расстрел ? Копали могилы ? Закапывали земли ? Не люди (кто может назвать их людьми ?). Не могли справиться с со злодеяниями. Для уничтожения миллионов людей надо было содержать огромную армию исполнителей. Где эти разбойники ? Почему их до сих пор не вывели на божий свет. Находили немецких фашистских злодеев в конце другого света, своих убийц в своем государстве не могут найти. Они ходят на свободе между нами. Едят и пьют тоже, что и мы, дышат этим же воздухом и получают от государства пенсию, а некоторые еще и персональную. Так выливается боль сердца человека, которая несовершеннолетней осталась без материнской и отцовской заботы. Вместе с сестрой и больным братом в злом мире воевала с трудностями жизни.

Какая-то неясность с этими ответами. Что объясняется следующим. После ответов из Москвы многие бывшие жители Эстоно-Семеновки для получения полной информации в отношении репрессированных 1937-1938 годах обратились в Новосибирский отдел внутренних дел, куда были пересланы из Москвы решения суда для дальнейшего расследования. Обратился и я туда с двумя вопросами:

1. Когда точно расстреляли Керганд Эдуарда ?
2. В чем его обвинили ?

Получил ответ оттуда ответ, где не хотят подтверждать Московские данные о месте расстрела отца. Содержание ответа такое : " На ваш вопрос в адрес Новосибирского отдела внутренних дел нами внимательно рассмотрен. По нашим данным Ваш отец Керганд Эдуард Иосепович, 1899 года рождения был осужден тройкой Новосибирского НКВД 17 октября 1938 года Военной коллегией Верховного суда СССР

от 16 октября 1956 года полностью реабилитирован, в отношении которого вам выслан ответ 14 сентября 1957 года.

Обратите внимание не расстрел, а только осужден. Это письмо дескредитирует Московский ответ, здесь не подтверждаются данные Москвы и остается что-то неясное в решении Военной коллегии Верховного суда. Естественно, я не мог с этим согласиться и послал новый запрос, на что ответили: "Разъясняем что Ваш отец Керганд Эдуард Иоселович действительно полностью реабилитирован за отсутствием вины. Делать какие-то выписки из его судебного дела нет разрешения, поэтому ничем не можем дополнить ответ на Ваше письмо." И так, Новосибирск остался верен ответу, данному в 1956 году, где указывалось, что отец умер от острого лейкоза 24 июля 1943 года. Таковы дела. Разберись в этой каше, где правда, где ложь.

Если верить незнакомой женщине, которая в 1948 году или 1949 (точно не помню), после освобождения из тюрьмы проездом навещала Эстоно-Семеновку, по ее рассказам, люди из нашей деревни должны были быть еще живые после войны. Или дела совсем таковы: что органы госбезопасности позаботились разыграть сценарий, где незнакомая женщина неожиданно посещает Эстоно-Семеновку в отношении репрессированных, чтобы дать надежду деревенским людям еще увидится с без вины арестованными людьми. Попробуй пойми, где правда, где ложь. И сможем ли мы когда-нибудь узнать действительную правду. Чувствуется, что желание узнать больше о судьбе людей упирается в каменную стену.

Интересно отметить еще рассказ Ванник Веры, о чем она рассказывала летом 1975 года, смелая, энергичная, предприимчивая женщина:

"Когда выяснилось, что людей арестованных в 1937-38 годах в списках живых нет, что они посмертно реабилитированы, Вера в 1958 году решила выяснить, где наших мужчин задержали, где их похоронили. Везде, куда она обращалась с запросами принимали ее враждебно и, в конце концов, вызвали в органы госбезопасности и строго предупредили: "Прекратите, пока не поздно"

Соотс Махта в своих воспоминаниях, между прочим, пишет: "Бог знает куда, за моря или горы их послали и похоронили. Жизнь людей испорчена. Все, что раньше было красиво и мило, было теперь навечно уничтожено и растоптанно. Люди боялись даже думать, тем более говорить. Никто не знал, что принесет завтра."

Тааль Елена, когда она была освобождена из 10 месячной подследственной тюрьмы рассказывала о методах, которыми заставляли людей брать на себя ложные обвинения и подтверждать это росписью. Ниже попытаюсь пересказать, что она мне рассказывала в июне 1981 года, когда навещал ее в Новокузнецке: Со мной вместе в камере пребывала какая-то Цефилова Анна Александровна, которую обвиняли в антигосударственной агитации, которая, якобы, была связана с Керганд Эдуардом в антисоветской деятельности. Керганд Эдуард, в свою очередь, якобы связан с редактором Новосибирской эстонской газеты "Сибирский рабочий" И. Пэлдмаа. Можно заключить, что и Пэлдмаа был тоже арестован. Меня тоже обвинили в помощи Пэлдмаа. Я никогда этого человека своими глазами не видела и ничего не знала о его существовании. Кроме этого, меня (может быть и других арестованных из нашей деревни) еще обвинили в поджоге колхозной конюшни. Конюшня сгорела до тла за год до ареста мужчин и была известна причина. Дети играли ранней весной возле конюшни и подожгли прошлогоднюю траву, из-за чего и начался пожар. Теперь это приплюсовали и к другим обвинениям. Следовательно заставлял меня расписаться под всей этой выдумкой. Я, естественно, отказывалась. Тогда он взял какую-то бумагу, что была мелко исписана и трес пе-моими глазами: "Видишь здесь письмо т.Ежова, сколько в стране выявленных маскированных агентов, которые подрывают государственные устои. Не мучьте себя и меня. Подписывайтесь." Я сопротивлялась, тогда он начал мне грозить: "Вы женщина, не заставляйте мать о вас руки." Допросы велись днем и ночью. Мы теряли чувство времени и, казалось, что мы уже за решеткой целую вечность. Нес-

колько раз водили меня в подвал с цементным полом в одиночную камеру, обливали холодной водой и оставляли на несколько часов. Однажды, на допросе следователь серьезно грозил, соскочив со стула, махал кулаками перед моим носом и кричал : " Устал от следствий. Надеюсь , что хоть о вас не надо будет марать руки. Почему вы заставляете применять другие приемы. В последний раз спрашиваю, подпишитесь по доброму или нет ?" Очень боялась побоев. Протокол следователя и ручка лежали на столе. Слезы застилали мне глаза и заслонили все от меня.Едва рассмотрела, где я должна расписаться. Тяжелые капли слез падали на бумагу и чернильные буквы расплылись . "

Дальше Елена рассказывала : " В нашем бараке сидела зубной врач - женщина, которую время от времени водили к мужчинам лечить зубы. Однажды во время прогулки подошла она ко мне, взяла под руку и сказала : " Одной прохладно прогуливаться, вместе немного теплее и добавила шепотом, что кто-то из мужчин спрашивает обо мне.Я ответила : " Это никто другой, как брат Эдуард Керганд." Просила передать, что я все еще здесь, жива и здорова. Через несколько дней она подозвала меня, подав знак пальцем, к себе на нары и, накрыв одеялом с головой, дала почитать мне письмо брата, где, между прочим, было сказано, что Ванник Юхан, которого арестовали на 3 месяца раньше, тоже здесь и, его тоже привели в камеру к нашим мужикам. "

" Со мной вместе в камере, - рассказывала дальше Лена, - сидели несколько эстонских и латышских женщин, чьи мужья раньше работали на высоких государственных постах. Одной из таких женщин была жена первого партийного секретаря Новосибирской области Эйхе, по национальности латыша. Он был признанным революционером, у которого были большие заслуги в установлении советской власти в России, в областной газете часто печатали его статьи и фотографии. Эйхе арестовали и посадили немного раньше наших мужиков. Одним словом, жена Эйхе оставаясь на свободе начала бороться за его освобождение. Она была убеждена, что произошла ошибка, которую можно поправить. Но события шли своим чередом. Эйхе мучили дико, ломали кости, избивали.Но мужественная натура старого революционера не поддавалась, он не признавался в ложных обвинениях. Она послала Сталину несколько писем с просьбой восстановить справедливость, так как местные органы идут по ложному пути. Сталин или не отвечал на письмо, или их не отсылали (что тоже могло быть). Обо всем случившемся решила рассказать жена Эйхе и самостоятельно поехать в Кремль на разговор со Сталиным, чтобы в конце концов установить справедливость. Недели ждала она приема к Сталину. Наконец, ей повезло. Сталин принял жену Эйхе в своем кабинете. Спокойно выслушал все события, происходящие на месте, все самовольные действия местных властей, об их злодеяниях и о диких мучениях. Жена Эйхе просила Сталина вмешаться, чтобы покончить с произволом, или передать дело в прокуратуру СССР. У Сталина было выражение, что слышит об этом впервые и, усмехнувшись, промолвил : " Езжайте спокойно домой.Я обещаю вы прибудете доиной, вас будет встречать на пороге муж с чашкой горячего кофе. "

Окрыленная обещаниями главы правительства, поспешила полететь домой. На пороге ее ожидали работники КГБ, которые поймали птичку на лету и посадили в клетку. В камере сидели так же жены других высоких начальников, с которыми я иногда разговаривала.Они очень удивлялись, как я, простая колхозница, попала сюда."Мы жены больших начальников, - говорили они, - которых обвиняют в государственной измене и нам совершенно непонятно, в чем обвиняют тебя, простую колхозницу." Эйхе объявили врагом народа. Город и большая железнодорожная станция, что в 25 км от Новосибирска, названные его именем еще при его жизни , переименована в Инскую.

Тетя Лена рассказывает дальше: " Несколько лет после смерти Сталина , а точнее в декабре 1957 года, когда померкла его слава, неожиданно получила повестку явиться свидетелем в Новосибирский суд. Времена были еще жесткие. За каждое неосторожно сказанное

слово можно было попасть за решетку. Сильно боялась, ведь знала, что от меня хотели. С большой сердечной болью ехала в назначенный день в Новосибирск. На вокзале меня уже ждали, посадили в красивую "Волгу" и подвезли прямо к зданию суда. Когда по высоким бетонным ступеням вошла в зал, как раз убирали комнаты. Было еще рано, рабoтники еще не были на месте. Спросила у технички: "Что здесь будет?" Она отвечала: "Здесь будут судить следователей, которые уничтожали безвинных людей." Увидела сидящих на стульях несколько знакомых женщин, с которыми 20 лет назад вместе ели горький тюремный хлеб. Вскоре пришел судья. На скамье подсудимых сидели обвиняемые. Меня вызвали перед судьей и показали на мужчину, сидящего на скамье подсудимых и спросили: "Знаете этого мужчину?" Прошло уже много лет, но мужчину узнала сразу. Ответила: "Знаю. Это тот мужчина, который в 1938 году заставлял меня расписаться в ложных показаниях." Судья спросил снова: "Зачем вы расписались, если обвинения были ложные?" Тогда я рассказала, как мне угрожали и заставляли расписаться. Судья позвал к столу и показал протокол, где я расписалась и спросил: "Это ваша подпись?" Смотрела на подпись, сделанную дрожащей рукой и на следы слез, расплывшихся на бумаге, и вся случившаяся трагедия, как страшный сон, встала перед глазами. Я не смогла удержать слез. Они лились как 20 лет назад, стоя перед этим протоколом. Рана, которую нанесли тогда в мою душу, раскрылась с новой силой. Теперь судья обратился с вопросом к подсудимому: "Ну, Малышев, рассказывайте, зачем вы заставляли человека расписываться под ложными показаниями?" - Сверху заставляли. У меня не было другого выхода, - ответил он. Судья задал новый вопрос: "Почему вы потом все же ее освободили?" "Положение изменилось, "- последовал короткий ответ.

ВОЕННЫЕ ГОДЫ В КОЛХОЗЕ

По воскресеньям, когда была хорошая погода, дедушка Иосеп Керганд одевался в самотканый костюм и такого же цвета видавшую виды шляпу и с палочкой в руке топравлялся в нелегкий путь через несколько логов в другой конец деревни к внуку, т.е. ко мне поговорить. Сухощавый, несмотря на старость, достаточно стройный, появился семенящим шагом, опираясь на палочку, по дороге к нам. На один глаз он не видел, бельмо застилало его. Другим видел столько, что мог самостоятельно находить газеты, конечно, он читать не мог, а интерес к мировым событиям был большой. После ареста мужчин я был для него единственным собеседником, с которым он мог открыто делиться своими старческими мыслями и наблюдениями и облегчить накопившуюся боль души. Дедушка со мной как с равным делился мировыми проблемами и заставлял меня, чтобы я регулярно читал газеты, чтобы более или менее был в курсе дел в государстве и за рубежом.

Уже тогда чувствовалось приближение внезапных событий. Конфликт на границе на далеком Западе. Финская война 1919 года. Фашистская Германия шла войной по Европе. Все эти события вели мир к катастрофе.

"Вот увидишь, большая война впереди," - делал выводы дедушка на основании совещающихся событий. Как на Западе, так и на Востоке, вблизи наших границ, царил тяжелая обстановка. И все же известие о войне пришло внезапно. Я очень ясно помню, как за неделю до нападения немцев, в Советском Союзе 14 июня 1941 года г. в "Правде" появилась информация ТАСС о появившихся разногласиях между Советским Союзом и фашистской Германией. ТАСС официально отрицало слухи о скоплении фашистских войск у наших границ.

22 июня, спустя 8 дней после сообщения ТАСС в "Правде" началась Великая Отечественная война. Мне больше не посчастливи-

лось увидеть деда. Мобилизация увезла меня в первый день войны в Новокузнецк, а оттуда вверх по течению реки Томь за 60 км на катере в безбрежную тайгу в стройбатальон. Дед умер осенью 1941 года.

С первых дней война легла безжалостно тяжелым бременем на плечи советского народа. Война увела с деревни в расцвете своих сил всех трудоспособных мужчин. Жизненные обстоятельства предыдущих лет привели к тому, что предвоенное состояние колхоза было слабое. Уже перед войной не хватало продуктов питания, промышленных товаров, обуви, одежды. Для нашей Эстоно-Семеновки война началась еще раньше, 3 года назад, когда в 1937-38 годах увели неизвестно куда арестованных, пожалуй, самых трудоспособных мужчин. Колхоз еще не успел очнуться от этого удара, как начавшаяся война принесла новый удар. На этот раз еще более жесткий. Мальчишки, которые за последние 3-4 года подтянулись и стали совершеннолетними юношами и могли бы заменить арестованных отцов, но должны были натянуть военные шинели и вступить в кровавую битву. В деревне остались одинокие женщины и несовершеннолетние дети. По мере достижения совершеннолетия ребят мобилизовывали из маленькой эстонской деревни на войну. В течении войны 37 человек. Ниже перечислены их имена:

1. Бекман Александр (умер)
2. Бекман Валентин (погиб)
3. Федосеев Яков
4. Арк Александр (умер)
5. Ивани Арнольд (умер)
6. Ильвес Валентин (умер)
7. Ильвес Людвиг (умер)
8. Ильвес Густав
9. Ильвес Мартин
10. Ильвес Эдуард (инв. войны)
11. Крестовский Эдуард (погиб)
12. Керганд Артур
13. Керганд Рудольф (инв. войны)
14. Керганд Александр (погиб)
15. Кепс Александр (умер)
16. Корберг Эльмар
17. Корберг
18. Куприянов Виктор (погиб)
19. Лепмансон Мартин (погиб)
20. Лепмансон Рудольф (умер)
21. Лепмансон Эдуард (умер)
22. Муру Оскар (умер)
23. Микит Александр
24. Пальм Вольдемар (умер)
25. Пальм Виктор
26. Палав Карл (погиб)
27. Палав Эдуард (погиб)
28. Пах Эльмар (инв. войны)
29. Поттер Эльмар (умер)
30. Поттер Александр (умер)
31. Пюсс Вольдемар (умер)
32. Саар Александр (умер)
33. Сирель Густав (умер)
34. Сирель Тамара (погибла)
35. Соолятэ Эдуард (умер)
36. Ванник Эдуард
37. Викман Виктор (погиб)

Вместе с молодежью мобилизовали и председателя колхоза Керганд Александра. Он один из 4-х мужчин, которого не репрессировали в 1937-38 годах. Он мог не призываться, для этого у него было законное право. Надо было только продлить бронь, которая давалась председателям колхозов по решению правительства. Этого не сделал, сказав: " Пойду вместе с сынами на войну." Сыновьями он

называл всех юношей в деревне, которых в тот раз мобилизовали. Ушел и не вернулся. Вражеская пуля настигла его в бою под Великими Луками. Все эти три предвоенные года, когда колхоз остался действительно без мужчин, он был в хозяйстве опорой и хребтом. Вместе с рядовыми колхозниками работал в поле, вилами метал стога или шаггал за плугом по полю. После его добровольного ухода на фронт выбрали нового председателя из среды простых колхозниц домохозяйку Лизу Поттер. Малограмотной, простой женщине, естественно, трудно было в те тяжелые военные годы управлять большим хозяйством. Примерно через год Районный Комитет Партии рекомендовал новым председателем русского мужичка из какой-то соседней деревни. Однажды зимой созвали всех людей в контору и на общем деревенском сходе за стол сел маленького роста худенький мужичок. Никто его раньше не видел. Только сидящий на заднем ряду, 16-летний паренек Палав Альберт сказал, что он его видел в далекой тайге на лесозаготовках на возу, на вывозке бревен. Звали этого мужичка Рожков Степан.

Много лет спустя Палав Альберт рассказывал смешную историю, связанную с новым председателем на лесозаготовках. Ниже передаю этот рассказ как я запомнил.

" Были далеко в тайге на лесозаготовках, - рассказывал Альберт, - Во время войны доводили большие планы по заготовке леса, которые считались обязательными государственными военными планами. Колхозники уезжали далеко в тайгу на несколько месяцев, практически на всю зиму. У меня был самый колхозный конь по кличке " Левка ". Он передвигался по глубокому снегу как гусеничный трактор, никогда не оставлял хозяина в беде. Такой был глубокий снег, что иногда доставал до спины. Чтобы вывезти бревна из тайги, надо было сначала проложить дорогу. Для этого приходилось на пустых санях несколько раз проезжать туда и обратно и некоторое время подождать, когда снег уплотнится. По мягкому снегу "Левка" прыгал как кот, только спина и уши торчали. Если уставал, то немного отдыхал и опять брел дальше. Ни все лошади были способны передвигаться по глубокому снегу, начинали брыкаться, ломали у саней оглобли, ложились в снег и не думали больше вставать, тогда не оставалось больше ничего, как вокруг саней и лошади вытоптать снег, распрячь лошадь и перетянуть сани на более мелкий снег и снова запрячь.

Работы на лесозаготовках, понятно, были нелегкими. У 16-17 летних мальчишек это требовало большого напряжения. В наших костюмах не было еще мужской силы и необходимой сноровки, уставали лошади. Нормы на лесозаготовках были больше и за их выполнение строго спрашивали. За лошадьми надо было хорошо ухаживать, вовремя накормить и напоить, чтобы могли по глубокому снегу вывозить бревна. Я из колхоза привез с собой воз хорошего снега, но его не хватило и на месяц. У кого закончился запас сена, от государства давали добавок, домой уезжать не разрешали. Даже стояла стража с ружьем, чтобы задерживать покидающим лес людей. Левка не стал есть казенное сено, с кормушками все валил по ноге. Так продолжалось несколько дней. Голодному коню нечего было делать в лесу. Решил ехать домой, другими словами, удрать. И Микит Лиза, которая от колхоза была послана на лесозаготовки, говорила уже давно, что хочет хоть раз побыть дома. Днем изучил как миновать стражу. Вечером, когда стало совсем темно, запряг Левку, Лиза тоже села в сани, благополучно маневрал стражу. Заметили нас только тогда, когда повернули на дорогу к деревне. Слышали окрики и шум во дворе барака. Поддал вожжами лошади и, стремительный конь пошел в галоп. Другой такой лошади в лесу не было, кто смог бы с ним состязаться в скорости. Сани подпрыгивали по неровной дороге, готовые опрокинуться. Оглянулся, Лизы нет в санях. Вижу в темноте копаются в снегу. Крикнул: " Беги скорей. Погоня уже на пороге. " Погоня действительно была на дороге. Когда Лиза запыхавшись упала в сани, еще раз вожжами поддал лошади. К счастью показалась большая деревня, где на другом конце жил знакомый колхозник, у которого по дороге сюда ночевал. Не раздумывая завернул во двор. На шум вышел хозяин, я, спеша, рассказал в чем дело. Хозяин накрыл коня шубой и пригласил

в дом. В избе посидели около часа и продолжали свой путь. Под утро догнали одинокую повозку. Покрытая инеем лошадь шла потихоньку. Мужик, сидящий в санях, вероятно, дремал. Голова торчала из ворота шубы и болталась. Ездок показался знакомым. Такой же беглец как и мы. Решил немного пошутить и направил Левку рядом с его санями и крикнул : " Стой, стой, вернись !" Мужик встрепенулся, задержал лошадь и пялил от страха непонимающие глаза. В свете полной луны мне было видно, как его борода тряслась и, руки не были способны поднять упавшие под лошадь вожжи. Смотрел на это несчастное видение и захохотал. " Тьфу!" - плюнул радостно проснувшийся мужик, и последовало несколько "жирных" ругательств. " Как ты меня напугал." Этот мужик и был Рожков Степан - наш будущий председатель колхоза, с которым связала жизнь наших людей в военные и послевоенные годы.

ВОСПОМИНАНИЯ КЕРГАНД ЭЛЬМАРА О КОЛХОЗНОЙ ЖИЗНИ В ВОЕННЫЕ ГОДЫ

Во время войны вся тяжелая крестьянская работа легла на женщин и подростков. Эльмар Керганд сел за руль трактора подростком в 16 лет весной 1943 года. Сэтих пор вся его жизнь была связана с машинами. Просил рассказать некоторые эпизоды из жизни в колхозе во время войны. Свои воспоминания он начал с колхозного собрания по избранию нового председателя.

" Когда проголосовали, дали слово новому председателю. Из-за стола встал, бросающийся в глаза, маленький ростом мужичок. Свою речь он начал со слов : " Районный комитет партии дал мне возможность выбрать одно из двух: пойти добровольно воевать с немцами или в Эстоно-Семеновку с женщинами. Я выбрал последнее."

Позже, когда он бывал иногда выпивший, глаза краснели, а подбородок тресся (подбородок у него всегда тресся, когда он был выпивший или выводили его из себя женщины). Любил повторять это изречение. О легкой жизни мечтать ему здесь было нечего. Рабочей силой были только женщины и подростки. Сельхозинвентарь полностью амортизирован, МТС-ий тракторишка чуть двигался, без конца стоял в ремонте. Лошади полуголодные, слабые. Весной поднимали их (также и коров) на ноги веревками.

Весенняя посевная и осенняя уборка приравнивалась к трудовой битве, где людям не давали ни отдыха ни пощады. Работали день и ночь. В труднейших условиях шла битва за гектары, тонны, квадратные метры и рубли. Фронт ждал от деревни хлеба, мяса, молока, одежды и денег. Земля, оставшаяся без работников, должна была это дать. Чтобы как -нибудь ускорить полевые работы свыше поступил приказ включить в полевые работы коров из личного и колхозного хозяйства. Женщины, естественно, подняли крик. Корова была единственной опорой в семье. Государство требовало от нее мяса и молокопоставку. Некоторые энергичные колхозницы практиковали все же на своих коровах возить из леса топливо или вывозить корм для скота (что человек в беде только не придумает, лошадей не давали), но идти с коровой на колхозные поля, это уже было слишком. Мы на своей корове возили бревна для дома в деревню. В первый год войны обязали все индивидуальные дома, разбросанные по хуторам, перевести в отведенную колхозную деревню. Телегу сделал сам, для колес использовал железные колеса от конного плуга. Обода были, конечно, узкие, но прочные. На этой телеге на корове привозили топливо и корм.

Однажды председатель созвал всех женщин возле базы и сообщил с района доведенный приказ: на коровах выйти на полевые работы. Поднялся неистовый скандал. Женщины протестовали. Гоготали как гуси на базаре. Председатель вышагивал перед женщинами туда и обратно, как рассерженны петух среди кур, с дрожащим подбородком,

размахивал руками, не уступая ни дольки в своем требовании. Муру Роза, здоровая громкоголосая женщина, ни с какой стороны не уступала председателю. Сделала руки в боки, свою высокую грудь вперед, выступила вперед от стоящих женщин и защитила свою Пунику (корову), как львица. Просветительская работа председателя повисла в воздухе. В свою очередь председатель тоже размахивал руками перед носом женщин. Рооза не отступала, лишь сказала по-эстонски (чего, естественно, председатель не понял) : " Синд, ситаварест ма кюль эй карда, мне вехи энда найсе нана алл." (Тебя сраную ворону я не боюсь, иди маши крыльями перед носом своей жены). И залепила хорошую пощечину председателю. От неожиданности председатель чуть не упал, шапка веером слетела. Женщины потихоньку смеялись. Теперь председатель совсем взбесился, глаза выпучил, подбородок трясся, как хвост ягненка. Грозил всем судом. И обещал наказать по законам военного времени. Инцидент, тем не менее, закончился спокойно. Надо отдать должное и председателю. В свои первые годы руководства все неприятности и конфликты старался решить на месте, не вынося сор из избы. Женщины смягчились и все же пошли со своими коровами в поле. Так же и наша мать запрягла свою Тяхнику в борону и на поводке водила ее по вспаханному полю. Дневную норму назначили в полгектара.

Одной из труднейших проблем в годы войны была проблема еды. Особенно страдали многодетные семьи. Весной, когда зазеленела трава, ребятишки бежали в поле или на луг и собирали щавель, крапиву, лебеду и осот. Когда появились листья свеклы и капусты, щипали их с рассады. Эту зелень щедро бросали в суп. Когда вырастали морковь и брюква, то они сразу шли в ход. Дети грызли их с удовольствием. Мать все ворчала : " Не успеет еще вырасти на грядке, как все съедаете."

Сегодняшние дети безразличны к грядкам моркови и не заставишь их ни одного корня сорвать. Весной, когда с полей прошлогоднего жнивья сходил снег, все деревенские дети шли в поле собирать колоски оставшегося хлеба. Дома сушили и растирали руками зерно, варили, добавляли соли и молока. Ох, как вкусно было. Позже запретили собирать колосья для еды. Из района принесли приказ направить учеников и стариков в поле собирать колосья и сбор сдать в колхозный амбар. Весной можно было дополнить питание и на прошлогодних полях картофеля. Оттаявший от мороза картофель быстро высыхал под сибирским солнцем. Кто-то из жителей сообщил, что сухую картофель можно очистить от земли икожуры, столочь в ступе в порошок, добавить немного муки, соли и выпекать лепешки. Вид у этих лепешек был неприглядный, но есть можно было. Заработок у колхозника в годы войны был до смешного мал. Некоторые могли своей годовой заработок принести в неполном мешке, переброшенном через плечо. Эту малость и нечего было возить на мельницу за 18 км. Так понемногу стали дома изготавливать ручные мельницы (жернова). Мало было домов, где этот атрибут отсутствовал. И я изготовил такую. От толстой березовой чурки отпилил два кружка, в конце которых вбил куски котла. В середине верхнего кружка просверлил отверстие, через которое можно было насыпать зерно. За ручку крутили верхний кружок, размалывая зерно на крупную муку. Но вскоре эти ручные мельницы попали под запрет. Причина запрета была ясна. Люди могли с тока в кармане принести зерно. Некоторые так и делали. Жить как то надо было, детвора ведь хотела есть. Эти жерновы никто не уничтожил, их спустили в подпол и там мололи. У окна кто-нибудь караулил, чтобы неожиданно не пришел кто-нибудь чужой. В конце войны и после проблема с питанием разрядилась. Так как в 1943 году после кратковременных курсов начал работать трактористом. Заработок тракториста был утвержден правительством. Кратковременные курсы трактористов проходил при сурковском МТС. Курсантами были абсолютно девушки, кроме меня и еще одного юноши. Девушки были на два-три года старше нас. Юноши их возраста были на фронте, поэтому со стороны девчат нам было много внимания. Мы, по возможности, старались держаться от них подальше и сидели где-нибудь в уголке и учили.

После окончания 3-х месячных курсов вновь испеченных трактористов разослали по колхозам. Для Эстоновки и соседней Русско-Семеновки создали единую тракторную бригаду, куда кроме меня входили еще трое девушек, окончивших эти же курсы. В этой бригаде не было ни одного опытного тракториста, если не считать бригадира Гюссон Освальда, механизатора с большим стажем. От мобилизации его охраняла броня. На таких мужиках держалась работа тракторных бригад. На его плечи ложилась вся ответственность провести в 2-х колхозах посев с молодыми неопытными вновь испеченными трактористами. Бригадир распределил двух девушек-трактористок в соседнем колхозе, второй трактор, меня и еще одну девушку - в эстонском колхозе. Машины должны были работать на пролет день и ночь. Пересмена была каждые 12 часов. Освальд назначил меня в ночную смену, хотя я и был намного моложе девушки. Вероятно, мне доверял больше. Бригадир больше ничего не успевал, как бегать между двумя колхозами, пока один трактор заводил, другой уже глох. Тогдашние трактора работали на солярке. Для заводки не было электрического освещения. Заводка требовала большой физической силы, даже у здорового мужика выбивался пот на лбу. Что говорить о слабых голодных девушках. Отсутствие электрического света было большой помехой для ночной вспашки. Самое главное, чтобы в конце поля, когда делали разворот назад, найти начало борозды. С посевом было сложнее. Надо было, чтобы кто-то с ручным фонарем впереди освещал предыдущую посеянную полосу. Иногда было и так. Когда бригадир подходил, трактор молчал. Зато обе девушки ревели возле него. Однажды, делая очередной обход, бригадир уже издали услышал ненормальный стук в работающем моторе. Сообразил, что что-то неладно в работающем моторе, и ринулся бегом прямо через поле к работающему трактору. Подбежал и с ходу выключил трактор. Но было уже поздно. Радиатор пылал жаром. Все содержимое трактора пришлось вытащить, о чем сообщили в МТС. Машина встала в самое горячее время весеннего сева. Веселкину Марусю отстранили от работы на тракторе. И моя напарница-девушка до того напугалась, что на следующий день не пришла на смену. Пахал один ночи, три дня без отдыха и сна. Трактор остановился на коротенькое время во время обеда. Повариха приносила обед на поле к работающему трактору. На третью ночь был настолько уставший, что уснул за рулем работающего трактора и не слышал, когда трактор выехал из борозды и без управления двинулся по полю. Проснулся, когда плуг за что-то зацепился и, ведущие колеса трактора стали зарываться в землю. Утром, когда рассвело, наконец, пришел бригадир, вместе со сродным моим братом, на год моложе меня Керганд Леонардом. Бригадир послал меня спать, а сам с подростком сел за руль и начал его обучать. Из подростка получился новый подменный тракторист. Осенью, во время уборки хлеба, бригадир сам садился за руль. В помощники взял 16-летнего подростка Палав Альберта. У тогдашних комбайнов ждер шел не впереди, как у современных машин, а сбоку. Таскал комбайн трактор, от чего весь агрегат был крайне неуклюжим и плохо маневрировал. Сибирский климат для уборочных работ в основном сносный. Но случались и периоды дождей, которые превращали поля на глинистой основе в бездонные, ведущие колеса тяжелого трактора, таскавшие комбайн, проваливались в землю до основания. Освальд сколотил из березовых поленьев трехгранные блоки и кувалдой приколотил их между ведущими колесами (тогда еще не было резиновых покрышек) и передвижение по мягкому грунту значительно облегчилось. Новость разнеслась по району и нашло много последователей. Когда не было росы комбайн отправлялся в поле уже на рассвете и работал там часов до 4-х ночи. Для сна оставалось три-четыре часа. При работе ночью кто-нибудь с фонарем шел впереди и освещал несжатый край хлеба.

Комбайнов в МТС в тот период было мало и эти-то довоенные ломачи, без конца ремонтировали их. На 2 колхоза всего лишь один комбайн, большую часть урожая собирали на лошадях. Редки случаи, когда молотили без перерыва несколько дней и ночей подряд. Утрами после ночной работы делали перерыв на пару часов. На восходе солн-

ца спешили хозяйки домой, еле таща ноги, доить коров и готовить кушать. Остальной народ валился тут же на солому отдыхать. Практически обмолот длился до глубокой зимы. Снег вокруг скирд откапывали, расчищали площадку для молотыбы и, через сугробы трактор подтаскивал молотилку. Как это ни странно, хлеб в скирдах был сухой и прекраснйй как золото. Не надо было сушить. Возили прямо на элеватор, выполняя государственный план. В темноте для освещения рабочего места половина соломы сжигали в кострах, а так же у костра было хорошо греть застывшие ноги и руки. Тракторная бригада состояла из 2-х тракторов, 4-х трактористов, 4-х прицепщиков (точнее 13-14 летних мальчишек), бригадира, возчика воды и горючего, учетчика и повара. В одно время у меня прицепщиком был сродный брат Франц Керганд. Иногда разрешал ему садиться за руль. За короткое время он познал премудрости управления и ухода за машиной. Так он на всю жизнь остался верен машинам и до сегодняшнего дня работает механиком в совхозе. Поваром много лет подряд была Лепмансон Лени. Она была очень трудолюбивая и чистоплотная женщина. Еда, которую она на своих руках таскала на поле, была всегда вкусной и накрыта белоснежным льняным полотенцем. Иногда, когда не с чего было приготовить, шла в лес, собирала клубнику и от себя добавляла еще чего-нибудь, обед приносила к назначенному сроку. Спешила в колхозную контору и заботилась обо всем.

В первый год моей работы наш колхоз передали из Сурковской МТС в Первомайскую МТС. Это была новая МТС в районе, где построили новые мастерские и административные здания. Необходимых станков и запасных частей не было, поэтому изношенные моторы тракторов из колхоза на лошадях возили за 20 км на ремонт в район. Из нас 3-х эстонцев (Гюссон Освальда, Палав Альберта и меня) создали бригаду ремонтников моторов. Работали, как требовало военное время без выходных. Котомки с продуктами из дому пересылали регулярно еженедельно. Однажды в затянувшиеся зимние бураны котомок с продуктами не переслали, на квартире стояли у эстонца-инвалида Луйк Александра, который работал портным. В деревне его звали молодой Луйк. Его отец, старик с длинной густой бородой, который жил в нашей деревне, звали старым Луйком. И у него ничего не было из продуктов нам дать. Решили в субботу после работы все трое идти домой. Одновременно и за долгое время помыться в бане и в понедельник вернуться. Гюссон пошел к главному механику отпрашиваться на воскресенье. Не разрешили. "Идите, сходите и к утру возвращайтесь," - таков был ответ главного механика. Гюссон спорил, но все бесполезно.

- "Тогда пойдем самовольно" - сказал Освальд в заключение.

- "Пойдете самовольно, передам в суд" - ответил главный механик.

Освальд вернулся понурый. Обсуждали между собой создавшееся положение. Голодным жить нельзя, пешком туда и обратно пройти не стоило разговора, все же 10 км по бурану. Пешком туда и обратно - не стоит и разговора. Наконец, Гюссон посмотрел весело и промолвил: "Знаете, ребята, если попадем под суд, получим 3 месяца исправительных работ, с удержанием из заработной платы 25 %, что для нас практически ноль, потому что заработок смехотворно мал. К тому времени, когда весной пойдем в поле и будем получать нормальную зарплату, наказание закончится," - сказал Освальд. Сказано - сделано. Ночью все трое шагали по бору к дому. В воскресенье помылись в бане и в понедельник были на работе. Суд все же состоялся. Все трое получили аналогично в таких случаях 3 месяца исправительных работ с удержанием 25 % заработка.

Трактора были старые довоенные. Давно бы их надо было списать, но в военной обстановке новых нечего было ждать. Приходилось старые невероятными усилиями восстанавливать. Отвесрстия для болтов изнасились и, приходилось рядом сверлить новые. Не было места, где их сверлить. Прицепные орудия ремонтировали на месте в Первомайской МТС. В мастерской горели день и ночь железные печки, изготовленные из бензобаков. Детали, которые откручивались от прицепного инвентаря, заносили в мастерскую и ремонтировали в тепло-

те железной печки, что нельзя было демонтировать, ремонтировали прямо на сугробе. На морозе пальцы не гнулись, ключи не держались в руках. Болты и гайки падали в рыхлый снег. Приходилось искать. Время от времени забегали в мастерскую греться у буржуйки. Замеззшие пальцы неистово болели. Тем не менее к весне привели все в порядок. В апреле во время половодья ехал на вновь отремонтированном тракторе домой в колхоз. По дороге маневрировал между еще нерастаявших сугробов, луж по холмам и между набухшими ручьями. После обеда благополучно добрался до дома. Гордо развернул рычащий трактор между домами своего колхоза. В ранней юности в тяжелых военных условиях полученная специальность привязала всю мою жизнь к машинам. В начале трактористом, позже шофером и, наконец, в Оттепя автослесарем. Начало было трудное. Была война. Совершеннолетнего на фронт не призвали, жил по суровым законам войны. Скидок не делали даже 15-16 летним подросткам. Практически на плечах моих сверстников и женщин держался безжалостно тяжелый воз всей военной жизни в деревне. Мученическую жизнь тех лет невозможно ни описать, ни высказать. То, что я рассказал может быть чуточку отражает фактическую жизнь тех лет."

ВОСПОМИНАНИЯ ИЛЬВЕС ЛЕОНТИНЫ

Дальше делиться о своей жизни в годы войны старшая дочь Ильвес Мартина. " Война требовала от людей неопишемого мужества, особенно тяжелы были всевозможные платежи. Их выплата требовала экономии до страшной нищеты. Приходилось и так со скудного обеденного стола превращать продукты в деньги. Помню как мать однажды пекла пироги. Ребята, окружавшие ее, были голодны. Мать складывала пирожки один за другим в ведро, а другое-упаковала чем-то другим. На следующий день рано утром взяла ведра на коромысле на плечи и пошла за 10 км в Тогучин на базар. Даже мысли не возникло попросить лошадь, так как их не хватало для колхозных работ. Мать вернулась до смерти уставшая, потная и бросилась на кровать отдохнуть. Однажды, когда мать вернулась с базара, зашел председатель колхоза Рожков Степан, чтобы мать заплатила налоги. Получив деньги, упрекнул: " Держишь деньги в чулке, а государству не хочешь платить!" Было до слез обидно слышать такую горькую реплику. Какой мучительной ценой приходилось собирать каждую копейку, каждый рубль, чтобы каким-то образом выпутаться из долгов, которые один за другим ждали своей оплаты. Одним из тяжелейших возов у людей был военный заем, который не имел предела. Практически сумму, доведенную до деревни, местные власти увеличивали еще. При распределении между хозяевами, на всякий случай, добавляли еще. Кому меньше, кому больше. Теперь начинается самая драматическая часть. Ходили из дома в дом, торговались, спорили, плакали, ругались. Жители нашей деревни боялись упорно сопротивляться. Были напуганы событиями предыдущих лет. Русские в этом отношении были смелее. В нашу деревню поселили несколько эвакуированных семей, которых выслали из-за линии фронта, выселяли далеко в тыл. Хрусталева Маруся была выслана откуда-то из под Смоленска. Ее муж вместе с сыновьями был на фронте. О их судьбе она ничего не знала. Высланная попала к чужим людям, без родных и знакомых. Без вещей жизнь приходилось начинать каким-то путем заново. На последние копейки, которые у нее были за душой, она купила телянку. Люди дали семена картофеля, которые она сразу посадила. Маруся была очень работающая, изо дня в день ходила на колхозную работу. Осенью, выкопанную картошку перетаскала на себе домой. На следующий год телочка подросла и она мечтала иметь свое молоко. Обоажения военного времени требовали и от нее определенную сумму. Хрусталева сопротивлялась, но ее не хотели даже слушать. Наконец, все-таки ее сломили, и она

расписалась за определенную сумму и со злостью зло ответила : " Пусть он за эти деньги купит себе штаны." На следующий день ее арестовали и увели. С тех пор люди нашей деревни больше ее не видели. Не только это выражение послужило причиной ее ареста. Хрусталева время от времени любила петь частушки, в которых Сталин изображался карикатурно. Так он, бедняжка, не дождалась ,когда отелится ее телочка.

Мы тоже вырастили телочку, которая отелилась весной. В то время действовал злой закон: семья kloхозника не имела права держать сразу двух дойных коров. Другую после отела телки, надо было сдать. Мать сначала говорила, что молодую не продам, пока старая не отелится, чтобы ребятишки попили молока и пару килограммов масла превратить в деньги. Но не тут то было Председатель колхоза узнал и пришел вместе с председателем Совета к нам и без долгих разговоров надели повод телке на рога и вывели из стайки. Не помогли тут не слезы матери, ни ее просьбы, ни мольба, ни немой укоряющий взгляд голодных детей. Телку увели со двора. Мать до того расстроилась, что выхватила из оравы ребятишек маленького Германа и бросила им вслед." Возьмите и его тогда с собой !" - кричала она в истерике. Председатель Совета приостановился, бросил взгляд на плачущего испуганного мальчугана и сказал председателю: " Дайте ей от колхоза пока корова не отелится по литре молока в день." Так мы расстались со своей телкой без единой копейки.

Во время войны колхозу новых тракторов не давали. Часто требовались ремонты, а запасных частей не было. Однажды из МТС приказали послать человека на лошади за 120 км в Новосибирск за запасными частями . Такой же приказ получил соседний колхоз. Советовали ехать вместе. Председатель колхоза думал, кого послать. Мужчин в колхозе не было. В Русско-Семеновке были хоть старики, которых не взяли на фронт. У нас их не было, так как в 1937-38 их забрали. Наконец, остановились на мне, молоденькой девчущке, у которой так мало жизненного опыта. Русско-Семеновскому старику отдали все необходимые документы. Он знал, куда и как ехать. Была середина зимы, на улице сильный мороз. Пришлось тепло одеться. Надела несколько пар штанов, несколько кофтен, из овчины шубу, поверх всего с большим воротником для зимы тулуп. Мороз пробирался и через эту одежду. Время от времени делали прбежку за санями. За первый день далеко не уехали, так как выезд запоздал, миновали Гутковский Совет и остановились на ночлег в большой деревне (видимо в Рожневке). Без большого труда нашли квартиру у колхозника. В Эстонии постороннему с дороги не так легко найти ночлег.

В доме царила нищета. Вокруг матери, которая в ступе толкла зерно, в лохмотьях стояли ребятишки. Утром она из этого готовила завтрак. Отец их , как у всех, был на фронте. Спать меня уложили, по народным понятиям, на самое хорошее место- на печку. Русская печка практически для этого и служит, так как там предусмотрено место для спанья. Печь топят каждый день, на огне которой готовят пищу на целый день. Хозяйка проворно орудует чугунами, ухватом на длинной ручке переставляя их то ближе, то дальше. Утром приготовленная пища стоит в печи горячей целый день. Плита в этих краях была редкость. На теплонатопленной печке спать приятно. Так я улеглась на печке. После морозного дня теплая печь действовала на кости как бальзам. Хорошо прогревается все тело. Вскоре я почувствовала то здесь, то там по телу ползущих насекомых. Сообразила сразу, что меня атаквали вши. Но делать было нечего, пришлось соглашаться с положением. На следующий день нашли ночлег в нескольких километрах от Новосибирска у родственников моего попутчика. Вечером, когда все улеглись спать, вышла в сенки, стянула с себя всю одежду и, стоя на морозе совершенно голая, вытресала с одежды омерзительных насекомых. Все ли насекомые попадали в снег, не знаю, но спать было спокойнее. Роно утром уехали, чтобы успеть за день все сделать. В городе остановились в " Доме колхозника ", где был большой двор для лошадей. Старик пошел сразу за покупками. Когда в обед он вернулся, гордр заявил : " На базаре продал овес

для лошади. Иди продай и ты свой !" Во время войны люди покупали все, из чего можно было приготовить что-нибудь съестное. Овес продавали стопочкой, что стоило не помню. Пospешила, глупая, на базар и продала овес. На вырученные деньги купила сrвершенно новые калоши, чтобы летом носить с носками. Вечером рано улеглись спать, чтобы утром вовремя тронуться в путь. Утром, когда сели завтракать, У старика не оказалось котомки с хлебом. Поискали здесь-там, нигде нет. Кроме булки (в Сибири в моде круглые булки) там больше ничего не было. Мне было сильно смешно, хотя некрасиво было смеяться над чужой бедой. Но выражение у старика было такое трагическое, что я не могла себя сдерживать. Все же прыснула несколько раз. Наконец, дала из своей котомки ему кусочек хлеба. Когда пошли запрягать лошадей, обнаружили, что с моей упряжки потерялась сиделка. Была моя очередь ахать. Старик вечером свою упряжь заташил в избу, а моя осталась на улице - на санях. Теперь старик спешил мне на помощь. Нашел где-то пустой мешок, свернул в несколько раз и примостил лошади на спину. Начали обратный путь с тяжело нагруженными санями. Теперь только выяснилась ошибка, которую мы допустили на Новосибирском базаре. Только сена немного осталось лошадям. Мне, неопытной девчонке, можно было это как-то простить, но что думал проживший жизнь старик ? С тяжелыми возами лошади уставали. Через 2 дня кое-как добрались до Тогучина. Лошади были до предела изнуренные и теряли последние силы. Здесь наши дороги разошлись. Старик повернул влево, в Русско-Семеновку, а я вправо через бор в свою деревню. Остались последние 10 км. Темнело. В одно время лошадь остановилась. Пройдет несколько десятков шагов и опять отдыхает. Нашла в котомке последние крошки хлеба и скормила их лошади. Когда проехала бор, лошадь была до смерти уставшая. Впереди еще 5 км открытой местности. Через каждые 10 шагов четверть часа отдыхала. Когда свернула с большой дороги между околками на дорогу в свою деревню, лошадь едва могла делать 4-5 шагов. Впереди виднелись огни нашей деревни. Лошадь, заметив огни, жалобно заржала. Сделает несколько шагов и ржет, как будто звала на помощь. У меня навернулись слезы. Умное животное, до смерти уставшее, старалось изо всех сил дотянуть до дома. В полночь добрались до места. Мешок, приделанный вместо седелки, растер спину лошади до крови. Сирель Кристина, которая в то время была конюхом, стала меня сильно ругать, что потеряла седелку. Обещала подать в суд. На следующий день председатель Рожков Степан заступился за меня, сказав: " Хорошо, что оно вообще живая вернулась и такой ценный груз доставила. Лошадь поправиться и, спина зарастет. Седелку приобретем новую."

На этом случае можно и закончить.

ВОСПОМИНАНИЯ КЕРГАНД РУДОЛЬФА

Трагикомическую историю рассказал Керганд Рудольф, что было связано с его и Пальм Вольдемаром призывом в армию. В конце октября 1943 года к Октябрьским праздникам через районную торговлю назначили людям продажу красного вина и белой водки. Во время войны этого товара в продаже не было.

Товар пришлось доставить из Новосибирска в своей таре. Председатель кооператива Сорокин это почетное дело поручил двум по соседним колхозам - Инской и Эстоно-Семеновка. Назначили извозчиками двух восемнадцатилетних юношей : Керганд Рудольфа и Пальм Вольдемара. Из соседней деревни - мужчину постарше, который временно и был старшим. Путь в 120 км в областной центр и обратно проходили за 5 дней. Ночевали в деревнях по дороге. Из-под крышек молочных фляг выплескивалась жидкость. Лошади в позади идущих санях время от времени языком доставали фляги и облизывали винами наполненную посуду и при этом спокойно кивали головой. Длинная до-

рога и пронизывающий ветер заставлял ребят дрожать от холода. По предложению старшего пробовали лекарство от холода. На эту потерю, естественно, не обратили бы внимания, если бы товар поступил прямо в кооператив. Инской мужик, который ехал впереди, ни слова не сказав ребятам, повернул в свою деревню. Ребята приостановились на повороте. Не знали, что делать. Ехать за стариком – не думали. Дорога от магазина вела совсем в другую сторону. Ехать в Сурково (там был кооператив) тоже не сообразили. И решили повернуть лошадей на дорогу в свою деревню. Было совсем темно, когда добрались. Утром с праздничным товаром подъехали в Сурково к магазину. Ребята заметили уже издалека, что старший группы ожидает со своим возом и хмурый. Сорокин тоже. Ничего хорошего это выражение не обещало. " Все вино здесь? " – спросил он сердито. Ребята оправдывались, зная, что не все вино на месте. И начали обвинять неплотно закрывающиеся крышки фляг.

" Я неполные фляги не приму и сегодня же, чтобы все вино было здесь !"- было окончательное решение председателя кооператива. Не знаю, откуда он думал ребята могут взять недостающее вино. И ребятам не осталось больше ничего, как возвратиться обратно в деревню. Проезжая мимо сельского Совета, откуда выскочила раздетая без головного убора девушка – секретарь и весело крикнула: " Остановитесь, ребята! " У самой в руках разжевались какие – то бумажки. Она сунула ребятам карандаш и просила: " Распишитесь здесь." Бумажки были повестками в военкомат. Обоих ребят обязывали завтра же явиться в военкомат для отправления в армию. Приехав домой, сняли фляги, начали праздник и пир горой. Соар Александр, который был на несколько лет старше ребят и по состоянию здоровья отстал от мобилизации доставал из фляги вина всем желающим. Жидкость раздавалась даром, пей сколько хочешь. Праздник длился всю ночь. Утром кто-то из деревенских жителей сообщил Сорокину, что ребята сжирают вино, предназначенное для всего Совета. Сорокин стрелой примчался к месту, чтобы забрать то, что осталось. Схватил без слов флягу и стаскал одну за другой на сани. Не попрощавшись умчался. Когда ребята явились в военкомат, Сорокин как кукушка сидел уже там. Призывников позвали в кабинет комиссара, где сообщили: "Через пару часов их поведут на поезд, который идет на запад, где идет война." После выхода ребят в кабинет вошел Сорокин. Не знаю содержания их разговора, но длилось это долго. Наконец, вызвали грешников к комиссару. Он сообщил ребятам, что откладывает отправление на 24 часа и за это время все дела с кооперативом утрясли. Повернув к Сорокину, комиссар сказал: " Головой отвечаешь, чтобы ребята завтра были вовремя."

Добравшись обратно до дому, начали по деревне собирать деньги, кто пил вино. Недостачу платили со своего кармана. Сорокин, естественно, не принял всерьез приказ комиссара. Ребята сами тоже не догадались вернуться. Только через 5 месяцев в марте 1944 года, когда из военкомата пришла проверка, выяснилось, что 2 юноши свободны, как птицы и не стоят нигде на учете. Выявилось серьезное дело.

В день когда Сорокин должен был доставить ребят в военкомат, отправили группу ребят, где в списках были и два грешника. И фамилии ребят сняли в военкомате с учета. Теперь выписали новые повестки, ребят послали в Эстонский стрелковый полк.

Керганд Рудольф при освобождении реки Эмаа 17 сентября 1944 года был тяжело ранен, после выздоровления послали в Куремаале, где получил 2 ранение. Теперь он инвалид Отечественной войны.

Вольдемар Пальм служил в 917 стрелковом полку и вернулся домой с войны здоровым. Умер пару лет назад.

ИНВАЛИДЫ ВОЙНЫ

В серые жестокие однообразные военные будни маленькой эс-

тонской деревни неожиданно внес большое оживление появившийся в мае 1943 года эстонц-инвалид войны. В боях под Великими Луками в декабре 1942 – январе 1943 годов был ранен и получил инвалидность солдат из Эстонии, которому после поправки некуда было деться. Эстония мучилась в немецкой оккупации. Здесь, в чужой стороне, не зная языка трудно было что-то предпринять для своего дальнейшего проживания. Тем, кто в госпитале встретился с ранеными сибирскими эстонцами повезло, так как получили адреса и хороший совет ехать в эстонские деревни.

Первым появился Херман- Вольдемар Рикс. В серой солдатской шинели, на щеке и бороде красовалась большая рана, которая избороздила левую сторону лица. В начале он остановился у Ильвес Эмилии, два сына которой Людвиг и Валентин ранеными лежали в госпитале в г. Казани. Они-то и дали сюда адрес. В своих воспоминаниях той поры Рикс пишет: " Был в Казанской больнице, где познакомился с Валентином Ильвес. Когда мои раны зажили настолько, что мог покинуть больницу, он дал мне свой домашний адрес и 6 пар ножей и вилок из нержавеющей стали, чтобы отвез их его матери. Русский язык я не знал, с горем пополам как-то добрался до Новосибирска. Там ко мне подошел один русский и стал расспрашивать о том о сем, но отвечать я ничего не умел. Но все же я только понял, когда он спросил, куда я еду, что я сказал, что в Эстоно- Семеновку. Мужчина оживленно объяснил, что он тоже едет в ту сторону, что житель соседней деревни Русско-Семеновки и знает тех эстонцев и эстонский колхоз. Деревня должна была быть в 120 км от Новосибирска. Вместе с ним ночью прибыли на конечную станцию. Мой попутчик жил в 5 км от районного центра. Он пригласил меня к себе на ночлег и сказал, что утром покажет дорогу. Так я и сделал. Утром отправился. Наверное, через три четверти часа ходьбы мимо березовых околков, услышал неожиданно сердитый окрик женщины: " Но, курать." (черт) Это было первое эстонское слово, которое я услышал на сибирской земле.

Говорящую не было видно, околков ее скрывал. Миновал небольшой березняк и увидел молодую девушку, которая боронила на корове колхозное поле. Я с ней заговорил. Она меня направила к Ильвес Эмилии. Позже узнал и имя той девушки. Это была Микит Лиза, которая на своей корове боронила колхозное поле.

Через пару дней в Эстоно-Семеновке появилось еще двое мужчин в солдатской одежде. Это Силлстэ Освальд и Убар Эрих. Оба остановились позже у Ильвес Эмилии. Ее многодетная семья жила очень бедно, еще беднее, чем остальные односельчане. Из семи ее сыновей четверо были уже на фронте. Отец сыновей, Вольдемар Ильвес - сталинская жертва 1938 года.

Опнрежая события, забегу немного вперед, что и 5 сын Эмилии Ильвес - Мартин успел в конце войны на фронт. Он участвовал в боях на востоке против Японии. Несмотря на бедность, Эмилия была очень приветлива и щедра душой. Делилась последним, что у нее было за душой. Деревенские жители, понимая тяжесть ее положения, стали приносить продукты питания: кто картофель, кто - молоко или яйца. У кого, случалось, и мясо. Но приносили и это. Тогда люди решили один за другим, у кого жизненные условия были чуточку лучше, пригласить солдат жить к себе. Палав Юлия, которая жила одна в маленькой избушке пригласила жить к себе Силластэ Освальда. Юлии недавно принесли похоронку на единственного сына - Палав Карла, который погиб в боях под Великими Луками. Мать шестерых детей Эльми Керганд, муж которой Александр Керганд также погиб под Великими Луками, пригласила к себе Рикс Хермана. Эрих Убар поселился на квартире у одинокой инвалидки, старой девы, Эммы Эрмель.

В конце мая через маленькие прмежутки появились один за другим еще 3 инвалида войны Харри Роик в совершенно новом, ладно сидящей, шинели, опираясь на трость, сильно хромал на одну ногу. Лет ему было 25 или чуть больше. Интересной наружности, интнллигентный, вероятно с высшим образованием мужчина. Очень хорошо играл в шахматы. В деревне не было ему равных. На пальце носил се-

ребрянное обручальное кольцо, говоря, что это - единственный дорогой подарок невесты, которая осталась в оккупации в Эстонии. Делясь своими горькими мыслями, он часто с большой сердечной теплотой и внутренней тоской рассказывал, что они оба были не богаты, поэтому кольцо серебрянное. Жить он остановился у одинокой старушки, почти глухой - Пост Минны, у которой единственный сын Эдуард стал сталинской жертвой в 1937 году. Старушка встретила его как родного сына. Заботилась о нем и делилась с ним своей убогой пищей. Осенью следующего года, когда основная часть Эстонии была освобождена, он поспешил в Таллинн. По слухам устроился работать в издательство, счастливо жил со своей возлюбленной. Все семье было 5 или 6 дочерей. Умер рано, в 60-х годах. Видимо, здоровье, подорванное на войне, не выдержало темпов жизни.

После Харри Роика в деревне появился Ранден Юрна, он так же хромал на одну ногу, которая была короче другой и не сгибалась в коленке. Махта Соотс, у которой сын Эльмар был еще в госпитале после ранения под Великими Луками, пригласила его к себе. Последним в деревню пришел Эльмар Соммер. Он потерял на войне пальцы одной руки. У кого он жил уже не помню. Все появившиеся в деревне солдаты, были большие песенники и музыканты. Сегодняшние песни сибирских эстонцев - все еще те, которые пели во время войны, когда стали здесь жить раненые солдаты-эстонцы. Культурная жизнь в деревне остановилась еще при компании коллективизации и новый удар - в период террора 1937-1938 г.г. Люди давно не открывали рта для песен. Теперь же звонко звучали молодые мужские голоса сердечными эстонскими песнями, приятно щемящие душу. "Саял, куус Ляне мере лайнед лаксувад", "Вильянде падимелс", "Ма таакс кодус олла", "Пости пойс", "Каугел, каугел, кус он мину коду" и другие.

Под тяжелым военным возом, в совсем маленькой эстонской деревушке в серой повседневности засиял светлый костер, зажженный солдатами, которые как мерцающие звезды в ночном темном небе символизировали вечность жизни. Люди ожили, на их лицах появились забытые улыбки, груз печали немного полегчал, давая новые силы в борьбе с трудностями жизни.

Ребят приглашали на дни рожденья, слушали их песни и сами учились их петь. Недавно, после больших поисков нашел адрес Рикс Хермана. В своем ответе, между прочим, он вспоминает: "В колхозной работе, по возможности, участвовали только трое: я, Освальд Силластэ и Эрих Убар, остальные были нетрудоспособные инвалиды и не могли выполнять физическую работу. Я по специальности кузнец, в колхозе уже годы не было такого мужика. Приводил в порядок инвентарь, в сенокос отбивал женщинам литовки, так как основную часть травы косили вручную. В колхозе никакой оплаты не получал. Государство давало нам, как инвалидам войны, хлеб, сахар по талонам. Иногда получали и жиры. Того, что получал от государства было, конечно, мало. Практически люди нас и кормили. Уехали все вместе в ноябре 1944 года, когда еще в Сааремаа шли жестокие бои, и наши сверстники проливали кровь за освобождение Родины. Жалко было расставаться с народом, который за короткий срок стал родным, который в трудное время протянул нам руку и дарил нам свое сердечное тепло и делил с нами свой скудный хлеб. Каждый из нас поехал в свой родной уголок. Убар, Юрна и Роик - в Таллинн, Соммер - в Кивизели, Силластэ - в Палкперре и я - в Тарту, в Мютшамейза. Я ехал не один, а с женой и сыном в 2, 5 месяца. Кроме меня в маленькой эстонской деревне нашли спутниц жизни себе еще Эрих Убар и Эльмар Соммер. После нашего отъезда в деревне опять не осталось мужиков, так как свои колхозные ребята еще не вернулись с фронта.

В декабре 1945 года, когда после войны работал в Эстоно-Семеновской школе учителем, получил от Эриха Убара из Таллинна письмо, где он вспоминает прожитую жизнь. "На улице идет снег, звонят колокола, сейчас рождественская суббота, сижу под нарядной елкой и вспоминаю прожитые военные годы. На земле мир, и все-таки по-другому, как никогда раньше, жизнь пронизана как ножом. Всех друзей детства, без которых не мог прожить и дня, уже нет. Всех за

эти годы смела война. Никогда не забуду Сибирь и маленькую Эстоно-Семеновку. Это была моя самостоятельная жизнь, что я прожил. В своих мыслях могу этот период назвать прекрасным временем своей жизни. Если ты когда-нибудь будешь в Эстонии, тогда обязательно навести Харри Ронка, который нас всегда побеждал в шахматы. Знаю где он живет и работает, но еще не навещал."

В другом письме, которое я получил уже живя в Оттепя, вспоминает он еще раз сибирский период жизни: "Я с детства любил свободу и природу, любил бывать в лесу или у реки и озера, проводить время в море подальше от городского шума и людской суеты. Живя в Сибири, в свободное от колхозной работы время, брал удочку и проводил у речки ночь или несколько ночей. Может быть те люди еще не помнят лунную ночь, идя с покоса пел так, что звенел лес. Помогал старушкам Пост Минне и Викман Тильде с покосом. Сам знаешь, что для своих коров приходилось косить крадучий, в свободное от колхозной работы время. Иногда даже в лунные ночи. Сейчас вспоминаю то время и нахожу, что-то время жестокое и все же незабываемое, которое не забудется никогда."

Нет уже в живых Эриха Убара, Освальда Силластэ, Харри Ронка, Рандина Юрна. Все они надломились слишком рано. Война не прошла для них бесследно.

24 августа 1990 года
14 часов 36 минут
Тогучин, пятница.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Все, кто мало и много из 70 лет существования маленькой эстонской деревни в далекой Сибири, жил там хоть иногда хочет вернуться туда. Боль, что этой деревни больше не существует на земле, осталась у всех жителей этой деревни. Вылилась эта боль в идею - поставить памятник этой деревне Эстоно-Семеновке и ее основателям и тем, кто в сталинский режим были репрессированы и тем, кто в годы Великой Отечественной войны погиб на полях сражений. История этой деревни - это боль и история Сибири и сибирских эстонцев и, она вылилась в архитектуре и содержании памятника. Естественно, на месте бывшей деревни чаще всего бывали те из эстонцев, кто так и остался в Сибири и поэтому идея и инициатива памятника за ними, то есть за нами внуками основателей деревни Керганд Иосепа и Ильвес Густава, детьми Керганд Александра Франца, Миральды и Павла. Помогла в этом книга Артура Керганд - внука этих же основателей, только сына Эдуарда. Подхватила эту идею и активно помогала устанавливать связь с другими бывшими жителями деревни Элла Хохлова (дочь Ильвес Густава). Все, кто только узнал, тут же откликнулись и высылали деньги, кто сколько может, в основном по 50 рублей. Это Хохлова Элла; Пуксинг (Тедре) Милла и Леонард; Пальм Лейда, Альфред и Виктор; Керганд Артур, Эльми и Эльмар; Ильвес Эдуард, Яков, Клара, Линда, Леонтина, Вольдемар и Герман; Гюсон Эдуард; Микит Лиза и Александр; Палав Альберт, Альвина, Лена и Эльфрида; Сирель Александр и Эльфрида; Лепмансон Лида и Мария, родственники Корберг; Кротман Роберт, Кромова (Ильвес) Аля, Арк Мили и Альвина, Поттер Эльмар и Александр, Вебер Яков и Антонида; Ильвес Мартин (сын Вольдемара); Пах Эльмар; Керганд Франц, Миральда, Павел, Линда, Рудольф и Леонард.

Много сил вложили своим активным участием Артур, Павел, Миральда, Франц Керганд; Элла Хохлова; Рудольф Фрейберг; Александр Сирель; Муру Герман; зятья Франца Алексей и Борис и все добрые люди, которые просто приходили и помогали.

Теперь у нас есть место, где хоть один раз в год мы можем

встретиться 7 июля - в день Ивана Купалы- в день памяти эстонцев.

Первая такая встреча была 7 июля 1989 года, когда был основан памятник. И хотелось бы, чтобы такие теплые встречи продолжили и наши потомки, наши дети и внуки. В этом наша история, в этом наша культура.